

П.Н. ОЛЬШАНСКИЙ

**РИЖСКИЙ ДОГОВОР
И РАЗВИТИЕ
СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЙ
*1921-1924 гг.***

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

П. Н. ОЛЬШАНСКИЙ

**РИЖСКИЙ ДОГОВОР
И РАЗВИТИЕ
СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

1921—1924

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1974**

В книге исследуется история борьбы Советского правительства за установление мирных, добрососедских отношений с Польшей в первые годы после заключения Рижского мирного договора, разоблачается антисоветская политика правящих кругов буржуазного польского государства, широко освещается деятельность Коммунистической рабочей партии Польши по укреплению дружбы и сотрудничества между польским и советским народами. Работа основана на материалах архивов СССР и Польши.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. И. КОСТЮШКО

ВВЕДЕНИЕ

Рижский мирный договор, заключенный 18 марта 1921 г. между Российской, Украинской и Белорусской советскими республиками, с одной стороны, и Польшей — с другой, представлял собой важный рубеж в истории советско-польских отношений.

Договором объявлялось прекращение состояния войны между Польшей и советскими республиками и установление советско-польской государственной границы. Польша признавала независимость Украины и Белоруссии, захват которых польские правящие круги считали своей главной целью в развязанной ими войне. На отошедших к Польше территориях Западной Украины и Западной Белоруссии польское правительство обязывалось предоставить украинскому и белорусскому населению равные права с поляками и обеспечить свободное развитие национальных культур, языков, отправление религиозных обрядов. Польша и советские республики взаимно гарантировали соблюдение государственного суверенитета, невмешательство во внутренние дела, обязались не создавать и не поддерживать на своей территории организаций и военных формирований, имеющих целью вооруженную борьбу против другой договаривающейся стороны.

Договор предусматривал установление дипломатических отношений между советскими республиками и Польшей, заключение торгового соглашения, консульской, железнодорожной, санитарной и почтово-телеграфной конвенций. Рядом статей устанавливались обязательства по реэвакуации беженцев и военнопленных и обязательства материального характера.

Заключение мирного договора открывало благоприятные возможности для развития всестороннего сотрудничества, торгово-экономических и культурных связей. Этого и добивалось Советское правительство, рассматривая добрососедские отношения с Польшей как важнейшее условие упрочения мира и безопасности в Восточной Европе. Оно неуклонно выполняло обязательства, предусмотренные Рижским мирным договором.

Однако правящие круги Польши, преисполненные классовой ненавистью к Советской стране, и после подписания договора продолжали искусственно создавать напряженность в межгосударственных отношениях, препятствовали развитию связей и контактов между польским и советским народами.

Миролюбивая политика Советского правительства находила горячую поддержку со стороны польского пролетариата и его революционного авангарда — Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП), неустанно боровшихся за тесный союз и дружбу с первым в мире государством рабочих и крестьян, с которым трудящиеся Польши связывали свои надежды на лучшее будущее.

«Польские коммунисты, — отмечал Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, — с самого начала существования Страны Советов последовательно стояли на той позиции, что коренные интересы нашего народа совпадают с интересами Советского социалистического государства... Они стремились к установлению отношений солидарности и дружбы между народами Польши и СССР»¹.

Это неодолимое движение, несмотря на репрессии польских властей, жестоко подавлявших малейшее проявление симпатий к Советской стране, ширилось и крепло. Впоследствии оно вылилось в боевой братский союз наших народов в борьбе против гитлеровских захватчиков, разгром которых привел к созданию Народной Польши.

В советской историографии периода до Великой Отечественной войны вопросы советско-польских отношений не получили широкого освещения. О них кратко говорилось в основном в общих работах по истории внешней политики СССР и в немногочисленных журнальных

¹ *E. Gierek. Związek Socjalistycznych Republik Radzieckich—ostoją socjalizmu i pokoju. «Nowe drogi», 1972, N 8 (270), str. 6.*

публикациях. Систематическое изучение истории отношений между СССР и Польшей началось уже в послевоенное время. Значительно расширилась источниковедческая база благодаря многотомным изданиям «Документов внешней политики СССР», «Документов и материалов по истории советско-польских отношений» и ряда других публикаций.

Много существенных вопросов по истории советско-польских дипломатических отношений поставлено и раскрыто в вышедшем в 1966 г. капитальном труде «История внешней политики СССР», созданном коллективом авторов под редакцией Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко и В. М. Хвостова², а также в 4-м томе «Истории КПСС»³.

Советско-польским отношениям в первое послеоктябрьское десятилетие посвящен ряд монографий и статей советских историков.

Некоторый материал содержится в книге И. С. Яжборовской, посвященной истории идейного развития Компартии Польши⁴. Историками прибалтийских советских республик Х. Арумязь, А. Варславян, К. Поч в последние годы опубликовано несколько работ по истории образования антисоветского Балтийского союза под эгидой Польши в начале 20-х годов⁵. В этих исследованиях показаны империалистическая политика правящих кругов Польши, стремление польского правительства сколотить антисоветский блок прибалтийских государств.

Существенный вклад в разработку интересующей нас темы внесен советскими учеными, занимающимися историей революционного движения в Западной Украине и Западной Белоруссии. Здесь хотелось бы назвать работы В. Полуяна и И. Полуяна⁶, коллективный труд белорус-

² «История внешней политики СССР», ч. I, 1917—1945 гг. М., 1966.

³ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 1. М., 1970.

⁴ И. С. Яжборовская. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. М., 1967.

⁵ Х. Арумязь. За кулисами «Балтийского союза». Таллин, 1966; А. Варславян. Политика английского империализма в отношении буржуазной Латвии. Рига, 1966; К. Поч. Вопрос о польско-балтийском антисоветском союзе во внешней политике буржуазной Латвии 1920—1923 гг. «Известия АН Латвийской ССР», 1966, № 1.

⁶ В. Полуян, И. Полуян. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920—1939 гг. Минск, 1962.

ских ученых по истории КПЗБ⁷, монографии и статьи М. М. Кравец, И. К. Васюта, М. О. Гарматюка, М. Герасименко и Б. Дудыкевича⁸.

История советско-польских отношений привлекала внимание и польских историков. Отличительной чертой работ, вышедших из-под пера польских буржуазных ученых в первой половине 1920-х годов, является стремление к оправданию во что бы то ни стало империалистической политики правящих кругов Польши, ее антисоветской направленности. Так, в изданных в 20-е годы книгах Ст. Кутшебы, близкого по своим воззрениям к кругам «народовой демократии», превозносится антисоветская политика правящих кругов Польши, содержатся яростные нападки на Советскую страну. Будучи апологетом пресловутой теории «двух врагов», имевшей хождение в буржуазно-помещичьих кругах Польши, автор изображает СССР как потенциального агрессора против Польши и из этого делает вывод о необходимости милитаризации страны, создания военного союза Польши и соседних с ней буржуазных государств, которым, по утверждению Ст. Кутшебы, грозит «общая опасность со стороны России».

Аналогичными рассуждениями пестрят и работы лидера эндеков Р. Дмовского, а также Ю. Гжималы-Грабовского. Политику Польши последний изображает миролюбивой, в то же время обвиняя Советское правительство в невыполнении своих обязательств по Рижскому договору, что якобы вынуждало Польшу проводить жесткий курс в отношении советских республик. Эти же взгляды по вопросам внешней политики Польши разделяет и Ст. Козицкий.

Принципиально ничем не отличается от вышеупомянутых концепция пилсудчиков — лидеров ППС, выра-

⁷ «Революционный путь компартии Западной Белоруссии (1921—1939)». Минск, 1966.

⁸ М. М. Кравець. Нариси робітничого руху в Західній Україні в 1921—1929 рр. Київ, 1959; І. К. Васюта. Західноукраїнське село під гнітом монополістичного капіталу в 20—30-х роках ХХ ст. «Український історичний журнал», 1969, № 9; М. О. Гарматюк. Поширення революційних ідей на Волині в період революційного піднесення (1921—1923 рр.). «Український історичний журнал», 1959, № 3; М. Герасименко, Б. Дудыкевич. Борьба трудящихся Західної України за возз'єднання з Радянською Україною (1921—1939 рр.). Київ, 1955.

женная в работах Л. Василевского и З. Зарембы. Оба автора отрицательно относятся к постановлениям Рижского мирного договора в части, касающейся установления советско-польской границы, так как это наносило удар по федералистской концепции Пилсудского, который строил планы отторжения от Советского государства всех белорусских и украинских земель, подчинения своему влиянию Литвы и создания трех «независимых» государств под эгидой Польши. З. Заремба откровенно досадует по поводу того, что Польша вынуждена была признать независимость Украинской и Белорусской советских республик.

Линия буржуазной историографии межвоенного периода была продолжена в работах польских историков, оказавшихся после сентябрьской катастрофы 1939 г. в эмиграции в Англии, США и других странах Запада. Среди них выделяется работа Вл. Побуг-Малиновского «Новейшая политическая история Польши», три тома которой вышли в свет в Лондоне после второй мировой войны. Стараясь обелить политику правящих кругов Польши в начале 20-х годов, автор сознательно искажает факты, всю вину за напряженность в советско-польских отношениях сваливая на Советский Союз, обвиняя его в уклонении от выполнения постановлений Рижского мирного договора.

Буржуазные историки из «санационной» эмиграции продолжают придерживаться концепции «двух врагов», оправдывая политику правящих кругов Польши, которые ориентировались на союз с Францией, направленный против Советского государства.

Крайней антисоветской направленностью характеризуются и работы польских историков из эмигрантского лагеря, сгруппировавшихся вокруг так называемого института имени Сикорского в Лондоне и эмигрантских периодических изданий Англии и США, — П. Вандыча, Т. Комарницкого, Я. Стажиньского, Я. Корбеля, Р. Умястовского, Ю. Калиновского и др.

В Польше сразу же после установления народной власти начался новый этап в освещении истории советско-польских отношений. Этот этап характеризуется стремлением польских ученых-марксистов очистить историю советско-польских отношений от искажений, восстановить историческую истину, представить на прочной

документальной базе историю борьбы Советского правительства за мир, разоблачить антисоветскую политику правящих кругов Польши, показать взаимное стремление советского и польского народов к сближению и братской дружбе. Среди общих работ, вышедших в послевоенный период, в которых нашла отражение история советско-польских отношений в 1921—1924 гг., можно назвать исследования А. Айненкеля, В. Дашкевича (последнее посвящено полностью истории внешней политики Советского правительства в 1917—1925 гг.), Ю. Ковальского, З. Ландау и Е. Томашевского⁹. Интересующие нас вопросы нашли также освещение в капитальном труде по истории польского рабочего движения, вышедшем в 1967 г.¹⁰

Появился ряд работ, основанных на новых архивных материалах, ставших доступными благодаря упомянутому уже многотомному изданию документов по истории польско-советских отношений. Это работы Ст. Лопатнюка, Я. Юркевича, Е. Куманецкого, Е. Томашевского¹¹. История советско-польских отношений нашла свое отражение в исследованиях Т. Цесляка¹². Ряд работ польских авторов посвящен отдельным вопросам истории советско-

⁹ *A. Ajnenkiel. Od rządów ludowych do przewrotu majowego. Zarys dziejów politycznych Polski 1918—1927.* Warszawa, 1964; *W. Daszkiewicz. Walka państwa radzieckiego o pokój i bezpieczeństwo (lata 1917—1925).* «Sprawy międzynarodowe», 1962, N 11; *J. Kowalski. Zarys historii polskiego ruchu robotniczego w latach 1918—1939, cz. I, lata 1918—1928.* Warszawa, 1962; *Z. Landau i J. Tomaszewski. O polityce zagranicznej Polski w latach 1924—1925.* «Kwartalnik Historyczny», 1961, N 3.

¹⁰ «Historia polskiego ruchu robotniczego», 1864—1964, t. I. Warszawa, 1967.

¹¹ *St. Łopatniuk. W pierwszych latach po traktacie ryskim.* «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich», t. II. Warszawa, 1966; *J. Jurkiewicz. Moskiewska konferencja rozbrojeniowa w grudniu 1922 r.* «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich», t. I. Warszawa, 1965; *J. Kumaniecki. Stosunki polsko-radzieckie w okresie przygotowawczym do konferencji geneńskiej.* «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich», t. IV. Warszawa, 1969; *он же. Po traktacie ryskim.* Warszawa, 1971; *J. Tomaszewski. Die polnisch-sowjetischen Handelsbeziehungen in den Jahren 1920—1929.* «Studia Historial UAM», vol. 5. Poznań, 1970.

¹² *T. Cieslak. Historia polskiej dyplomacji w latach 1918—1939, cz. I, 1918—1926.* Warszawa, 1959; *он же. Geneza sojuszu polsko-radzieckiego.* «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich», t. II. Warszawa, 1966.

польских отношений (Рапалльскому договору с Германией в 1922 г. и т. д.). Среди них необходимо назвать монографию С. Микулича, статьи Б. Явожиньского и Е. Красуского¹³.

Польские историки предприняли попытку разработки периодизации истории советско-польских отношений, результатом которой явилась коллективная работа В. Дашкевича, В. Ковальского и С. Лопатнюка, опубликованная в порядке дискуссии и вызвавшая большой интерес в среде историков¹⁴.

Однако то, что сделано советскими историками и особенно историками Народной Польши, не исчерпывает задачи; это можно рассматривать лишь как первые попытки работы в направлении глубокого и всестороннего исследования чрезвычайно важных и весьма актуальных вопросов истории советско-польских отношений, особенно ее начального периода. Требуется более широкого освещения миролюбивая политика Советского государства, его усилия по осуществлению Рижского мирного договора, которые встречали сопротивление со стороны правящих кругов Польши, но находили одобрение и поддержку со стороны трудящихся масс.

Автор этой работы поставил своей целью в некоторой мере восполнить тот пробел, который существует в разработке истории советско-польских отношений в 20-е годы.

При работе над монографией автором использованы произведения В. И. Ленина, постановления ЦК РКП(б), материалы X—XIII съездов партии, съездов Советов РСФСР и СССР, состоявшихся в 1921—1924 гг.

В предыдущей книге («Рижский мир», М., 1969) основное внимание было уделено ходу польско-советской войны, мирным переговорам и подписанию мирного договора. Настоящая книга освещает развитие советско-польских отношений в 1921—1924 гг.

¹³ S. Mikulicz. Od. Genui do Rapallo. Warszawa, 1966; B. Jaworzyński. Rapallo i polityka polska. «Sprawy międzynarodowe», 1955, N 5; J. Krasuski. Wpływ traktatu w Rapallo na stosunki polsko-niemieckie. «Przegląd Zachodni», 1963, N 3.

¹⁴ W. Daszkiewicz, W. T. Kowalski, St. Łopatniuk. Próba periodyzacji historii stosunków polsko-radzieckich w latach 1917—1968. «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich», t. VI. Warszawa, 1970.

Глава первая

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ РИЖСКОГО МИРА (МАРТ — ОКТЯБРЬ 1921 г.)

1

Усилия Советского правительства по быстрейшему установлению дипломатических отношений с Польшей

Подписанием Рижского мира закончился труднейший в истории Советского государства период, основным содержанием которого была вооруженная защита трудящимися завоеваний Октябрьской революции от посягательств внутренней контрреволюции и иностранных интервентов, стремившихся совместными усилиями свергнуть власть Советов и восстановить в России буржуазный строй.

Победа трудящихся Советской страны над внутренней и внешней контрреволюцией вынудила капиталистические державы смириться с существованием первого в мире государства рабочих и крестьян. «В настоящее время международное положение таково, — отмечал В. И. Ленин в речи на X Всероссийской конференции РКП(б) 28 мая 1921 г., — что какое-то временное, неустойчивое, но все-таки равновесие установилось; равновесие такого типа, что империалистические державы, при всей своей ненависти и желании броситься на Советскую Россию, от этой мысли отказались»¹.

Одним из важнейших результатов установившегося равновесия было то, что руководители ряда капиталистических государств были вынуждены сесть за стол переговоров с представителями Советского государства.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 340—341.

Так, уже в течение 1920 г. правительство РСФСР подписало мирные договоры с Эстонией, Литвой, Латвией, Финляндией; в феврале-марте 1921 г. были заключены соглашения о дружественных отношениях с Ираном, Афганистаном, Турцией, а также временное соглашение с Англией.

Подписание 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора с Польшей имело важнейшее для Советского государства значение. Польша являлась самым крупным соседом советских республик на западе, ее границы соприкасались с границами Советского государства на протяжении 1400 км. Кроме того, в силу вхождения в прошлом значительной части польских территорий в состав Российской империи экономика Польши была тесно связана с экономикой России. Империалистическая война разорвала эти связи и быстрее их восстановление было в интересах обеих стран. Территория Польши являлась к тому же как бы мостом, соединявшим Советскую страну со странами Западной Европы. Через нее шли традиционные транзитные пути из России в эти страны и обратно; восстановление транзита являлось делом весьма важным для экономики обеих стран. Наконец, географическое положение Польши на пути с Запада на Восток должно было учитываться и как стратегический фактор. В интересах Советского государства было не допустить использование Польши западным империализмом в качестве антисоветского плацдарма. Все это самым убедительным образом говорило о том, что Советское правительство было заинтересовано в развитии мирных, добрососедских отношений с Польшей, основа которых была заложена Рижским мирным договором.

Несмотря на это, отношения между советскими республиками и буржуазно-помещичьей Польшей складывались по вине последней далеко не благоприятным образом и в ряде случаев характеризовались серьезными осложнениями.

Естественно, что после подписания Рижского мирного договора в качестве первого шага к установлению нормальных отношений надлежало осуществить обмен дипломатическими представительствами. К этому обязывала и статья XXIV Рижского договора, гласившая: «Дипломатические отношения между договаривающими

ся сторонами устанавливаются немедленно по ратификации настоящего договора»².

Обе стороны ратифицировали мирный договор в установленный статьей XXVI тридцатидневный срок³. Извещая правительство Польши о ратификации Президиумом ВЦИК мирного договора, народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин от имени Советского правительства и народа выразил уверенность в том, что «сердечные и искренние отношения доброй воли и тесной дружбы между обоими народами будут последовательно и постоянно развиваться в условиях окончательного прекращения борьбы прошлых лет, предания этой борьбы забвению и оказания взаимной помощи в развитии производительных сил»⁴.

Со стороны польского правительства также была высказана точка зрения на подписание Рижского договора как на событие, означавшее коренной поворот во взаимоотношениях с советскими республиками, и выражена готовность приступить к его реализации. Выступая в сейме во время обсуждения вопроса о ратификации договора, премьер-министр и лидер одной из самых влиятельных в стране партий — «Пяст» В. Витос заявил, что «правительство преисполнено решимости искренне и лояльно выполнять обязательства по договору»⁵.

За ратификацию мирного договора, хотя и с оговорками, высказались лидеры ППС и других влиятельных партий. Даже противники мира с советскими республиками — пилсудчики предпочли пока не выступать открыто против Рижского договора, и он был утвержден единогласно.

² «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР), т. III. М., 1959, стр. 642.

³ ВЦИК ратифицировал Рижский мирный договор 14 апреля 1921 г., ЦИК УССР — 17 апреля. Правительство БССР свои полномочия на ведение переговоров и подписание мирного договора передало правительству РСФСР. 15 апреля договор был утвержден польским сеймом, после чего 16 апреля постановление сейма было подписано главой государства Ю. Пилсудским.

⁴ ДВП СССР, т. IV. М., 1960, стр. 69.

⁵ «Sejm Ustawodawczy Rzeczypospolitej Polskiej. Sprawozdanie stenograficzne» (далее — «Sejm Ustawodawczy...»), 223 pos., 14.IV 1921, tam. 6.

30 апреля 1921 г. в Минске состоялся обмен ратификационными грамотами, после чего мирный договор вступил в силу.

Дальнейшие события показали, однако, что противники мира с Советской Россией, занимавшие ключевые позиции в правительстве и в руководстве вооруженными силами, продолжали вынашивать антисоветские планы и всячески препятствовали нормализации отношений между двумя странами. Их ближайшей целью было как можно дольше сохранить состояние неопределенности в польско-советских отношениях, находиться в состоянии «ни мира, ни войны».

Выехавшему в Минск для обмена ратификационными грамотами И. Лоренцу Советское правительство поручило более конкретно обсудить с представителем польского правительства вопрос относительно обмена дипломатическими представительствами. Выяснилось, что Польша, вопреки мирному договору, не желала полного восстановления дипломатических отношений. Уполномоченный польского правительства А. Ладось ответил Лоренцу, что, по мнению польского правительства, пока лучше ограничиться назначением с обеих сторон поверенных в делах⁶, права и полномочия которых, естественно, должны быть весьма узкими. Как выяснилось из беседы, польское правительство вообще было намерено отложить обмен дипломатическими представителями на неопределенное время, а пока что сноситься с Советским правительством через дипломатических представителей обеих стран, аккредитованных при правительстве Латвии.

Советское правительство предприняло новую попытку склонить Польшу к обмену дипломатическими представительствами. 19 мая Г. В. Чичерин направил правительству Польши по радио ноту:

«Российское правительство рассматривает восстановление дипломатических отношений как предварительное условие выполнения соответственных статей Договора. Пока польское правительство будет сохранять свое отрицательное отношение к этому, оно будет ответственным за все вытекающие последствия, так как вос-

⁶ ДВП СССР, т. IV, стр. 697.

становление дипломатических отношений является существенной частью Договора и необходимым условием мирных и добрососедских сношений между двумя странами»⁷.

Полномочным представителем РСФСР в Польше был назначен заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан — дипломат ленинской школы, хорошо проявивший себя при выполнении ряда ответственных поручений Советского правительства и лично В. И. Ленина (в том числе в качестве секретаря советской делегации на переговорах о мире с Германией в Брест-Литовске).

Не получив ответа на свою ноту, Наркоминдел 25 мая направил новую радионоту, в которой, извещая о назначении Л. М. Карахана, просил разрешить полпреду в первых числах июня прибыть в Варшаву для выполнения своих обязанностей и оказать ему в этом содействие⁸. Лишь 4 июня, т. е. через 10 дней, МИД Польши за подписью вице-министра Домбского направил ответную ноту. Содержание ее было более чем странным. Польское правительство, говорилось в ноте Домбского, «сможет принять советского полпреда лишь тогда, когда польский представитель сможет выехать в Москву»⁹. О дате отъезда последнего в Москву польская нота вообще умалчивала. Точно так же польское правительство не торопилось с направлением своего дипломатического представителя в Харьков. В результате настойчивых напоминаний правительства Советской Украины, этот вопрос был внесен в Совет министров 31 мая. Однако выполнение постановления о немедленном обмене дипломатическими представительствами было отложено польской стороной до утверждения бюджета представительства (утверждение состоялось только 22 августа)¹⁰.

Тем временем в польской печати появилось сообщение об утверждении на пост посланника в Москву Л. Даровского, до этого занимавшего должность директора одного из департаментов в министерстве промышленно-

⁷ ДВП СССР, т. IV, стр. 129.

⁸ Там же, стр. 139.

⁹ Там же.

¹⁰ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (далее — «Документы и материалы...»), т. IV. М., 1966, стр. 58—59.

сти и торговли¹¹. Советское правительство одобрительно отозвалось об этой кандидатуре¹². Однако вскоре польское правительство отменило свое прежнее решение и назначило Л. Даровского министром труда и социального обеспечения¹³. Наконец 10 июня министерство иностранных дел Польши сообщило через своего представителя в Риге, что польским дипломатическим представителем в Москве будет Т. Филипович, который незадолго перед этим был назначен на пост вице-министра иностранных дел. Советское правительство немедленно выразило свое согласие, и 14 июня назначение Т. Филиповича состоялось. Но прошел июнь, за ним июль, а Филипович продолжал находиться в Варшаве. Это, естественно, не позволяло и советскому полпреду выехать к месту своего назначения. Такое положение стало вызывать все большее беспокойство польской общественности. Столичная газета «Пшеглэнд вечорны» («Вечернее обозрение») писала по этому поводу:

«Скорейшая отправка польского посольства в Москву является жгучей необходимостью». Газета довольно прозрачно намекала на виновников задержки обмена дипломатическими представительствами. «Некоторые круги,— писала газета,— препятствуют отправке польского посольства в Москву с целью недопущения советского посольства в Варшаву. Кажется, что именно эти круги провели назначение г. Даровского, намеченного на пост польского посла в Москве, министром труда, лишь бы только задержать отправку посольства в столицу Советской России. Сторонники такой политики вовсе не отдают себе отчета в том, что для Польши является задачей первостепенной важности завязать непосредственные сношения с Советской Россией»¹⁴. Эта же газета три дня спустя вновь высказала упрек в адрес польского правительства: «Весь мир стремится к восстановлению сношений с Россией. Одна только Польша не заботится ни о сношениях с Россией, ни об информации из России»¹⁵.

¹¹ «Robotnik», 1.VI 1921.

¹² ДВП СССР, т. IV, стр. 697.

¹³ «Monitor Polski», 2. XI 1921.

¹⁴ «Przegląd Wieczorny», 9.VI 1921.

¹⁵ «Przegląd Wieczorny», 12.VI 1921.

Одновременно реакционная печать Польши, явно по указке антисоветских кругов, близких к пилсудчикам, а также лидеров партии национал-демократов, связанных с англо-французским империализмом, подняла кампанию против приезда в Варшаву советского дипломатического представительства.

Неофициальный орган народных демократов «Газета поранна» («Утренняя газета») в одном из номеров призывала читателей не верить «большевикам», которые посылают свои дипломатические миссии — «агентуру Коминтерна» — в другие страны с целью вызвать там «революционный переворот»¹⁶.

После того как стало известно о намерении Советского правительства направить в Варшаву в качестве полпреда Л. М. Карахана, буржуазно-либеральные газеты «Курьер польски», «Наш курьер», а также близкая к пилсудчикам «Наруд» («Нация») выступили со статьями, подстрекавшими правительство не принимать в Варшаве советского полпреда¹⁷.

Эта кампания польской буржуазной печати продолжалась и после приезда советского представительства в Варшаву. Она приняла такие размеры, что польское правительство было вынуждено публично отмежеваться от враждебных выпадов газет. Правительственный официоз «Монитор польски» опубликовал заявление прессы бюро МИД в связи с антисоветскими выступлениями польских газет. «МИД вынужден категорическим образом указать, — говорилось в заявлении, — что подобные выступления печати, как несогласные с общепринятыми нормами вежливости, чрезвычайно затрудняют международные отношения и ставят правительство Польши в неприятное положение»¹⁸.

В конце концов вопрос об обмене дипломатическими представительствами был улажен, и 3 августа 1921 г. советский полпред Л. М. Карахан вместе с сотрудниками

¹⁶ См.: «Бюллетень НКВД», 12.VI 1921.

¹⁷ Газета «Наруд» поместила заметку под провокационным заголовком «Карахан не будет послом». «В кругах, близких к правительству, — писала газета, — мы узнали, что представляется весьма сомнительным, чтобы со стороны польского правительства последовало согласие на назначение Карахана на пост советского посла в Варшаве» («Naród», 8.V 1921).

¹⁸ «Monitor Polski», 19.VII 1921.

миссии прибыл в Варшаву. 4 августа в Москву прибыл польский поверенный в делах Т. Филипович с полным составом дипломатической миссии.

Не меньшие препятствия встретило и правительство Советской Украины при реализации статьи XXIV Рижского мирного договора об установлении дипломатических отношений между УССР и Польшей. Вслед за обменом ратификационными грамотами правительство УССР через представителя Польши в Риге В. Каменецкого уведомило правительство Польши о назначении своим полпредом в Варшаву А. Я. Шумского, запросило согласие на его прием, а также выразило пожелание ускорить прибытие в Харьков представительства Польши. Не получив исчерпывающего ответа, правительство УССР вновь напомнило об этом же специальной нотой польскому МИД 5 июня 1921 г.¹⁹ Но лишь 22 августа министр иностранных дел К. Скимунт, «принимая во внимание требования со стороны Украины об отправке представительства в Харьков»²⁰, решил направить туда польскую дипломатическую миссию. 20 сентября МИД Польши послал, наконец, в Харьков уведомление о назначении графа Ф. Пулаского дипломатическим представителем Польши при правительстве УССР в ранге поверенного в делах. Его отъезд в Харьков намечался на 30 сентября²¹, но был отложен, что препятствовало выезду представителя УССР в Варшаву²². 6 октября граф Ф. Пулаский, следуя в Харьков, прибыл на советскую пограничную станцию Здолбунново, где встретился с направлявшимся в Варшаву полпредом УССР А. Я. Шумским.

Таким образом, по вине польского правительства установление дипломатических отношений между советскими республиками и Польшей затянулось почти на полгода. Эта задержка отрицательно отразилась как на выполнении статей Рижского договора, так и на развитии взаимоотношений между обоими государствами.

¹⁹ Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 122, оп. 4, д. 12, л. 17.

²⁰ Archiwum Akt Nowych (далее — ААН), PRM, t. 20259/21.

²¹ ААН, Р—III, т. 5.

²² АВП СССР, ф. 122, оп. 4, д. 12, л. 18.

*Начало реализации статьи IX Рижского договора
по обмену военнопленными и репатриации беженцев.
Работа смешанной пограничной комиссии*

Одной из самых неотложных задач, требовавших быстрого разрешения, было осуществление обмена военнопленными и беженцами. По приблизительным данным, в годы мировой войны на территории России находилось около 3 млн. польских беженцев. В это число входили жители польских губерний и отошедших к Польше по Рижскому мирному договору территорий Западной Белоруссии и Западной Украины, служащие и рабочие эвакуированных из Польши на восток промышленных предприятий. По данным Чрезвычайной комиссии по репатриации при правительстве Польши, основанным на сведениях Центрального всероссийского бюро по делам беженцев, на 1 января 1917 г. вне пределов Польши (в границах 1921 г.) числилось 3 112 180 человек. Они были размещены в 69 губерниях Российской империи²³. Некоторая часть беженцев выехала в Польшу в 1918—1919 гг. Репатриация происходила в значительной степени стихийно и не поддавалась учету. Поэтому точных данных о количестве возвратившихся на родину поляков за эти годы нет. После подписания Рижского мира обеими сторонами был проведен учет населения, подлежащего репатриации. По сведениям, собранным польской Комиссией по делам репатриации в Москве, на 1 ноября 1921 г. в России польских беженцев оставалось 1,1 млн. человек²⁴.

Из общего числа подлежащих репатриации значительную часть составляли поляки, служившие в царской армии (всего их было, по подсчету А. Манусевича, около 500 тыс. человек), и военнопленные поляки — бывшие солдаты австро-венгерской и германской армий (около 100 тыс. человек)²⁵.

²³ ААН, Акта St. Kauzika, t. 52.

²⁴ ААН, PRM, t. 249/22.

²⁵ См.: А. Манусевич. Польские революционные группы в России в борьбе за победу и упрочение Советской власти. «Из истории польского рабочего движения». М., 1962, стр. 104.

Не менее важным было быстрее осуществление обмена военнопленными²⁶. Еще за три недели до подписания мирного договора в Риге было заключено советско-польское соглашение о репатриации. Стороны обязались «приступить к возможно скорейшей репатриации всех находящихся в пределах их территорий заложников, гражданских пленных, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов»²⁷. Для осуществления репатриации в месячный срок были созданы две смешанные советско-польские комиссии с местонахождением в Москве и Варшаве. Стороны договорились, что комиссии по репатриации приступят к работе немедленно после подписания Рижского мирного договора, не ожидая его ратификации. Советское правительство дало указание соответствующим органам на местах о немедленной отправке военнопленных поляков. Буквально на другой же день после подписания мирного договора, 19 марта 1921 г., состоялась первая отправка на родину военнопленных поляков из смоленского лагеря²⁸. 30 марта отправились на запад эшелоны с военнопленными из орловского, брянского и других лагерей²⁹.

В первой половине апреля на советскую пограничную станцию Негорелое стали прибывать первые эшелоны из Польши с советскими военнопленными³⁰.

Советское правительство в начале апреля утвердило состав российско-украинской делегации в смешанной репатриационной комиссии для работы на польской территории. Аналогичная польская делегация должна была прибыть в Москву. 11 апреля делегация, возглавляемая Е. Н. Игнатовым, выехала в Варшаву, но по прибытии на государственную границу она узнала, что по неизве-

²⁶ По состоянию на 4 октября 1920 г., в 21 лагере для польских военнопленных солдат и офицеров на территории России насчитывалось 22 715 человек (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 63, оп. 1, д. 25, л. 3. Отчет Польбюро при ЦК РКП(б). Сколько-нибудь точными сведениями о количестве военнопленных красноармейцев, находившихся в польских лагерях, автор не располагает.

²⁷ «Документы и материалы...», т. III. М., 1965, стр. 502—503.

²⁸ «Известия», 24.III 1921.

²⁹ Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. 13554, оп. 5, д. 230, лл. 120—121.

³⁰ «Звезда», 17.IV 1921.

ственным причинам выезд польской делегации из Варшавы задерживается. Это означало, что и советская делегация не может пересечь границу. Две недели ждала она на границе, только 24 апреля прибыла в Варшаву, а через четыре дня начались работы репатриационной комиссии.

Польские реакционные круги, близкие к пилсудчикам, с самого начала работы комиссии старались помешать ее нормальной работе. В день приезда советской делегации на стенах домов и гостиницы «Рояль» на ул. Хмельной, где она разместилась, появились воззвания «Анти-большевистской лиги», призывавшие к бойкоту советских представителей и чуть ли не к физической расправе с ними.

С самого начала переговоров о репатриации обнаружилось нежелание польской стороны по-деловому решать вопросы. Разногласия начались при обсуждении вопроса о персональном обмене, который, в соответствии с дополнительным протоколом к соглашению от 24 февраля 1921 г., должен был осуществляться в первую очередь. Советской стороной было предложено обменять 300 польских политзаключенных — деятелей рабочего движения, находившихся в польских тюрьмах и лагерях, на такое же количество поляков, лишенных свободы в советских республиках. Лишь после длительных переговоров советской делегации удалось добиться согласия польской стороны на персональный обмен, да и то небольшими группами, состав которых польские власти определяли по своему усмотрению³¹.

В результате осуществление обмена затянулось на многие месяцы.

Польская делегация, работавшая в Москве, при формировании эшелонов с репатрированными польскими гражданами оказывала предпочтение лицам польской национальности перед белорусами и евреями.

Еще одним недружелюбным актом польских властей явилось игнорирование требований советской делегации прекратить издевательства над военнопленными красноармейцами в польских лагерях и улучшить условия их жизни. Долгое время доступ советским представителям

³¹ ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 199, л. 43.

в эти лагеря был закрыт. Но когда, наконец, была получена возможность посетить некоторые из них, то выявилась ужасающая картина. Советские военнопленные подвергались истязаниям, содержались в антисанитарных условиях. Пленных красноармейцев расстреливали за малейшие попытки выразить недовольство лагерным режимом. Особенно печальную известность приобрели лагеря в Стшалково, Домбе и Тухоле, где вследствие невыносимых условий смертность достигла особенно больших размеров.

Советское правительство неоднократно выражало польскому правительству протест против жестокостей по отношению к военнопленным. Но все усилия в этом направлении оставались, как правило, почти безрезультатными.

Совершенно иное отношение к себе со стороны властей встречали в Советской стране военнопленные поляки. Еще во время войны, 15 сентября 1920 г., Советом Труда и Оборона было издано постановление, обязывающее Народный комиссариат продовольствия обеспечивать военнопленных продовольствием «согласно существующим нормам тылового красноармейского пайка и в первую очередь наравне с военным контингентом». Такое же распоряжение было дано относительно вещевого довольствия и медико-санитарного обслуживания военнопленных³².

2 февраля 1921 г. Малый Совнарком принял постановление, которым подтверждалось постановление СТО и указывалось, что военнопленным, занятым на работах в промышленности, заработная плата должна выдаваться без вычетов³³.

Среди военнопленных велась большая культурно-массовая и разъяснительная работа, в чем существенную помощь оказывали коммунисты-поляки, проживавшие в Советской стране. Большую работу в этом направлении проводили созданные при партийных комитетах в городах и губерниях, где проживало польское население, польские бюро. Например, для работы среди польских беженцев в Петрограде, которых насчитывалось свыше

³² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 84. л. 25.

³³ «Документы и материалы...», т. III, стр. 499—500.

30 тыс. человек, Польбюро ЦК РКП(б) по просьбе Комиссии по эвакуации при Петроградском Совете (Петрозвак) выделило и откомандировало в распоряжение Петроэвака около 30 коммунистов, в том числе 15 поляков, для ведения агитмассовой работы³⁴. Для военнопленных были организованы школы по ликвидации неграмотности, читались лекции, доклады.

Польские коммунисты, проживавшие в СССР, старались поддерживать связи с военнопленными поляками, регулярно бывали в лагерях, выступали там с лекциями и докладами, рассказывали о жизни Советской страны. «Воспитание коммунистического сознания среди пленных поляков в России является главной задачей, — писал в газете «Трибуна комунистyczna» («Коммунистическая трибуна») видный деятель польского рабочего движения Ст. Будзыньский. — Надо сделать из них борцов за социалистическую революцию в Польше»³⁵. К возвращавшимся на родину военнопленным полякам польские коммунисты обратились со специальным письмом, в котором призвали бороться против буржуазно-помещичьего строя³⁶.

Разъяснительная работа польских коммунистов, непосредственные впечатления о советской действительности — все это имело огромное влияние на формирование мировоззрения польских военнопленных и беженцев. Многие из них возвращались в Польшу друзьями Советской страны, а на родине нередко становились в ряды борцов за социальное освобождение своего народа. Многочисленные свидетельства этого сохранились в архивах полиции, жандармерии, генштаба Польши. Так, один из агентов II отдела докладывал начальству, что «беженцы из Советской России ведут агитацию среди солдат и населения; многие беженцы служили в Красной Армии и не скрывают этого... Они говорят: в Советской России все равны и нет буржуев»³⁷. Однако самое главное, что

³⁴ Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (далее — ЛГАОР СС), ф. 5876, оп. 5, св. 35, д. 27, л. 8.

³⁵ «Трибуна Комунистyczna», 23.I 1921.

³⁶ Archiwum Komitetu Centralnego PZPR (далее — Arch. KC PZPR), Biuro Wykonawcze KPRP w Rosji, t. 158.

³⁷ Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych, Wydział wywiadowczy (далее — CAMSW, W—w), 10/10.

вызывало тревогу и страх у польских властей, это то, что местное население и солдаты внимательно слушают прибывающих из Советской России своих соотечественников, «задают им много вопросов о положении в Советской России».

Староста из повята Хшанув доносил в повятовую полицию, что прибывающие из Советской России репатрианты тайно провозят с собой литературу «коммунистического содержания». Перепуганный чиновник, на котором лежала ответственность за политическую благонадежность населения вверенного ему повята, настойчиво предлагал установить тщательное наблюдение за возвращавшимися из Советской России репатриантами, предписывал проводить у них обыски и при обнаружении «крамольной» литературы виновных в ее провозе, а также замеченных в «коммунистической агитации» предавать суду³⁸. Аналогичное предписание относительно возвращающихся военнопленных последовало от коменданта львовской полиции. В нем указывалось, что военнопленные зачастую «становятся в местах своего жительства рассадниками коммунистических и большевистских принципов»³⁹.

Помимо многочисленного полицейского аппарата, слежку за репатриантами и военнопленными, прибывавшими из Советской России, вели военные органы, которые действовали в соответствии со специальной инструкцией, изданной 5 февраля 1921 г. Этот документ, подписанный военным министром генералом К. Соснковским, любопытен и в том отношении, что показывает, как боялось польское правительство распространения «большевистской заразы» в Польше и сколь могучим было революционизирующее влияние советской действительности на массы поляков, побывавших в Стране Советов и своими глазами видевших первые результаты революционных преобразований.

«Государственный и социальный переворот в России, большевистская революция, жизнь в совершенно изменившихся экономических, политических и культурных

³⁸ CAMSW, W—w, Arch. kom.d/spraw Biezp. Publ., B/III. Chrzanów, t. 1, k. 70.

³⁹ Государственный архив Львовской обл., ф. 108, оп. 1, д. 996, л. 35.

условиях, созданных революционной системой диктатуры пролетариата, не остались без влияния на наших военных и гражданских пленных, а в особенности массы беженцев и эмигрантов-поляков,— говорилось в вводной части инструкции.— Многие из них будут представлять опасный для государства и общества элемент... Многие репатрианты заразились и прониклись большевистскими тенденциями и будут стараться найти пути и средства культивирования таковых на польской почве»⁴⁰.

Одновременно польское правительство приняло меры, чтобы замедлить ход репатриации и таким образом усилить «просеивание» возвращающихся беженцев в приграничных пунктах, задерживая на границе «неблагонадежных». На этот счет 15 августа 1921 г. министерством внутренних дел была дана специальная директива об ограничении впуска репатриантов на территорию Польши в целях противодействия «наплыву нежелательных элементов»⁴¹. Еще раньше орган эндеков «Газета варшавска» писала по поводу репатриантов: «Можно ли требовать, чтобы мы сделали все для ускорения возвращения этих людей? Ведь мы должны принять во внимание, что эти массы, пребывая долгое время в атмосфере большевистских порядков, придут к нам с соответственно выработанной психологией, склонной к волнениям и беспокойству»⁴².

Указанные действия польских властей имели своим последствием то, что на советско-польской границе скопилось огромное количество польских беженцев. Предложения Советского правительства открыть дополнительные пропускные пункты на советско-польской границе и увеличить их пропускную способность остались без ответа⁴³.

И все же несмотря на всевозможные препятствия, чинимые польскими властями, к концу 1921 г. основная масса польских беженцев была репатриирована. В дальнейшем, наряду с возвращением на родину беженцев, велась репатриация оптантов, продолжавшаяся до осени 1923 г. К началу августа 1921 г. из Польши на роди-

⁴⁰ ААН, Р. III, т. 19, к. 6973.

⁴¹ «Rzeczpospolita», 19. VIII 1921.

⁴² «Gazeta Warszawska», 24.I 1921.

⁴³ ДВП СССР, т. IV, стр. 700.

ну была возвращена большая часть военнопленных красноармейцев, а также значительное число заложников и беженцев⁴⁴. Основная масса военнопленных поляков выехала в Польшу в мае — июле. Как сообщалось в польской печати, к концу августа военнопленных поляков оставалось в России не более 7—8 тыс. человек.

Следующим мероприятием, требовавшим безотлагательного осуществления, было установление государственной границы. Вопрос о границе был одной из важнейших составных частей мирного договора. Линия государственной границы была определена еще прелиминарным мирным договором, но она нуждалась в уточнении и проведении на местности с установкой пограничных знаков. Специальным протоколом от 24 февраля 1921 г. было подтверждено, что предусмотренная статьей I договора о прелиминарных условиях мира смешанная пограничная комиссия будет создана немедленно и после окончания детального описания государственной границы приступит к проведению ее на месте и установке пограничных знаков⁴⁵. Это постановление было подтверждено и в статье II окончательного мирного договора от 18 марта 1921 г. Эта статья обязывала каждую из договаривающихся сторон не позже чем в четырнадцатидневный срок после подписания мирного договора вывести свои войска и администрацию из тех местностей, которые отошли к другой стороне. Все это требовало немедленного начала работ смешанной пограничной комиссии, тем более что в ряде мест граница проходила через населенные пункты и в мирном договоре не была обозначена их принадлежность той или другой стороне⁴⁶. Много недоразумений возникало из-за неточности карт.

Всякое затягивание установленных сроков грозило возникновением разного рода недоразумений и пограничных конфликтов. Поэтому в интересах обеих сторон было как можно быстрее провести эту работу.

⁴⁴ «Rzeczpospolita», 21. VIII 1921.

⁴⁵ ДВП СССР, т. III, стр. 531—532.

⁴⁶ См.: ДВП СССР, т. III, стр. 622. Этот вопрос должна была решить смешанная пограничная комиссия, а до этого там действовали временные административные и пограничные власти.

Российско-украинская делегация уже в середине апреля 1921 г. выехала в Минск⁴⁷. Польская же делегация, несмотря на договоренность, прибыла туда только 1 мая⁴⁸. После первого заседания, состоявшегося 2 мая, польская делегация, ссылаясь на необходимость проведения консультаций в Варшаве, потребовала сделать перерыв в работе на месяц. Возвратилась она из Варшавы лишь в конце июля. После возобновления работы польская делегация, вероятно получив в Варшаве соответствующие инструкции, неожиданно выдвинула требование отодвинуть в ряде мест границу на восток на 1—2, а кое-где до 30 км⁴⁹. Так, на полоцко-вильейском участке, у местечка Ореховно, она потребовала переноса границы на восток на 6 км; на минско-несвижском участке уже после уточнения границы смешанной комиссией польская делегация вдруг обратилась с требованием провести уточнение заново и так, чтобы к Польше отошли у местечка Раков две белорусские деревни — Поликшты и Жуки; на полесском и волынском участках под разными предложениями польская делегация опять стала домогаться того, чтобы отодвинуть границу на восток на 10 и даже на 20 км⁵⁰.

На обсуждение подобных требований уходило много времени, и работа смешанной пограничной комиссии продвигалась очень медленно⁵¹.

3

Помощь польской военщины петлюровцам в подготовке нападения на Советскую Украину

Еще до польско-советской войны на территории Польши стали оседать изгоняемые с советской территории контрреволюционные элементы разных оттенков — от правых

⁴⁷ Российско-украинскую делегацию возглавлял Ст. Пестковский, польскую — Л. Василевский.

⁴⁸ См.: «Monitor Polski», 9.V 1921.

⁴⁹ ДВП СССР, т. IV, стр. 700.

⁵⁰ Там же, стр. 337.

⁵¹ Передача участков границы административным и пограничным властям обеих сторон продолжалась до ноября 1922 г. А вся работа смешанной комиссии завершилась лишь в августе 1924 г. (там же, стр. 778).

эсеров до монархистов. В 1919—1920 гг. при поддержке польских властей на восточных окраинах Польши и на оккупированных польскими войсками территориях Белоруссии и Украины были сформированы крупные вооруженные отряды под предводительством Булак-Балаховича, Перемыкина, Савинкова, а также петлюровцев. Русские белогвардейцы и украинские буржуазные националисты приняли активное участие в антисоветском походе Пилсудского. Атаман Петлюра даже заключил в конце апреля 1920 г. с Пилсудским военный союз⁵². В ходе боев, которые вели войска Красной Армии летом и осенью 1920 г., отряды петлюровцев и русских белогвардейцев были сильно потрепаны, а после заключения прелиминарного мирного договора с Польшей⁵³ их остатки нашли приют на польской территории.

Советское правительство было в высшей степени заинтересовано в том, чтобы территория соседней Польши перестала быть базой для укрывшихся там контрреволюционеров, которые могли быть вновь использованы империалистическими державами для вооруженной борьбы с Советским государством.

Поэтому по настоянию советской делегации в текст мирного договора с Польшей была включена специальная статья (V), второй абзац которой гласил:

«Обе договаривающиеся стороны обязуются не создавать и не поддерживать организаций, имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной либо покушающихся на ее территориальную целостность, либо подготавливающих ниспровержение ее государственного или общественного строя путем насилия, равно как и организаций, приписывающих себе роль правительства другой стороны или части ее территории. Ввиду этого стороны обязуются не разрешать пребывания на своей территории таких организаций, их официальных представительств или иных органов...»

После подписания прелиминарного мирного договора польское правительство было вынуждено разоружить и

⁵² «Документы и материалы . . .», т. II, М., 1964, стр. 660—663.

⁵³ Прелиминарный (предварительный) мирный договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей—с другой, был подписан в Риге 12 октября 1920 г. Текст договора см.: ДВП СССР, т. III, стр. 245—252

интернировать в лагерях бежавшие на польскую территорию остатки формирований Булак-Балаховича, Перемыкина, отрядов, непосредственно подчиненных Б. Савинкову, а также «армию» так называемой петлюровской Украинской народной республики⁵⁴.

Подписание Рижского мирного договора делало недействительным союзный договор Польши с правительством УНР, перечеркивало существование самого петлюровского «правительства», члены которого также нашли приют в Польше. Но, как оказалось, «правительство» УНР, обосновавшись в польском городе Тарнове, развернуло деятельность, несовместимую с постановлениями мирного договора. Чтобы успокоить встревоженную польскую общественность, министр внутренних дел Польши Л. Скульский был вынужден сделать заявление представителям печати такого содержания: «Члены правительства Украинской республики, находящиеся в Польше, рассматриваются польскими властями как частные лица — беженцы, а тем самым прекращены всякие официальные сношения между польским и украинским правительствами».

Несколько позже этот вопрос был поднят в Комиссии по иностранным делам польского сейма. Депутаты-эндеки спросили министра иностранных дел Е. Сапегу: как теперь правительство Польши будет относиться к правительству Петлюры? Ответ Сапегу не был столь безапелляционным, как ответ Скульского. Сапега сказал лишь, что Польша, «безусловно, выполнит» все обязательства, вытекающие из Рижского мирного договора, но тут же поспешил оговориться, что Польша и впредь не откажется от права «предоставлять убежище лицам, подвергающимся преследованиям за свои политические убеждения»⁵⁵.

⁵⁴ По сведениям савинковского «Русского политического комитета», совпадающим с данными польского генерального штаба, всего в Польше было интернировано около 20 тыс. солдат и офицеров, входивших в состав отрядов Булак-Балаховича, Перемыкина и других белогвардейских формирований, участвовавших под польским командованием в войне 1920 г. (САНСВ, W—w, 106/1). Петлюровцев было интернировано около 15 тыс. человек (по данным польской печати—свыше 12 тыс. человек) (см.: «Rzeczpospolita», 16.VII 1921).

⁵⁵ «Rzeczpospolita», 12.IV 1921.

Злоупотребляя правом политического убежища, правящие круги Польши стали, таким образом, на опасный путь нарушения статьи V Рижского мирного договора.

Польские власти весьма милостиво отнеслись к интернированным петлюровцам. Лагеря интернированных напоминали собой лагеря регулярных воинских частей. В них полностью была сохранена военная организация: деление на бригады, дивизии, курени и сотни, действовал устав гарнизонной службы, с солдатами проводились военные занятия, которые вели петлюровские офицеры, а также польские и даже французские инструкторы. Оружие, отобранное у петлюровских солдат при интернировании, хранилось на складах недалеко от лагерей, у офицеров оно вообще не было изъято. На учения и парады, которые петлюровское командование устраивало довольно часто в целях поддержания у солдат воинственного духа, петлюровские части с разрешения польских военных властей выходили в полном вооружении⁵⁶.

Для полноты картины следует добавить, что и после подписания Рижского мира в Варшаве продолжало функционировать военное представительство Петлюры во главе с генералом В. Зелинским. Для маскировки оно было переименовано в «Украинскую военно-ликвидационную комиссию в Польской республике» и одновременно выполняло функции дипломатической миссии.

В результате протестов со стороны Советского правительства миссия вскоре была ликвидирована, но вместо нее образован с теми же функциями «Украинский центральный комитет», долгое время направлявший антисоветскую подрывную работу украинских буржуазных националистов.

Поддержка Польшей петлюровского «правительства» и сохранение его вооруженных сил указывали на то, что пилсудчики еще не распрощались с планом создания вассального украинского «государства» во главе со ставленником Пилсудского атаманом Петлюрой.

Планы пилсудчиков отвечали намерениям Петлюры, который решительно выступал против основных положений Рижского мирного договора, старался помешать его подписанию, а когда это не удалось, стал готовиться

⁵⁶ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 104.

к срыву его исполнения путем вооруженного вторжения на территорию Советской Украины. В своей программной речи в «парламенте» УНР 4 февраля 1921 г. Петлюра поставил задачу: «Сберечь армию, защитить ее от посторонних влияний...», усилить подготовку к войне. Он всеми силами стремился добиться укрепления союза украинской контрреволюции с буржуазной Польшей, направленного против советских республик.

Прекращение польско-советской войны, а с ним и крушение планов украинских буржуазных националистов свергнуть Советскую власть и установить свое господство на Украине вызвали разброд среди петлюровцев и членов «правительства». Петлюра был вынужден принять меры к «демократизации» последнего. 9 января 1921 г. он объявил об образовании «Рады республики» как временного представительного органа в составе 43 представителей основных политических партий и организаций украинских националистов.

В результате неоднократных протестов правительств РСФСР и УССР, которые правящими кругами Польши не могли полностью игнорироваться, Петлюре пришлось распустить «Раду республики». Из аппарата ее было уволено $\frac{2}{3}$ чиновников с правом свободного выбора занятий и местожительства. Ввиду этого некоторые петлюровские министры покинули пределы Польши, значительная же часть осталась на месте, используя право политического убежища. Дальнейшие действия Петлюры показали, что ликвидация «Рады республики» была лишь маневром, предпринятым с целью маскировки. Перед тем как свернуть свою «легальную» деятельность, «Рада республики» собралась на заседание в Тарнове и приняла законопроект о продлении полномочий ее членов и об образовании суженной «Малой рады», руководство которой в период между заседаниями поручалось президенту. Поскольку в соответствии с Рижским мирным договором открыто осуществлять деятельность «рады» было невозможно, не ставя в неприятное положение польское правительство, было решено, что «рада» легальную работу пока что свернет, а будет действовать законспирированный президиум «Малой рады»⁵⁷.

⁵⁷ См.: «Известия», 13.V 1921.

Вместо ликвидированного «правительства» и его аппарата на польской территории петлюровцы создали «Украинский центральный комитет», который стал главным средоточием их антисоветской деятельности. В состав «комитета» вошли 18 членов бывшего «правительства». Сам Петлюра оставался при этом в тени — ему нельзя было в новых условиях, созданных Рижским договором, открыто действовать на политической арене. Во главе «комитета» стали видные петлюровские политики — П. Пылыпчук, А. Никовский и Лукашевич.

Любопытно, что в состав «комитета» были включены и три поляка: бывшие министры петлюровского правительства Ст. Стемповский и Г. Юзефский и публицист И. Волошиновский⁵⁸.

Наряду с «комитетом» была создана «Украинская ликвидационная комиссия» для «опеки» над интернированными петлюровцами.

Обе упомянутые организации возникли и действовали легально, с разрешения польского правительства.

Таким образом, в нарушение Рижского мирного договора на польской территории были сохранены петлюровские учреждения, основной функцией которых была подготовка и осуществление вооруженной борьбы против Советской Украины.

С наступлением весны развернул большую деятельность так называемый повстанческий штаб во главе с С. Петлюрой и генералом Ю. Тютюнником (фактическим руководителем штаба являлся Тютюнник). Штаб занимался формированием и переправкой на территорию Советской Украины вооруженных банд. Он был тесно связан с II (разведывательным) отделом польского генерального штаба. Так, во Львове при II отделе штаба 6-й польской армии «повстанческий штаб» имел своего постоянного представителя⁵⁹. Кроме того, штаб имел специальную связь с военным министерством Польши через так называемый пункт связи, во главе которого стоял полковник Добротворский. «Повстанческий штаб» имел также своих агентов при польских пограничных контрольных пунктах в Тернополе, Гусятине, Подво-

⁵⁸ CAMSW, R—20, t. 4.

⁵⁹ АВП СССР, ф. 122, оп. 4, д. 12, л. 27.

лочиске, Белозерске и Дубне. В их задачу входила переброска на советскую территорию диверсионных групп и агентов.

Весной 1921 г. петлюровское командование усилило подготовку к вооруженной борьбе против Советской Украины.

К этому времени в различных частях Польши, особенно в ее восточной части, уже было сформировано несколько боевых отрядов. По данным польского генштаба, к началу лета эти отряды насчитывали: в Александрове — 3,5 тыс. человек, в Петркове и Калише — по 2 тыс., в Вадовицах — 800, в Ланцуте и в Пикулицах — по 3 тыс. человек⁶⁰. На этот контингент имелось оружие, которое в полной готовности хранилось на складах польского интендантства и в любой момент могло быть выдано на руки.

Нельзя сказать, что все петлюровские отряды представляли собой боеспособную силу. По сведениям, поступавшим в польский генштаб, большинство петлюровских солдат «не желает служить целям Петлюры и держится в повиновении под угрозой военного трибунала»⁶¹. Среди них все чаще раздавались голоса о возвращении на Советскую Украину с повинной.

Петлюра стремился заручиться также поддержкой со стороны французских, германских и английских империалистических кругов. В целях привлечения внимания за границей он через своих представителей во Франции и Англии официально сообщил правительствам этих государств о намечаемом на осень вооруженном выступлении. А до этого времени, говорилось в ноте Петлюры, «...пусть великие державы решатся на какой-либо конкретный план, так как украинский крестьянин не захочет проливать кровь дальше без перспективы осуществления своего национального идеала»⁶².

Особенно энергичную деятельность развил представитель «правительства» Петлюры в Париже Шульгин. Не ограничиваясь личными контактами с руководителями французского министерства иностранных дел, он ста-

⁶⁰ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 10.

⁶¹ Там же.

⁶² CAMSW, W-w, sygn. 615/5 (цит. по справке, составленной польским генштабом).

рался использовать польских дипломатов, аккредитованных в Париже и даже в Праге. Представитель Петлюры в Праге Славинский в конце апреля 1921 г. встретился с польским посланником в Праге Э. Пильцем и сообщил ему, что переговоры Шульгина в Париже «идут успешно» и что «нужно ожидать серьезной поддержки украинской акции французским правительством»⁶³. Во время поездки по поручению Петлюры в Варшаву летом 1921 г. генерал Тютюнник также вел переговоры с руководителем французской военной миссии в Польше генералом Нисселем, который, назвавшись «другом Украины», обещал петлюровцам всяческое содействие и помощь.

В этом же направлении действовал представитель Петлюры в Берлине Стоцкий. На аудиенции у германского министра иностранных дел В. Симонса Стоцкий старался внушить своему собеседнику мысль о необходимости помощи петлюровцам, так как «Украина должна явиться исходным пунктом всех акций на Востоке»⁶⁴. Иными словами, петлюровцы предлагали германскому империализму свои услуги в качестве ландскнехтов при осуществлении плана захвата Украины Германией. Петлюровцы не пренебрегали и контактами с гетманом Скоропадским. Последний также проживал в Берлине и выразил готовность использовать свои связи с влиятельными кругами Германии для приобретения оружия⁶⁵. Летом 1921 г. с согласия польских властей петлюровские вербовщики стали вовлекать в свои отряды лиц, бежавших из Советской Украины в Польшу, а также националистически настроенную молодежь Западной Украины.

Денежные средства на содержание увеличивавшихся военных формирований, а также на расходы, связанные

⁶³ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 171.

⁶⁴ CAMSW, W-w, sygn. 615/15.

⁶⁵ На эти цели гетман Скоропадский обещал отдать петлюровцам и собственные деньги, добыть которые ему помог «король угля и стали» Гуго Стиннес, уступив контракт на доставку большой партии бумаги в Швейцарию, на чем Скоропадский заработал 3 млн. германских марок. Скоропадский заявил петлюровскому послу, что отдаст для борьбы с Советской властью даже те суммы, которые надеется выручить от продажи немцам имущества своей жены, находящегося на территории Советской Украины, которые немцы получат после ее захвата (AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 171).

с выплатой жалованья министрам и другим чиновникам, давало петлюровцам польское правительство. Только в июне 1921 г. оно выдало Петлюре одновременно 10 млн. марок. Петлюра получал также 15 млн. марок в виде ежемесячной субсидии⁶⁶.

Подготовка петлюровского командования к возобновлению вооруженной борьбы с Советской властью чрезвычайно интересовала польский генеральный штаб, разрабатывавший по заданию Пилсудского план установления вооруженной силой господства Польши над всей Украиной и Белоруссией. Об этом красноречиво говорят документы II отдела польского генштаба, в частности записка начальника отдела Матушевского, составленная в апреле 1921 г. В ней указывается, что II отдел исходит в своей деятельности из двух основных предпосылок и направлений дальнейшей политики Польши на востоке: «1) полонизация окраин в границах Рижского договора; 2) дальнейшая работа в направлении расчленения России путем отрыва от нее Украины, а также Белоруссии»⁶⁷.

Весной 1921 г. польский генштаб интенсивно начал разрабатывать в деталях план приведения в боевую готовность петлюровских частей, формирования новых, а также переброски их поближе к польско-советской границе на р. Збруч. Этот план был разработан к концу апреля. Общее командование отрядами возлагалось на генерала Тютюнника, который немедленно обратился за содействием в польский генштаб, потребовав уже теперь начать вывод петлюровских военных формирований из лагерей. Чтобы не привлекать внимание, было решено перебрасывать их мелкими группами по 10—12 человек в день в Тарнов, откуда после соответствующего инст-

⁶⁶ «Rzeczpospolita», 16.VII 1921. Одновременно Петлюра усиленно хлопотал о заполучении в свои руки украинской казны, депонированной в германских, австрийских и венгерских банках и составлявшей сумму около 500 млн. германских марок. Петлюре в его хлопотах помогали польское и французское правительства. Правительство Украинской ССР нотой от 29 мая 1921 г. выразило протест правительству Франции в связи с использованием средств, принадлежащих украинскому народу и его законному Советскому правительству, для вооружения петлюровских банд (ДВП СССР, т. IV, стр. 147—148).

⁶⁷ CAMSW, W-w 106, t. 4.

руктажа направлять во Львов и затем к советской границе⁶⁸. В разгар разработки плана военных операций Тютюнника принял в Варшаве начальник генерального штаба Польши генерал К. Розвадовский, который сообщил Тютюннику, что он, как и Пилсудский, считает, что война с советскими республиками «прекращена лишь для того, чтобы лучше подготовиться к новой борьбе с большевизмом»⁶⁹. «Оружия и всякого военного имущества» Розвадовский обещал отпустить в «большом количестве»⁷⁰. Он познакомил Тютюнника с сотрудником генштаба капитаном Чарноцким, которому поручил держать постоянную связь со штабом Тютюнника и оказывать содействие в решении всех вопросов.

Общий план вооруженного нападения на советскую территорию был обсужден 31 августа на совещании командиров петлюровских дивизий и бригад с участием самого «головного атамана» С. Петлюры. Акция должна была начаться с захвата Каменец-Подольска с последующим наступлением на северную часть Правобережной Украины и похода отрядов генерала Гуляй-Гуленко с румынской территории на Одессу. Выступление приурочивалось к началу сбора продовольственного налога в расчете на то, что эта кампания вызовет недовольство крестьян и тем самым создаст почву для начала восстания.

Предполагалось, что после захвата Каменец Подольска туда вернется Петлюра вместе со своим «правительством» и обнародует манифест к населению Украины. За этим должно было последовать выступление Польши и Румынии с открытой вооруженной поддержкой петлюровской авантюры.

Выполнение плана было приостановлено в связи с тем, что советскими органами были арестованы несколько петлюровских курьеров. Последние сообщили советским властям план предстоящей авантюры петлюровцев. Советским органам также удалось обезвредить многие замаскированные в пограничных районах Советской Украины петлюровские группы, которые должны были, по расчетам петлюровского командования, своими дивер-

⁶⁸ CAMSW, E—11/36, t. 2.

⁶⁹ CAMSW, W-w, 106, t. 4, dok. 30.

⁷⁰ Там же.

сиями в момент вторжения облегчить осуществление всего плана⁷¹. Среди оставшихся поднялась паника; некоторые петлюровские диверсионные группы стали добровольно сдаваться советским органам. Однако петлюровское командование не отказалось от нападения на Советскую Украину, решив лишь отложить свой поход на конец октября.

В середине октября началась усиленная переброска петлюровцев из различных лагерей к советской границе, в район Гусятина. В эти дни в г. Ровно, где сосредоточилось главное командование петлюровских формирований, прибыли из Варшавы личные посланцы Пилсудского — один из его адъютантов, ротмистр Княжелуцкий, и давний соратник — полковник Славек для организации переброски войск к границе и ее перехода.

В ночь на 29 октября петлюровская часть под командованием подполковника Палия (около 2 тыс. человек) переправилась в районе Гусятина через р. Збруч, по которой проходила государственная граница, и, сломив сопротивление небольшого отряда советских пограничников, продвинулась в глубь советской территории более чем на 10 км. Одновременно несколько отрядов форсировали Збруч южнее Гусятина и завязали бои у Каменец-Подольска. Всю ночь на восток к советской границе двигались эшелоны петлюровцев, беспрепятственно пропускаемые польскими пограничными войсками.

В эту же ночь в пограничных районах Советской Украины заброшенные туда петлюровцы сделали попытку в нескольких пунктах поднять восстание против Советской власти. Однако население не только не поддержало петлюровцев, но и активно помогало советским пограничным войскам в их истреблении.

29 октября Л. М. Карахан посетил министра иностранных дел Польши и сделал ему заявление в связи с событиями на границе. Польское правительство было вынуждено в срочном порядке обсудить советскую ноту. Однако Совет министров, собравшийся в тот же вечер, поручил министру иностранных дел дать Советскому правительству ответ, «отмежевывающий польские вла-

⁷¹ По данным II отдела польского генштаба, советскими органами в Подолии и на Киевщине было арестовано в это время около 500 петлюровцев (САНСВ, R—20, т. 4, док. 18).

сти, как гражданские, так и военные, от приписываемой им роли»⁷².

31 октября последовала новая нота Советского правительства за подписью Л. М. Карахана, которая требовала от польского правительства прекратить помощь петлюровским и другим контрреволюционным формированиям в их борьбе против Советской власти⁷³. Правительство Польши было вынуждено интернировать оставшихся в живых солдат и офицеров петлюровских отрядов, которые укрылись на польской территории после их разгрома частями Красной Армии в начале ноября 1921 г.

Так вновь позорно провалилась попытка милитаристских кругов Польши с помощью петлюровцев добиться пересмотра Рижского мирного договора.

4

Поддержка антисоветской деятельности организации Савинкова правящими кругами Польши

Немалая роль в антисоветских планах польских империалистических кругов предназначалась русской белогвардейской эмиграции, в первую очередь той ее части, которая входила в орбиту влияния савинковского «Русского политического комитета», тесно связанного с пилсудчиками и польским генштабом.

Наиболее активным элементом являлись белогвардейские солдаты и офицеры, входившие в сформированные Савинковым в Польше вооруженные отряды и под его предводительством участвовавшие в составе польских войск в антисоветской войне 1920 г., а также отряды Булак-Балаховича и Перемыкина.

После подписания прелиминарного мирного договора эти отряды общей численностью около 20 тыс. человек — то, что уцелело от разгрома Красной Армией, — бежали на польскую территорию и там были интернированы в лагерях. Сам Пилсудский, желая сохранить боевую силу своего союзника по антисоветской борьбе, позаботился об устройстве белогвардейцев. «Благодаря главным обра-

⁷² «Документы и материалы...», т. IV, стр. 100.

⁷³ ДВП СССР, т. IV, стр. 464.

зом личной симпатии Пилсудского к Савинкову, армия, состоявшая из остатков войск Булак-Балаховича и Перемыкина, была поставлена при интернировании в условия очень благоприятные; ее разместили в лучших польских лагерях и в отношении пайка она была приравнена к польским войскам», — говорится в донесении агента английской разведки своему начальству⁷⁴.

После окончания военных действий и подписания прелиминарного мирного договора Савинкову пришлось срочно сменить вывеску на более скромную — такую, которая бы не находилась в противоречии с обязательствами, взятыми на себя Польшей. С 15 декабря 1920 г. группа Савинкова стала именовать себя «Русским эвакуационным комитетом»⁷⁵.

Новое название было безобидным: опека над русскими белоэмигрантами и беженцами в Польше, устройство их быта и содействие перемещению их в другие страны. Члены савинковской группы получили возможность открыто разъезжать по стране, посещать лагеря для интернированных белогвардейцев, вести среди них антисоветскую пропаганду и вербовку людей для диверсионно-разведывательной работы⁷⁶.

После провала третьего похода Антанты Савинков основную надежду стал возлагать на подрыв советского строя изнутри.

С этой целью он приступил к организации диверсионно-террористических групп и переброске их на совет-

⁷⁴ CAMSW, W—w, 106/1.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Разведкой и контрразведкой в савинковской организации непосредственно ведал брат Б. Савинкова — В. Савинков. В номенклатуре польского генштаба разведывательный отдел Савинкова фигурировал как самостоятельное «агентство», действующее «под контролем органов II отдела генерального штаба» (CAMSW, W—w, 106, t. 3, dok. 11; «Документы и материалы...», т. IV, стр. 34). Разведке Савинкова было присвоено кодовое название «Волк» («Wilk»), она была подконтрольна II отделу генштаба. Разведчики Савинкова снабжались соответствующими фальшивыми документами и имели право проезда по польским железным дорогам за счет генштаба (последний выдавал специальные проездные документы). Разведка «Волк» имела свои отделения («пляцувки») в Глубоком, Столбцах, Лунинце и представительство при львовском филиале II отдела генштаба, от которого еще одну «пляцувку» — в Тернополе (там же).

скую территорию. Часть посылаемых Савинковым людей должна была вести скрытную контрреволюционную деятельность, проникая в советские учреждения, вплоть до армейских, создавать там подпольные, глубоко законспирированные группы численностью 5—10 человек, подчиненные соответствующим уездным и губернским комитетам.

Всю диверсионную деятельность направлял находившийся в Варшаве «Русский политический комитет», во главе которого стоял Борис Савинков. Членами комитета были давние его сподвижники — Д. Философов, А. Дикгоф-Деренталь, Д. Одинец, В. Ульяницкий, В. Португалов и др.

План вооруженного выступления организации Б. Савинкова был разработан в основном к весне 1921 г. Предполагалось начать восстание во второй половине лета, перед началом уборки урожая или же в ходе уборки⁷⁷, с целью использовать недовольство крестьянства, которое, по расчетам Б. Савинкова и его единомышленников, должно было возникнуть в ходе сбора продналога и усугубляться в связи с голодом, охватившим в 1921 г. многие губернии России.

План Савинкова, предусматривавший свержение Советской власти в России, созыв учредительного собрания, которое должно было бы определить будущую форму правления, утверждение права частной собственности «вместо коммуны», импонировал пилсудчикам.

Савинков много раз заявлял и публично, и в печати, и в беседах с Пилсудским и другими высокопоставленными лицами из его окружения о том, что он поддерживает федералистскую программу пилсудчиков, одобряя отторжение от Советского государства Белоруссии и Украины.

Такая позиция Савинкова встретила, однако, решительное возражение со стороны белогвардейских эмигрантов-монархистов, не допускавших иного тезиса, как тезис о «единой и неделимой» Российской империи в ее довоенных границах.

Впрочем, Савинков оставлял для себя возможность поторговаться с Польшей относительно ее восточных

⁷⁷ CAMSW W—w, 106/1.

границ. Считая, что польское правительство так или иначе вынуждено будет подписать Рижский мир, Савинков при этом намекал на возможность пересмотра Рижского мирного договора после свершения им в России контрреволюционного переворота. Об этом он заявил сразу же после подписания прелиминарного договора в письме к министру иностранных дел Сапеге⁷⁸.

Правительство Польши через свой генштаб щедро финансировало подготовку савинковской авантюры. Оно даже не пыталось скрывать факт материальной помощи формированиям, подчиненным Савинкову. Когда на заседании сейма 3 июня 1921 г. депутат Свидя упрекнул военное министерство в том, что оно дает слишком много денег Петлюре и Балаховичу, военный министр генерал Соснковский прямо заявил: «Украинская армия и русские группы обеспечиваются в строгом соответствии с выделенными штатами»⁷⁹. С 26 марта по 6 июня 1921 г. Савинков получил от польского генштаба 25 млн. марок⁸⁰. До этого правительство Польши дало Савинкову 20 млн. рублей якобы для вспомоществования интернированным солдатам Балаховича и Перемыкина. Савинков же употребил эту сумму на политическую агитацию⁸¹.

Пилсудчики и эндеки старались доказать, что финансирование русских белогвардейских организаций это — гуманная помощь русским изгнанникам, что «это — акция, обязательная среди цивилизованных народов»⁸².

Главарь «Русского политического комитета», готовясь к выступлению, усиленно добивались вовлечения в свою авантюру интернированных в Польше бывших солдат и офицеров царской армии, в первую очередь казачества. Савинков принимал меры к немедленному освобожде-

⁷⁸ CAMSW, W—w, 10/1, dok. 172.

⁷⁹ «Rzeczpospolita», 4.VI 1921.

⁸⁰ CAMSW, Kom. d/s B. P., t. 4/12.

⁸¹ «Robotnik», 21.I 1921.

⁸² «Kurier Warszawski», 15.VII 1921. В соответствии со справкой «Русского политического комитета», имеющейся в делах II отдела польского генштаба, Савинков получил от польского правительства только за время с 1 июня 1920 г. по 1 апреля 1921 г. всего около 290 млн. польских марок, не считая вооружения и снаряжения (CAMSW, W—w, 106/1).

нию их из лагерей, вооружению и переброске к польско-советской границе. А чтобы не слишком обременять польскую казну, была выдвинута идея использовать их частью для несения пограничной службы в составе польских войск, а остальных расположить у границы и занять на «вольных работах», главным образом на лесозаготовках. Это предложение Савинкова было польским генштабом принято и частично реализовано.

Вскоре Савинков предпринял попытку скоординировать деятельность организаций русских белогвардейцев с действиями украинских и белорусских буржуазных националистов. С этой целью 13—16 июня 1921 г. в Варшаве был проведен съезд «Всероссийского союза защиты родины и свободы», на который были приглашены предводители белоказачьей эмиграции, представители от петлюровцев и белорусского «Военно-политического центра». На съезде в качестве почетных гостей присутствовали представители польского генштаба, а также французской и английской военных миссий.

На съезде была достигнута договоренность об одновременном выступлении русских белогвардейцев в начале уборки урожая и сбора продналога. Что касается петлюровцев и белорусских националистов, то участники съезда приняли к сведению намеченный срок и обещали согласовывать с этим свои действия. Однако вскоре обнаружилось стремление их действовать самостоятельно, даже подчеркнуто независимо от савинковской организации. Это грозило провалом задуманного Савинковым одновременного выступления, что вызвало беспокойство руководства его организации и обращение в генштаб Польши с просьбой о вмешательстве⁸³.

После съезда штаб Савинкова совместно с генералом Балаховичем развернул работу по завершению форми-

⁸³ 19 июля 1921 г. Б. Савинков в письме начальнику II отдела польского генштаба полковнику И. Матушевскому сообщил, что «имеются сведения о готовящемся украинцами сепаратном выступлении, вопреки договору нашему с УНР... к сему я имею прибавить, что, по имеющимся у меня сведениям, так называемый Белорусский политический комитет тоже подготавливает сепаратное выступление в ближайшем будущем. Преждевременные и несогласованные выступления с чьей бы то ни было стороны могут существенно повредить тому польско-русскому делу, которому я имею честь служить» (САМСВ, W—w, 106/1).

рования и приведению в боевую готовность «партизанских» отрядов для переброски на территорию советских республик. Отряды стягивались в пограничную полосу. Для маскировки их переправляли туда под видом рабочих на строительство дорог, заготовку леса и т. п.

До начала массовой переброски отрядов в Советскую Белоруссию через границу направлялись хорошо вооруженные банды. Перед ними ставились задачи по дезорганизации экономической и общественной жизни, по созданию в советском тылу новых диверсионных групп и подпольных организаций. Так, один из отрядов, переправленных под прикрытием польских пограничных частей, насчитывал несколько сот человек. Посланный для его уничтожения отряд пограничной охраны Красной Армии численностью 90 человек был вынужден отступить. Банда савинковцев была выброшена с советской территории лишь с прибытием регулярных войск⁸⁴.

Организация Савинкова имела связь с польским антисоветским подпольем на территории Советской Белоруссии. В частности, летом 1921 г. савинковские агенты установили постоянный контакт с организацией, именовавшей себя «Радой народной земли Минской», которая ставила своей целью отрыв Минщины от Советской Белоруссии⁸⁵.

Савинков решил возобновить переговоры с «Белорусским политическим комитетом», с которым еще 16 ноября 1920 г. он заключил союз для совместной вооруженной борьбы против Советской власти⁸⁶. 19 июля 1921 г. Савинков сообщал начальнику II отдела польского генштаба полковнику И. Матушевскому, что «так называемый Белорусский политический комитет, который находился до последнего времени в близких сношениях с генералом Булак-Балаховичем... тоже подготавливает сепаратное выступление в ближайшем будущем»⁸⁷.

В конце первой декады июля 1921 г. с территории Польши в Советскую Белоруссию нелегально перешли несколько вооруженных отрядов, подготовленных организацией Савинкова с помощью польского генштаба.

⁸⁴ Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4, оп. 1, д. 158, л. 7.

⁸⁵ AAN, Towarzystwo Straży Kresowej, t. 281.

⁸⁶ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 128.

⁸⁷ CAMSW, W—W, 106/1.

В эти же дни выступило несколько банд, подготовленных в разных районах Советской Белоруссии и ждавших сигнала от Савинкова. Бандиты разгромили несколько волисполкомов, кое-где им удалось схватить и убить советских активистов. Положение становилось серьезным. Компартия Белоруссии мобилизовала на борьбу с бандами свой многочисленный актив на местах. 17 июля бюро ЦК КП(б) Белоруссии приняло специальное постановление, предусматривавшее принятие ряда срочных мер по ликвидации банд Савинкова и его союзников из числа белорусских буржуазных националистов. Местное население в своей массе не только не присоединилось к бандам, но оказывало всяческое содействие отрядам Красной Армии и формированиям ЧОН, брошенным на борьбу с бандами⁸⁸.

Советское правительство, естественно, не могло равнодушно взирать на то, как на польской территории вблизи от советской границы при попустительстве и при поддержке польских властей накапливались и вооружались белогвардейско-петлюровские банды, во все возрастающем количестве перебрасывались на советскую территорию, нанося большой ущерб населению пограничных районов.

Еще в нотах от 11 и 16 апреля 1921 г. польскому МИД наркоминделами РСФСР и УССР был заявлен решительный протест против нарушений мирного договора⁸⁹.

В ответной ноте от 19 апреля в НКИД РСФСР польский министр иностранных дел Е. Сапега пытался полностью отрицать факты поддержки, оказываемой польским генштабом и органами государственной власти в вооружении и сосредоточении в пограничной полосе отрядов петлюровцев и русских белогвардейцев⁹⁰. В таком же духе была написана и ответная нота польского МИД правительству Украинской ССР от 29 апреля, подписанная вице-министром иностранных дел Я. Домбским. В ней утверждалось, что петлюровские отряды, бежавшие на территорию Польши осенью 1920 г., «...были интернированы и разоружены... Пребывание же на тер-

⁸⁸ Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4, оп. 1, д. 38, л. 93.

⁸⁹ См.: ДВП СССР, т. IV, стр. 62, 70—72.

⁹⁰ «Monitor Polski», 24.IV 1921; АВП СССР, ф. 122, оп. 4, д. 4, л. 3.

ритории Польши атамана Петлюры и окружающих его министров не встретило возражения со стороны польского правительства на основании действующего права убежища, практикуемого у цивилизованных народов»⁹¹.

Советское правительство внимательно следило за действиями русских белогвардейцев и украинских националистов в Польше. Оно располагало точными сведениями о их связях с государственными органами и отдельными высшими сановниками Польши.

4 июля Г. В. Чичерин направил польскому правительству новую ноту, в которой на основе неопровержимых фактов, подтвержденных документами⁹², были разоблачены деятельность белогвардейцев и петлюровцев по подготовке к антисоветскому походу, а также всесторонняя помощь со стороны правительства и генштаба Польши⁹³. Советское правительство на основании статьи V Рижского мирного договора потребовало немедленного удаления с польской территории братьев Савинковых, Философова, Мягкова, Одинца, Дикгоф-Деренталя и других руководителей «Русского политического комитета», а также Булак-Балаховича, Перемыкина, Петлюры, Тютюнника, Гнилорыбова и др.

Однако польское правительство не сочло нужным выполнить советские требования. Вопреки здравому смыслу, оно продолжало настаивать на одностороннем выполнении Советским правительством обязательств по Рижскому договору. Поэтому в ответ на ноту МИД Польши от 8 июля, содержащую необоснованное обвинение Советского правительства в задержке работ смешанных реэвакуационной и специальной комиссий, Наркоминдел еще раз напомнил общеизвестные факты: Польша оттягивает обмен дипломатическими представителями, в то же время развивает враждебные советским республикам действия, «поддерживая целую систему заговоров против безопасности нашей Республики»⁹⁴.

⁹¹ «Monitor Polski», 2.V 1921.

⁹² Многочисленные документы, разоблачающие контакты белогвардейцев с польским генштабом и свидетельствующие о помощи, которую оказывает польское правительство контрреволюционной антисоветской организации Савинкова, НКВД опубликовал в книге «Советская Россия и Польша», вышедшей в свет осенью 1921 г.

⁹³ ДВП СССР, т. IV, стр. 203—208.

⁹⁴ Там же, стр. 219—220.

В связи с создавшимся положением председатель советской делегации в смешанной советско-польской специальной комиссии О. Ю. Шмидт заявил прибывшему в Москву председателю польской делегации А. Ольшевскому, что работы комиссии могут быть начаты лишь после того, как будет урегулирован поднятый Советским правительством вопрос о прекращении антисоветской деятельности русских белогвардейских организаций и после того, как их главари будут удалены с территории Польши⁹⁵.

5

Обострение польско-советского конфликта в сентябре 1921 г. и усилия Советского правительства по его ликвидации. Протокол от 7 октября

Советское правительство ждало приезда в Москву польского дипломатического представителя, надеясь, что можно будет в непосредственных переговорах, дипломатическим путем урегулировать назревавший конфликт.

Прибывший в Москву польский поверенный в делах Т. Филипович начал, однако, с того, что во время первого же визита в Наркоминдел стал настаивать на том, чтобы смешанные комиссии — реэвакуационная и специальная — немедленно приступили к работе, чтобы без задержки в Варшаву были направлены причитающиеся Польше ценности, согласно статье XIV Рижского договора, а также начата реэвакуация имущества.

2 сентября в Варшаве в срочном порядке было созвано закрытое заседание Совета министров, на котором был заслушан явно тенденциозный доклад вице-министра иностранных дел Я. Домбского «о польско-советских отношениях на фоне выполнения Рижского мирного договора». В нем содержались обвинения в адрес Советского правительства в том, что оно якобы не выполняет постановлений мирного договора: задерживает возврат пленных и заложников, затягивает работы реэвакуационной комиссии, чинит трудности в работе польской дипломатической миссии в Москве и т. д.

⁹⁵ АВП СССР, ф. 122, оп. 4, д. 8, л. 20.

На заседании выступил специально вызванный из Москвы польский поверенный в делах Т. Филипович. Его информация была выдержана в духе выступления Домбского. Совет министров решил направить Советскому правительству ультимативную ноту и утвердил ее текст⁹⁶.

5 сентября по предложению министра внутренних дел Совет министров принял постановление о закрытии восточной границы. На следующий день последовало постановление правительства об отмене принятого ранее решения о сокращении полицейского аппарата на 30%, которое уже начало проводиться в жизнь. Согласно этому постановлению, подлежащий сокращению контингент численностью около 16 500 человек спешно перебрасывался на восточную границу⁹⁷.

В антисоветскую кампанию включилось и католическое духовенство. Собранный в начале сентября 1921 г. в Варшаве Всепольский съезд высших служителей католической церкви принял специальную резолюцию, охарактеризовавшую большевизм, как «самого злейшего врага правопорядка» и призвавшую католиков к борьбе с ним⁹⁸.

В конце августа и в сентябре поощряемые реакционной печатью и властями Польши вновь усилили свою активность контрреволюционные банды, участвовали нападения их на пограничные районы Белоруссии и Украины. Диверсанты, вооруженные на польской территории, поджигали хлебные склады и овины в совхозах, ссыпные пункты на станциях железных дорог. В первых числах сентября возле Фастова был пущен под откос состав с хлебом, предназначенным для рабочих Донбасса. В результате крушения погибло 29 и было ранено 35 человек, сопровождавших эшелон, уничтожена большая часть хлеба.

В целях информации мировой общественности и разоблачения клеветы буржуазной печати Г. В. Чичерин дал интервью газете французской компартии «Юманите». Указав, что с помощью польских властей банды Савинкова и Петлюры срывают сбор продналога, дезорганизуют

⁹⁶ AAN, PRM, t. 15, k. 483.

⁹⁷ Там же, к. 494.

⁹⁸ «Wiadomości Archidiecezji Warszawskiej», 1921, N 9—10.

продовольственное снабжение советских республик, нарком подчеркнул, что правительство Польши тем самым нарушает Рижский мирный договор. В заключение Г. В. Чичерин заявил, что «Россия готова со всей добросовестностью выполнить все статьи договора и сделает это незамедлительно, если Польша перестанет нарушать договор и вести против России настоящую войну руками белогвардейских банд, которые она посылает на ее территорию»⁹⁹.

В ноте, направленной 9 сентября поверенному Польши в Москве Т. Филиповичу, Г. В. Чичерин вновь подчеркнул искреннее желание Советской России жить в дружбе с Польшей. Однако, заявил нарком, возможность добрососедских отношений наступит лишь тогда, «когда польское правительство перестанет руками белогвардейцев производить вторжение в советские республики, срывать продовольственную кампанию, возбуждать заговоры в Советской России»¹⁰⁰.

Польшу в ее антисоветских действиях вдохновляли западные державы. Подстрекательская роль правящих кругов Франции выясняется из целого ряда документов и свидетельств. В середине сентября 1921 г. Советское правительство получило сведения о том, что 3 сентября французский посланник в Варшаве вручил польскому правительству ноту своего правительства, в которой Польше и Румынии предлагалось использовать тот факт, что внимание Советского правительства сосредоточено на борьбе с голодом, и предъявить ему максимальные требования в ультимативной форме, угрожая в случае их непринятия военными действиями. В ноте предлагалось Польше приостановить демобилизацию армии и привести ее в боевую готовность. В ноте содержалось также заверение, что в случае войны «Франция окажет Польше самую широкую военную и финансовую помощь»¹⁰¹.

По тем же сведениям, польские правящие круги, отнесясь положительно к французской ноте, решились прибегнуть к угрозам и сказать давление на Советское правительство, не доводя, однако, дела до вооруженного столкновения.

⁹⁹ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 61.

¹⁰⁰ ДВП СССР, т. IV, стр. 319.

¹⁰¹ Там же, стр. 335.

Следует подчеркнуть, что после неудачных походов Антанты мысль о вооруженной борьбе с Советской Россией поддерживалась лишь наиболее агрессивными империалистическими кругами Франции. Значительная часть французской буржуазии, потеряв веру в восстановление буржуазного строя в России и связанные с этим упования на возвращение царских долгов, все более склонялась к развитию торговых связей с советскими республиками.

Сохранившиеся документы показывают колебания французского правительства, испытывавшего давление со стороны торгово-промышленных кругов, с одной стороны, и воинствующих антисоветских империалистических сил — с другой. Любопытно в этом отношении донесение польского посольства в Париже, направленное в Варшаву 15 сентября 1921 г.¹⁰², т. е. в самый разгар польско-советского конфликта: «Правительство Бриана, под влиянием торговых и промышленных кругов, считает в настоящее время отношения Франции с Россией ненормальными и вредными для Франции...». Далее сообщалось, что «9, 10 и 11 сентября Бриан совещался с некоторыми министрами, в результате чего пришел к выводу, что установление с Советской Россией нормальных отношений было бы равносильно отказу Франции от требования возвращения русских долгов, не получая взамен никаких выгод, так как русский рынок окажется захваченным Англией и Германией... В связи с этим не остается ничего другого, как стремиться к свержению Советов вооруженным путем». В документе польского посольства говорилось, что «французское правительство начало переговоры в этом направлении с правительствами Румынии и Чехословакии» и с лидерами белогвардейской эмиграции (немонархистами) — Авксентьевым и другими, используя их в качестве посредников в переговорах с представителями упомянутых государств¹⁰³.

¹⁰² Донесение дошло до нас в изложении посланника Германии в Варшаве, сообщавшего в Берлин 20 сентября 1921 г., что «одно доверенное лицо» сообщило ему о посылке польским посланником упомянутого донесения в Варшаву, а также о передаче ему полного текста этого донесения (см.: Kolekcja mikrofilmów archiwum Instytutu krajów socjalistycznych PAN, rol. 581, k. 11497—98).

¹⁰³ Там же.

В донесении не упоминается о переговорах с правительством Польши по этому вопросу. Это говорит о том, что участие ее в антисоветском походе считалось делом решенным на основе франко-польского военного союза, заключенного в январе 1921 г.

В донесении также сообщалось, что если между Францией, с одной стороны, Румынией и Чехословакией — с другой, будет достигнута договоренность о совместном антисоветском выступлении, то «тогда всеми военными операциями будет руководить маршал Фош». Он должен был прибыть в Варшаву около 2 октября и оставаться там для руководства операциями.

На империалистические круги Франции как на вдохновителя антисоветских авантур Польши указывала и западная буржуазная печать. Касаясь польского ультиматума (о чем будет речь ниже), корреспондент английской «Дейли геральд» писал: «Этот ультиматум является прямым результатом давления, оказываемого на Польшу Францией»¹⁰⁴.

В дипломатических кругах всерьез обсуждался вопрос о возможности заключения польско-германского военного союза, направленного против советских республик. Говорилось и о том, что Пилсудский в кругу своих приближенных заявил о желательности такого союза¹⁰⁵. Как писали в те дни «Известия», с Германией «польские шовинисты готовы побрататься, лишь бы развязать себе руки против Советской России»¹⁰⁶.

Недружественную позицию по отношению к Советской стране занимала и Англия. Хотя правительство Ллойд-Джорджа, выражавшее в значительной мере интересы торгово-промышленных кругов, было склонно к продолжению курса на экономическое сближение с Со-

¹⁰⁴ Цит. по: «Звезда» (Минск), 27.IX 1921.

¹⁰⁵ Посол Германии в Варшаве доносил в Берлин 20 сентября 1921 г., что депутат сейма эндек Заморский в кулуарах пересказывал услышанный от одного генерала, присутствовавшего на военном совещании у Пилсудского, разговор о желании последнего заключить с Германией военное соглашение в связи с возможностью военного конфликта с Советской Россией.

В донесении далее говорилось, что, учитывая нападки эндеков на Пилсудского за его германофильство, в этом едва ли можно сомневаться (см.: Kolekcja mikrofilmów..., rol. 1, k. 114, 490).

¹⁰⁶ «Известия», 24.XI 1921.

ветской Россией, в нем имели сильное влияние непримиримые враги советского строя, вроде У. Черчилля. Они добились того, что правительство Великобритании включилось в общую антисоветскую кампанию.

7 сентября министерством иностранных дел Великобритании была составлена нота Советскому правительству, содержащая обвинения в мнимом нарушении советской стороной англо-советского соглашения от 16 марта 1921 г.¹⁰⁷ и в якобы проводимой представителями Советского правительства антианглийской агитации в странах Востока. Английская нота была передана в НКВД 15 сентября¹⁰⁸, как раз в те дни, когда представитель Польши в Москве ультимативным тоном устно и письменно излагал требования своего правительства, нагнетая атмосферу острого конфликта.

Пилсудчики и часть эндеков, поддерживавшая их агрессивную антисоветскую политику, были недовольны тем, что правительство Витоса медлило с отправкой Советскому правительству ультимативной ноты с угрозой разрыва дипломатических отношений¹⁰⁹.

В результате интриг на этой почве, а главным образом стараниями Пилсудского и его окружения, кабинет Витоса 13 сентября ушел в отставку (хотя незадолго перед этим он получил вотум доверия в сейме).

В течение шести дней правительственного кризиса Пилсудскому, укрепившему свои позиции и фактически единолично правившему страной, удалось добиться формирования кабинета, не опиравшегося на какую-либо из парламентских группировок, во главе с А. Пониковским — человеком, бывшим до этого далеким от политики.

В период правительственного кризиса Пилсудский и его сторонники добились посылки ультимативной ноты Советскому правительству. Видимо, не было случайным совпадением то, что буквально на другой день после отставки кабинета Витоса, 14 сентября, возвратившийся из

¹⁰⁷ Торговое соглашение от 16 марта 1921 г. содержало ряд статей чисто политического характера: о воздержании от враждебных действий против другой стороны, о правах граждан другой стороны и т. п. (ДВП, т. III, стр. 608—614).

¹⁰⁸ ДВП СССР, т. IV, стр. 374.

¹⁰⁹ Там же, стр. 703.

Варшавы в Москву польский поверенный Т. Филипович посетил Г. В. Чичерина и вручил ему вербальную ноту, которая содержала обвинения в адрес Советского правительства в невыполнении им обязательств, вытекавших из Рижского договора. От имени польского правительства Филипович ультимативно заявил, что видит «единственный выход» в выполнении Советским правительством не позднее 1 октября трех требований, предъявляемых Польшей. Правительство Польши требовало: 1) освободить и доставить к польской границе «всех находящихся в лагерях и тюрьмах польских заложников, гражданских и военных пленных...»; 2) передать Польше причитавшееся ей по мирному договору золото и драгоценности; 3) немедленно начать работу смешанных комиссий — реэвакуационной и специальной¹¹⁰.

В ноте полностью отвергались упреки в адрес польского правительства относительно помощи русским бело-гвардейским и петлюровским организациям и бандам.

Филипович открыто заявил, что в случае непринятия этих требований польское правительство не остановится перед прекращением дипломатических отношений, «...ибо при создавшемся положении существование этих отношений между Польшей и Россией не соответствует своей главной цели, которой является выполнение договора»¹¹¹.

Советское правительство, несмотря на воинственный и ультимативный тон заявления польского поверенного, проявило выдержку и твердость, выразив желание мирным путем урегулировать спорные вопросы.

17 сентября заместитель наркома по иностранным делам М. М. Литвинов принял Филиповича и сообщил ему, что Советское правительство согласно к определенному сроку внести первый взнос золота и приступить к работе по реэвакуации, если польское правительство к тому же сроку выполнит советское требование об удалении с польской территории Савинкова и его приверженцев, а также о привлечении к ответственности лиц, виновных в оказании помощи савинковцам и петлюровцам. Советское правительство требовало также, чтобы оно было

¹¹⁰ АВП СССР, ф. 122, оп. 4, д. 8, л. 69.

¹¹¹ Там же, л. 70.

ознакомлено с мерами, принятыми в Польше по недопущению перехода банд через границу. Оно заявило о своей готовности одновременно вместе с Филиповичем рассмотреть претензии и документы польского правительства относительно «Закордота»¹¹², на деятельность которого польское правительство жаловалось в своих нотах.

Филипович обещал немедленно снестись со своим правительством относительно заявления Литвинова.

Но, по-видимому, в расчеты польского правительства не входило спокойное и деловое урегулирование вызванного им конфликта. На другой день (вечером) Филипович посетил Наркоминдел и вручил давно подготовленную ноту-ультиматум, основное содержание которой он уже передавал в своем устном заявлении 14 сентября — требование выполнения «трех пунктов».

В ноте говорилось, что польское правительство принимает к сведению сделанное 17 сентября заявление Российского правительства, что оно готово выполнить к 1 октября три пункта просроченных обязательств по договору. К ноте были приложены «уточнения» этих пунктов, составленные в исключительно резком, оскорбительном тоне.

Польское правительство в категорической форме требовало отправления в Польшу к 1 октября всех польских заложников, интернированных и гражданских пленных; возвращения всех военнопленных, находившихся как на территории Европейской России, так и в Сибири; увольнения из Красной Армии всех поляков, якобы насильно зачисленных в Красную Армию, и т. д.¹¹³

В то же время единственное, что обещало сделать со своей стороны польское правительство для ликвидации конфликта, это «сообщить об уже предпринятых шагах против перехода российской границы нежелательных в России элементов».

В польской ноте выражалось согласие начать переговоры с советским послом в Варшаве, однако тут же

¹¹² АВП СССР, ф. 122, оп. 4, д. 49, л. 37. «Закордот» — заграничный (закордонный) отдел ЦК КП(б) Украины, созданный в мае 1920 г. для руководства деятельностью партийного подполья на оккупированной польскими войсками территории Украины. После заключения мира с Польшей деятельность «Закордота» была свернута.

¹¹³ ААН, Ambasada RP w Moskwie, t. 2.

предупреждалось, что, «если бы, несмотря на переговоры в Варшаве, эти три требования не были выполнены к 1 октября, польское правительство, видя в этом полное отсутствие желанного выполнения договора, было бы вынуждено сделать из этого для себя вывод, о котором упоминалось в заявлении, сделанном в Москве 14 сентября, и признало бы дальнейшее пребывание посольства в Москве излишним»¹¹⁴. Одновременно с посылкой ультиматума польские власти стали усиленно обострять обстановку на польско-советской границе. Участились пограничные инциденты, провоцируемые со стороны Польши, наносились оскорбления и угрозы сотрудникам советского полпредства в Варшаве.

В ночь на 18 сентября возвращавшуюся на родину советскую делегацию смешанной комиссии по репатриации польские чины на границе подвергли оскорблениям, угрожали арестовать, произвели обыск, что было сделано, как признали сотрудники пограничной службы Польши, «по указанию из центра».

20 сентября на вокзале в Варшаве был арестован багаж советского дипломатического курьера. В тот же день на границе у сотрудников репатриационной комиссии, возвращавшихся из Варшавы в Москву, были отняты их личные вещи¹¹⁵.

Пилсудчики и связанные с ними военные руководители старались использовать продолжавшийся правительственный кризис и отсутствие твердой власти в стране для дальнейшего обострения отношений с советскими республиками и действовали в духе предъявленного ультиматума.

Польская буржуазная печать усилила атаки на Рижский мирный договор. Близкий к пилсудчикам еженедельник «Пшимеже» («Союз») писал, что якобы в мирном договоре «...все является фикцией, начиная от правомочности контрагентов — советских правительств России и Украины, никем не признанных... Польское правительство не только не обязано, но просто не имеет права поддаваться иллюзиям, будто то, что называется Рижским договором, действительно является основанием мира»¹¹⁶.

¹¹⁴ Там же (ср.: «Документы и материалы...», т. IV, стр. 67).

¹¹⁵ АВП СССР, ф. 122, оп. 4, д. 10, л. 27.

¹¹⁶ Цит. по: «Свобода», 2X 1921.

Другая газета этого направления, «Тыдзень польски» («Польская неделя») писала: «Мы не верим в какую бы то ни было пользу, вытекающую для Польши из Рижского договора именно потому, что все в нем является фикцией»¹¹⁷. Орган пилсудчиков «Курьер поранны» («Утренний курьер») утверждал, что «достижение соглашений с Совдепией дипломатическим языком чрезвычайно затруднительно»¹¹⁸.

Все это вызывало нервозность в Польше, еще больше усилившуюся в связи с появлением в начале сентября приказа военного комиссара Варшавы пилсудчика Ануша о призыве на действительную военную службу сразу двух возрастов — рекрутов 1899 и 1900 гг. рождения¹¹⁹.

Авантюристическая политика пилсудчиков «на грани войны» натолкнулась на спокойную и твердую позицию Советского правительства. Как указывалось в отчете ЦК РКП(б) за сентябрь 1921 г., «Советская Россия была снова поставлена перед угрозой военного нападения со стороны Польши... РКП(б) и Советское правительство зорко следили за каждым шагом на западной границе... Однако полное миролюбие Советского правительства и на этот раз было более чем доказано одним уже тем фактом, что, несмотря на эту военную угрозу, ни на один день не прекращалась демобилизация армии, проводившаяся твердо в течение всех последних месяцев. Партия привлекла внимание всех трудящихся к новым попыткам иностранного капитала помешать мирному строительству советских республик; Советское правительство смогло удержать своих врагов от новой военной авантюры»¹²⁰.

22 сентября Г. В. Чичерин направил польскому поверенному в делах Филиповичу ответ на польскую ноту от 18 сентября. Советская нота отличалась выдержанностью, спокойным и деловым тоном. Указывая на ультимативный характер польской ноты, Чичерин обратил внимание на то, что в то же время «польское правительство ответило отказом на предложение Российского пра-

¹¹⁷ Цит. по: «Свобода», 2.X 1921.

¹¹⁸ «Kurier Poranny», 3.X 1921.

¹¹⁹ «Известия», 24.IX 1921.

¹²⁰ «Известия ЦК РКП(б)», 1.XII 1921.

вительства об одновременном выполнении к 1 октября обеими сторонами требований, касающихся исполнения Рижского договора»¹²¹.

В советской ноте разъяснялось, что ряд требований, содержащихся в польской ноте, уже выполнен.

Что касается репатриации, то перечисленные в польской ноте мероприятия составляют предмет переговоров смешанной репатриационной комиссии. Советское правительство не видит препятствий к скорейшему разрешению вопросов, касающихся репатриации пленных, заложников и т. д. Относительно увольнения из Красной Армии поляков-военнопленных, а также права оптации поляков, служащих в Красной Армии, Советское правительство, говорилось в упомянутой ноте, и здесь дало соответствующие общие распоряжения. В то же время оно не может принять упрека в ведении агитации среди репатриантов, а также требования прекратить судебные преследования в отношении польских репатриантов и изменения декретов, касающихся репатриации, так как «Российское правительство не чинит никаких препятствий при репатриации лиц, имеющих на то право согласно Рижскому договору».

Советское правительство разъясняло, что уплата первого взноса задержалась по вине польского правительства и что Советское правительство подтверждает свою готовность произвести уплату первого взноса, как только польским правительством будут выполнены условия мирного договора, касающиеся ликвидации организаций, враждебных советским республикам, и удаления из Польши их главарей. Что касается второго взноса, то он, согласно Рижскому договору, подлежал уплате два месяца спустя после первого.

Советское правительство, касаясь третьего пункта польских требований, подтвердило свою готовность начать работу реэвакуационной и специальной комиссий, где и будут рассмотрены все претензии по этому вопросу.

Выражая полную готовность рассмотреть по-деловому все польские требования, правительство РСФСР со своей стороны указало на ряд нарушений мирного до-

¹²¹ ДВП СССР, т. IV, стр. 367.

говора Польшей. Например, польское правительство не выполнило своего обязательства, вытекающего из дополнительного протокола к соглашению о репатриации от 24 февраля 1921 г., и до сих пор не вернуло 300 человек согласно именному списку, переданному в свое время польскому правительству, вследствие чего произошла задержка отправки польских интернированных из России. Польское правительство задерживало прием беженцев из России, не желая увеличить пропускную способность приемных пунктов на границе и открыть третий приемный пункт.

Советское правительство выдвинуло со своей стороны ряд контрпредложений в надежде на то, что польское правительство станет на путь признания обязательности соблюдения Рижского мирного договора обеими сторонами. Непременным условием выполнения польских претензий правительство РСФСР выдвигало одновременное выполнение Польшей следующих требований:

удаление из пределов Польши лиц, причастных к организации бандитских и контрреволюционных нападений на советскую территорию;

ареста и предания суду лиц, принимавших участие в разбойничьих налетах на советскую территорию и содействовавших им;

перевода лагерей интернированных отрядов русских контрреволюционных армий и интернированных, находящихся на общественных работах, из пограничных областей внутрь Польши;

увольнения со службы и перевода в глубь страны русских казаков, находящихся на службе в польской пограничной охране;

немедленного начала совместного рассмотрения представителями польского МИД и представителями РСФСР в Варшаве имеющегося в распоряжении правительства РСФСР материала для установления виновности чинов польской армии в сотрудничестве с антисоветскими организациями Савинкова и Петлюры и обсуждения дальнейших мер к предотвращению повторения установленных случаев в будущем.

Для облегчения фактического выполнения обеими сторонами взаимных требований Наркоминдел предлагал перенести сроки их выполнения с 1 на 5 октября 1921 г.

В заключение правительство РСФСР выражало надежду, что польское правительство «...взвесит всю серьезность предполагаемого им отзыва из Москвы польского представительства... и станет на единственно возможный путь сохранения добрососедских отношений, приступив фактически к строгому выполнению Рижского договора на началах взаимности для обеих сторон»¹²².

В тот же день Наркоминдел издал для опубликования в печати сообщение о советских предложениях. В сообщении подчеркивалось, что, «воодушевленное желанием в возможно более короткий срок установить возможно более прочные добрососедские отношения с польским народом, правительство России ныне, как и раньше, выражает свою полную готовность выполнить все взятые им на себя обязательства в тот же срок, в какой правительство Польши выполнит обязательства, неоспоримо возлагаемые на него Рижским договором»¹²³.

Последовательная позиция Советского правительства нашла горячую поддержку у трудящихся советских республик. Всюду в эти дни состоялись собрания и митинги, на которых принимались резолюции с одобрением действий Советского правительства и выражением готовности дать отпор пилсудчиковским авантюристам. В резолюции, принятой 20 сентября 1921 г. пленумом Московского Совета, заявлялось, что «в своей политике мира Советское правительство найдет полную поддержку Московского Совета» и что «всякое покушение на целостность и независимость Советской России встретит со стороны трудящихся масс сокрушительный отпор»¹²⁴.

Объединенное заседание Витебского горсовета 27 сентября 1921 г. приняло резолюцию, в которой, в частности, говорилось, что «...поведение польского правительства свидетельствует о желании польской военной клики и наиболее враждебной части буржуазии нарушить мирные добрососедские отношения, установленные между советскими республиками и Польшей... Объединенное заседание горсовета считает, что политика польского правительства направляется сознательно к срыву

¹²² «Документы и материалы...», т. IV, стр. 73.

¹²³ Там же, стр. 76.

¹²⁴ Государственный архив Московской обл., ф. 66, оп. 19, д. 101, лл. 606—607.

мира и развитию вражды, и глубоко убеждено в том, что польский народ, особенно рабочие и крестьяне Польши, не желает войны с Советской республикой, что в их собственных интересах сохранить незыблемым установившийся мир... Неуклонно стремясь к сохранению мирных отношений с Польшей, считая вполне возможным и абсолютно необходимым разрешение всех спорных вопросов мирным путем, объединенное заседание горсовета заявляет, что всякое покушение на целостность Советской России встретит со стороны трудящихся масс решительный отпор...»¹²⁵.

Л. Б. Красин, проезжавший в эти дни через Ригу по пути в Лондон, в беседе с корреспондентом прогрессивной газеты «Новый путь» рассказал о негодовании, охватившем трудящиеся массы Советской страны в связи с военными угрозами и провоцированием войны со стороны правящих кругов Польши и некоторых других стран. «Советское правительство, как и вся Россия,— заявил он,— преисполнены твердым намерением сохранить мир во что бы то ни стало, но, разумеется, России нет оснований бояться всех этих альяристских планов. Если, вопреки здравому смыслу и интересам собственных народов, Польша и Румыния выступили бы против России, то, вероятно, в недалеком будущем им пришлось бы очень раскаяться в этом. Мы не думаем, однако, чтобы в Варшаве и в Бухаресте не понимали всей опасности, которую эта война представляла бы для Польши и Румынии, и поэтому мы думаем, что ее на этот раз не будет»¹²⁶.

Твердая позиция Советского правительства, поддержанная всем народом, отрезвляюще действовала как на Польшу, так и на Румынию, которая не решилась выступить в поддержку польского ультиматума, хорошо представляя, что это могло бы втянуть ее в войну за интересы польских империалистов, чего румынский народ отнюдь не желал. Румынское правительство постаралось официально опровергнуть слухи об агрессивных намерениях против Советской России¹²⁷.

Изменению позиции Румынии способствовало и то, что 22 сентября в Варшаве начались переговоры между

¹²⁵ Государственный архив Витебской обл., ф. 56, оп. 1, д. 273, л. 37.

¹²⁶ «Новый путь», 18.IX 1921.

¹²⁷ «Известия», 1.X 1921.

Л. Караханом и представителем Румынии Филалити относительно порядка дня советско-румынской конференции по урегулированию взаимных спорных вопросов, намечавшейся на ближайшие месяцы¹²⁸.

Тем временем краткое всевластие Пилсудского кончилось. Правительство кризис в Польше завершился образованием кабинета А. Пониковского. Новый кабинет не решился следовать прежним курсом, проводимым кликой Пилсудского во время кризиса, — курса на разрыв отношений с Советской Россией. (В западной либеральной печати этот период был определен как «неделя» всевластия Пилсудского¹²⁹.)

Новый премьер-министр, выступая с речью в сейме 27 сентября, заявил, что его правительство будет продолжать политику предыдущего кабинета Витоса и, в частности, будет «лояльно выполнять Рижский договор»¹³⁰.

Стал меняться и тон польской печати, особенно близкой к эндекам, выступившим с критикой авантюристической политики пилсудчиков. Так, «Газета варшавска» писала: «Наше общество давно уже весьма подозрительно относится к планам и намерениям так называемой бельведерской политики и с беспокойством видит, как податливы по отношению к ней оказались наши министры, уверявшие, что обязательным для себя они считают лишь директивы сейма. С тем большим удовлетворением сейм и общество услышали уверения нового премьера, что политика нового правительства будет определено миролюбивой, что оно будет требовать уважения прав Польши, закрепленных трактатами, но также не уклонится ни от каких обязательств, вытекающих из договоров.

¹²⁸ ДВП СССР, т. IV, стр. 687.

¹²⁹ Вот что по этому поводу писала английская «Дейли геральд»: «В течение целой недели в Польше не было кабинета. Маршал Пилсудский, как глава государства, полностью заменял правительство. В течение этой недели было направлено в Москву две ноты, одна — провокационная, другая — ультиматум. Потом было образовано правительство Пониковского. Сразу же была оставлена политика ультиматумов и начались нормальные переговоры. Все дело было в попытке, предпринятой Пилсудским и генеральным штабом по указке Франции, осуществить срыв польско-советских отношений, несмотря на оппозицию политических лидеров против «столь бешеной политики» («Daily Herald», 6.X 1921).

¹³⁰ «Sejm Ustawodawczy...», 247 pos. 27.IX 1921, łam. 9.

Эти уверения касаются прежде всего отношений с Советской Россией»¹³¹.

Ослабление влияния пилсудчиков на внешнюю политику Польши после ликвидации кризиса кабинета и образования правительства Пониковского выразилось и в официальных заявлениях польского МИД. Министр иностранных дел К. Скирмунт заявил в беседе с представителями печати, касаясь вопроса о польско-советских отношениях, что «...правительство Польши, стремясь поддерживать добрососедские отношения с Советами, совершенно не намерено доводить дело до конфликта»¹³².

Таким образом, новый кабинет, при котором влияние эндеков на внешнюю политику правительства заметно усилилось, стремился подчеркнуть свое миролюбие, не без расчета использовать общее антивоенное настроение масс для еще большего укрепления своих позиций в руководстве страной и для борьбы за власть. «Народовые демократы не видят в настоящий момент выгоды в разгроме Советской России,— указывалось в тезисах ЦК КРПП о текущем моменте,— так как это была бы в данный момент война «Бельведера» за его цели, [которая]... увеличила бы в случае успеха его силу. Промыленно-торговые круги хотят торговать, а не воевать»¹³³. В то же время в тезисах подчеркивался факт поддержки эндеками давления на Советское правительство, чтобы заставить его в одностороннем порядке выполнять обязательства по мирному договору.

27 сентября в правительственном официозе «Монитор польски» появился текст польской ноты, содержавшей ответ на ноту Советского правительства от 22 сентября. Одновременно этот текст был передан по телеграфу посольству в Москве, а на следующий день за подписью советника посольства Р. Кнолля¹³⁴ переслан в Наркоминдел.

¹³¹ «Gazeta Warszawska», 29.IX 1921.

¹³² «Rzeczpospolita», 12.X 1921.

¹³³ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 84.

¹³⁴ Поверенный в делах Польши в Москве Т. Филипович 27 сентября выехал в Варшаву, уведомив НКИД, что в его отсутствие обязанности поверенного будет выполнять Р. Кнолля (АВП СССР, ф. 122, оп. 4, д. 9, л. 9). Выезд Филиповича, видимо, был связан с начинавшимися в Варшаве переговорами между полпредом РСФСР Л. М. Караханом и вице-министром иностранных дел Я. Домбским о ликвидации польско-советского конфликта.

Нота была составлена в примирительном тоне, в ней выражалось согласие на обсуждение требований Советского правительства, изложенных в ноте от 22 сентября, в том числе требования об удалении с польской территории руководителей белогвардейских и националистических организаций¹³⁵.

30 сентября в Варшаве начались переговоры между полномочным представителем РСФСР Л. М. Караханом и вице-министром иностранных дел Польши Я. Домбским об урегулировании конфликта. Переговоры велись ежедневно, вплоть до 7 октября, и завершились подписанием протокола. Важнейшим его пунктом была договоренность о том, что не позднее 8 октября польскую территорию покинут пять видных руководителей савинковской организации (Борис Савинков в это время находился вне пределов Польши) — В. Савинков, Д. Одинец, Д. Ярославцев, А. Дижгоф-Деренталь, А. Рудин, а не позже 20 октября будут выдворены с польской территории также А. Мягков, Ю. Тютюнник, М. Павленко-Омельянович, В. Зелинский, С. Булак-Балахович.

8 октября должны были начать работу смешанные комиссии — реэвакуационная и специальная, предусмотренные мирным договором. Советское правительство выразило согласие немедленно отдать необходимые распоряжения своим органам о проведении реэвакуации имущества и возвращении культурных ценностей в Польшу. Оно обязалось не позже 20 октября 1921 г. передать Польше первый взнос из причитающегося ей возмещения за железнодорожное имущество.

К этому же времени польское правительство обязывалось сообщить содержание приказа, который будет издан им для своих подчиненных органов, относительно точного выполнения статьи V Рижского договора. Оно согласилось также немедленно перевести рабочие отряды, составленные из интернированных белогвардейских солдат и находившиеся в местностях, расположенных вблизи советской границы, в глубь страны.

Обе стороны выразили согласие совместно рассмотреть все материалы, касающиеся нарушений статьи V Рижского договора, которые взаимно будут представ-

¹³⁵ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 82—83.

ляться на рассмотрение, а также приступить к переговорам о мерах по охране границ от перехода их «нежелательными элементами и партизанскими бандами всякого рода»¹³⁶.

Подписанный 7 октября советско-польский протокол имел исключительно важное значение для нормализации всего комплекса взаимоотношений между Советским государством и Польшей. В годовом отчете НКВД IX съезду Советов Г. В. Чичерин назвал этот документ «громчайшей важности дипломатическим актом, почти равным по своему значению Рижскому договору»¹³⁷. Подписание этого документа означало крупную победу ленинской дипломатии, победу миролюбивой политики Советского государства.

Прямым результатом ослабления напряженности в советско-польских отношениях уже в ходе переговоров Л. Карахана с Я. Домбским явился обмен дипломатическими представительствами между Польшей и Украинской ССР, до этого откладывавшийся по вине польского правительства. 6 октября полномочный представитель УССР А. Я. Шумский прибыл в Варшаву; в тот же день поверенный в делах Польши в Украинской ССР Ф. Пулаский прибыл в столицу Советской Украины — Харьков¹³⁸.

В Польше подписание протокола было встречено поразному. Вся буржуазная печать расценила этот факт как поражение польской дипломатии. Печать, находившаяся под влиянием эндеков, в связи с этим резко критиковала правительство. «Наша недисциплинированная и авантюристическая политика, склонная к подвохам и заговорам ... сделала свое дело, — сетовала «Речь посполита». — Советы ударили кулаком по столу, и наше правительство вынуждено было скрепя сердце согласиться на удаление главных деятелей, указанных Советами»¹³⁹.

Газета сокрушалась по поводу того, что польское правительство и сейм подверглись «унижениям, причиняе-

¹³⁶ ДВП СССР, т. IV, стр. 394—395.

¹³⁷ Там же, стр. 704.

¹³⁸ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 74.

¹³⁹ «Rzeczpospolita», 12.X 1921.

мым совершенно бесконтрольным поведением верховного командования... и его легкомысленной склонностью к заговорам»¹⁴⁰. «Курьер поранны» замечал, что «если со стороны организаций Савинкова и Петлюры делались дела, противоречащие обязательствам польского правительства по Рижскому трактату, то надлежало давно уже знать об этом и давно уладить этот вопрос по собственной инициативе»¹⁴¹.

В то же время печать ППС, усиленно поддерживавшая ультимативные требования правящих кругов и осуждавшая министерство иностранных дел за «мягкую» ноту, направленную Москве 27 сентября¹⁴², теперь вопила по поводу «неслыханного поражения» польской дипломатии. «Наше министерство иностранных дел проявило неслыханную слабость, уступая в основном вопросе наглomu нажиму Советов», — писала газета «Работник», имея в виду согласие на высылку 14 белогвардейцев из Польши¹⁴³. Еженедельник ППС «Трибуна» писал, что требование высылки «14 русских» является «оскорблением для суверенного государства и должно быть решительно отвергнуто»¹⁴⁴. Такую позицию ППС высмеяла даже «Речь посполита», назвав эту заботу «о 14 русских» «странной» и «непонятной»¹⁴⁵.

На другой день после подписания протокола в Москве приступили к работе реэвакуационная и специальная смешанные комиссии. По инициативе Советского правительства уже 10 октября, т. е. на 10 дней раньше определенного протоколом срока, началась передача Польше первого взноса золота и драгоценностей. Однако по вине польской стороны работа комиссий была приостановлена, так как ни к 8, ни даже к 20 октября не было выполнено постановление протокола о высылке 14 белогвардейцев из Польши. Лишь после двукратного напоминания, сделанного полпредом Л. М. Караханом, а затем после прекращения работы комиссий — 28 октября, этот пункт был реализован. А через три дня, 1 ноября, Польше был пе-

¹⁴⁰ «Rzeczpospolita», 11.X 1921.

¹⁴¹ «Kurier Poranny», 11.X 1921.

¹⁴² См.: «Robotnik», 9.X 1921.

¹⁴³ «Robotnik», 11.X 1921.

¹⁴⁴ «Trybuna», 22.X 1922.

¹⁴⁵ «Rzeczpospolita», 12.X 1921.

редан первый взнос в счет эквивалента за железнодорожный подвижной состав¹⁴⁶.

15 ноября 1921 г. смешанная советско-польская ре-эвакуационная комиссия приняла решение о начале передачи в ближайшие дни польскому правительству ряда польских архивов и дел польских учреждений, эвакуированных в Россию в 1915 г.¹⁴⁷

6

Международная кампания помощи голодающим в России, участие в ней польских прогрессивных сил и позиция правящих кругов Польши

В 1921 г. Советскому государству, едва приступившему к восстановлению народного хозяйства в мирных условиях, довелось встретиться с новыми большими трудностями, которые были связаны с обрушившимся на страну голодом. В десяти губерниях Поволжья, прежде поставлявших большое количество хлеба, небывалая засуха полностью уничтожила урожай.

Прекращение вывоза хлеба из Поволжья и ряда соседних губерний, а также общее сокращение посевов в связи с гражданской войной вызвали резкое уменьшение хлебного пайка рабочим и служащим, что увеличило число голодающих до 27—28 млн. человек¹⁴⁸.

Коммунистическая партия и Советское правительство делали все для того, чтобы спасти людей от голодной смерти. Никакими продовольственными запасами государство тогда еще не располагало. Нужно было рационально распределить то, что шло на текущее потребление. Пришлось урезать и без того скудные пайки, выдаваемые рабочим и служащим государственных учреждений. За счет этого удалось организовать общественное

¹⁴⁶ ДВП СССР, т. IV, стр. 705.

¹⁴⁷ В соответствии с этим постановлением Польше были переданы архивы и дела канцелярии Варшавского генерал-губернаторства, акты губернских и уездных правлений Холмской губернии, Польского общества попечения о памятниках искусства и древностей и др. (ЦГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, д. 67, лл. 5—7).

¹⁴⁸ «Девятый Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет». М., 1922, стр. 25.

питание для 500 тыс. голодающих, из которых $\frac{3}{4}$ составляли дети. Принимались меры по вывозу населения из голодающих губерний.

Советское государство отпустило 100 млн. рублей золотом на дело помощи голодающим (закупка хлеба за границей, приобретение медикаментов и других предметов, которые были необходимы для борьбы с вспыхнувшими эпидемиями). В губерниях, не пострадавших от засухи, был организован сбор хлеба и других продуктов питания для населения голодных местностей. К концу 1921 г., таким образом, было собрано 1 млн. 800 тыс. пудов зерна и 600 тыс. пудов других продуктов¹⁴⁹.

Однако Советская страна, еще не успевшая преодолеть разруху, связанную с только что окончившейся войной, не могла собственными силами успешно справиться с голодом.

Естественно, что известия о голоде в России отозвались в сердцах всех честных людей мира, вызывая желание помочь голодающим. Прежде всего это относилось к пролетариату, выражавшему искреннее сочувствие советским братьям по классу, свою готовность оказать им посильную помощь в борьбе с нагрянувшим бедствием.

Высокое чувство солидарности с трудящимися Советской страны проявила Коммунистическая рабочая партия Польши. В конце июля 1921 г. КРПП начала кампанию в пользу голодающих в Советской России.

Она началась с выступления коммунистической фракции на проходившем в конце июля IV всепольском съезде профсоюза железнодорожников в Варшаве. Ее представители выступили 30 июля с трибуны съезда, дав правильную оценку причин голода в России и внеся предложение об организации помощи голодающим.

В проекте резолюции, предложенной «красной» фракцией, указывалось, что причиной голода в России является не только засуха, но и блокада, и военная интервенция, организованные империалистическими государствами, что и теперь международная буржуазия готовит новый заговор против Советской России. В проекте резолюции говорилось: «Мы, представители польских железнодорожников, сами находясь накануне катастрофы

¹⁴⁹ Там же, стр. 29—30.

голода, вызванного политикой господствующих классов, во имя международной пролетарской солидарности, во имя защиты рабочей России, оплота революции, считаем своим долгом помочь народу России в страшном бедствии, постигшем его». Проект резолюции призывал немедленно организовать денежные взносы и сбор продовольствия, «чтобы хоть таким скромным образом выполнить свой долг по отношению к героическому пролетариату России, который четыре года борется за свое освобождение из пут капиталистического строя»¹⁵⁰.

Представители ППС на съезде выступили против принятия такого текста резолюции, так как она, по их мнению, содержала «политические черты», и добились отклонения проекта съездом. Тем не менее съезд профсоюза железнодорожников высказался за оказание помощи голодающим и поручил Главному правлению организовать Комитет помощи голодающим в России¹⁵¹.

31 июля 1921 г. в легальном еженедельнике КРПП «Мысль работница» («Рабочая мысль») было опубликовано обращение Центрального Комитета партии к пролетариату Польши с призывом оказать помощь голодающему населению Советской России и всюду на фабриках и заводах открыть сбор пожертвований¹⁵². С таким же призывом обратилось к рабочим руководство профсоюза польских горняков, находившегося под влиянием коммунистов¹⁵³.

Еще более энергично повела кампанию КРПП после того, как стало известно об обращении В. И. Ленина к международному пролетариату и трудовому крестьянству в связи с голодом, в котором он писал: «Те, кто испытал на себе всю жизнь гнет капитала, поймут положение рабочих и крестьян России, — поймут или почувствуют инстинктом человека трудящегося и эксплуатируемого необходимость помочь Советской республике, которой

¹⁵⁰ «Walka Robotnicza», 14.VIII 1921.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² «Mysl Robotnicza», 31.VII 1921. В этом же номере газеты была помещена статья находившегося в то время в Польше председателя русско-украинской делегации в смешанной комиссии по репатриации под заголовком «На помощь голодающему населению России».

¹⁵³ «Известия», 26.VIII 1921.

пришлось первой взять на себя благодарную, но тяжелую задачу свержения капитализма»¹⁵⁴.

Эти слова вождя международного пролетариата нашли живой отклик в среде польских пролетариев. 8 августа состоялось объединенное собрание представителей профсоюзов г. Варшавы, на котором было принято решение развернуть среди рабочих кампанию по отчислению однодневного заработка в пользу голодающих в Советской России. Собрание избрало Рабочий комитет помощи голодающим, в состав которого вошли представители различных профсоюзов и рабочих партий, в том числе видный деятель польского рабочего движения Ст. Ланцуцкий¹⁵⁵.

8 августа 1921 г. ЦК КРПП обратился к рабочему классу Польши с воззванием, которое было отпечатано в типографии большим тиражом и распространялось на фабриках и заводах, расклеивалось на видных местах. Воззвание напоминало о моральном долге поляков развернуть помощь «с большей энергией, чем пролетариат Европы и Америки», так как «контрреволюционная Польша неслыханно способствовала усилению этого стихийного бедствия в России», навязав Советской России войну. «Польский пролетариат обязан напрячь все силы для организации помощи и тем самым выполнить свой революционный долг, обязан сделать все, что в его силах, чтобы облегчить мучения русского народа. Нельзя терять ни одной минуты, ибо каждая минута промедления грозит смертью тысячам людей», — говорилось в воззвании¹⁵⁶.

Еженедельник КРПП «Мысль robotnicza» («Рабочая мысль») помещал большое количество материалов о жизни Советской страны, о голоде и подводил читателей к выводу о необходимости организации помощи голодающим. Польские власти закрыли еженедельник. Тогда ЦК КРПП решил издавать его под новым названием. 14 августа вышел первый номер газеты «Валька robotnicza» («Борьба рабочих»), продолжившей кампанию солидарности с Советской Россией.

¹⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 75.

¹⁵⁵ «Walka Robotnicza», 14.VIII 1921.

¹⁵⁶ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 52.

Во всех профсоюзах, где КРПП имела влияние, создавались комитеты помощи голодающим.

В августе — сентябре отделения Рабочего комитета помощи возникли в Сосновце, Влоцлавке, Лодзи, Ченстохове, Кутне, Белостоке и других городах.

Рабочий комитет помощи Домбровского бассейна писал в своем обращении: «Не позволим умереть с голоду героям борьбы за свободу и их детям... выражением солидарности прибавим сил пролетариату России для дальнейшей борьбы»¹⁵⁷.

«Сознательный рабочий охотно отдает свой дневной заработок, так как знает, что, помогая России, он действует вместе с тем в собственных интересах — способствует освобождению человечества», — отмечала «Валька работница»¹⁵⁸.

Несмотря на бедственное положение рабочих Верхней Силезии, среди них было собрано в пользу голодающих в первые же дни кампании свыше 100 тыс. польских марок¹⁵⁹. Как сообщал орган КРПП «Червоны штандар», там «...десятки тысяч рабочих деятельным участием в ответ на наши призывы выразили свои симпатии и сознание того, что их долг — поддержать голодающих в России и отблагодарить российский пролетариат за многолетнюю борьбу за свободу»¹⁶⁰.

Рабочий комитет помощи в целях сплочения вокруг кампании помощи голодающим всех сознательных рабочих обратился 20 сентября к Центральной комиссии профсоюзов, состоявшей в большинстве из руководящих деятелей ППС, с предложением создать совместный Центральный комитет помощи голодающим. Центральная комиссия оставила без ответа это предложение.

Руководство ППС дошло до того, что стало рассылать на места секретные циркуляры с указанием чинить препятствия организациям КРПП в проведении ими кампании помощи голодающим в России¹⁶¹.

Несмотря на это, руководство ряда крупных профсоюзов объединило свои усилия с КРПП. Главные прав-

¹⁵⁷ SA KC PZPR, Zespół PPS.

¹⁵⁸ «Walka Robotnicza», 2.X 1921.

¹⁵⁹ «Экономическая жизнь», 4.X 1921.

¹⁶⁰ «Czerwony Sztandar», 4.IX 1921.

¹⁶¹ «Walka Robotnicza», 2.X 1921.

ления профсоюзов строителей, кожевников, рабочих бумажной и сахарной промышленности разослали на места указания о поддержке кампании, проводимой КРПП, и проведении агитации за отчисление в фонд помощи голодающим однодневного заработка ¹⁶².

Польские власти с самого начала кампании помощи голодающим в России, проводимой под руководством КРПП, стали применять репрессии по отношению к ее организаторам, арестовывали членов Комитета помощи на местах ¹⁶³, конфисковывали номера газет, в которых были помещены материалы о ходе кампании.

КРПП была вынуждена все чаще прибегать к нелегальным формам агитации за помощь голодающим, распространяя по стране листовки, которые издавались в подпольных типографиях столицы и провинциальных городов ¹⁶⁴.

Отношение польских трудящихся к советским братьям красноречиво характеризует и тот факт, что поляки-военнопленные, еще находившиеся в лагерях в Советской России, узнав о голоде в Поволжье из газет и устных информаций, живо включились в кампанию помощи голодающим. Так, поляки-военнопленные, размещенные в лагере Владыкино под Москвой, решили пожертвовать все свое жалованье за месяц, составившее 1 млн. 262 тыс. 70 рублей. Наличными было собрано 52 тыс. рублей ¹⁶⁵. Эти же пленные, возвращаясь в конце сентября на родину, перед отъездом из лагеря провели новый сбор — 4 млн. 315 тыс. 800 рублей, передав деньги в редакцию польской газеты «Трибуна комунистычна» («Коммунистическая трибуна») для дальнейшей пересылки по назначению. 50 поляков-военнопленных, находившихся в лагере Перерва, в самом начале кампании

¹⁶² «Walka Robotnicza», 9.X 1921.

¹⁶³ Так, в начале сентября варшавская полиция арестовала двух представителей комитета, прибывших в одно из ремесленных заведений за получением от рабочих собранных взносов в пользу голодающих в России («Gazeta Poranna», 11.IX 1921).

¹⁶⁴ В одном из полицейских сообщений за август месяц говорилось, что в Люблине было обнаружено около 6 тыс. экз. коммунистических воззваний, среди которых находились обращения с призывом об оказании помощи голодающим в Советской России («Rzeczpospolita», 28.VIII 1921).

¹⁶⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 124, д. 72, л. 15.

собрали 253 тыс. рублей наличными. Многие из них, кроме денег, жертвовали в фонд помощи голодающим русским братьям свои личные вещи — рубахи, шапки и даже шинели¹⁶⁶.

Характеризуя эти проявления пролетарской солидарности, газета «Известия» писала: «В то время как клика авантюристов, представляющая нынешнее правительство буржуазной Польши, ведет провокационную политику с явным намерением напасть на Советскую Россию, польский пролетариат всей душой на стороне русского народа»¹⁶⁷.

Ввиду того что рабочее движение в Польше было расколото, а центральные органы ряда крупнейших профсоюзов были захвачены соглашателями и правыми деятелями ППС, противившимися проявлениям солидарности с Советской страной, Всепольский комитет помощи голодающим России возник не в лоне руководящих центров рабочих организаций, а как самостоятельная организация, объединяющая людей доброй воли.

Однако то обстоятельство, что для легальной работы было необходимо иметь утвержденный правительством устав, затрудняло всю работу. Для регистрации устава необходимо было выждать определенный срок; регистрацию же правительство умышленно затягивало, неизвестно было, зарегистрирует ли его вообще. Комитет работал под угрозой запрета. Несмотря на это, он вел большую работу. Комитет не ограничивался сбором средств. Его руководители ставили перед собой не менее благородную задачу — способствовать преодолению недоверия между польским и русским народами. «Мы должны переломить ту неприязнь к России в нашем обществе, которую непрерывно подогревает польская бульварная печать всевозможных оттенков», — говорилось в записке о деятельности и планах комитета¹⁶⁸. Помощь голодающим в Советской России основатели комитета рассматривали как составную часть большой задачи по сближению между обоими народами и государствами. «Надо раз навсегда покончить с тем неискренним отношением, которое, несмотря на заключение мира, господ-

¹⁶⁶ «Trybuna Komunistyczna», 11.IX 1921.

¹⁶⁷ «Известия», 1.X 1921.

¹⁶⁸ «Solidarność Robotnicza», 1921, N 9.

ствует между двумя соседними народами, — говорилось в записке, — и если нам удастся сделать хотя бы шаг в этом направлении, это будет также весьма важным актом помощи населению России»¹⁶⁹.

В первых числах октября в Польшу из поездки в Советскую Россию возвратилась член Всепольского рабочего комитета помощи голодающим, известный общественный деятель Стефания Семполовская, посетившая местности, охваченные голодом. Комитет решил использовать этот факт для усиления кампании помощи и с этой целью назначил на 10 октября доклад Ст. Семполовской о ее поездке. Вход был платный — собранные деньги намечалось передать в фонд помощи голодающим¹⁷⁰. Однако за час до начала полиция запретила Семполовской выступить. Помещение, где было намечено выступление и куда уже собралась публика, было оцеплено полицией, туда никого не впускали, собравшиеся были разогнаны. Однако Семполовская все же рассказывала всем, с кем встречалась, о трудном положении в Советской стране. Об интересе в Польше к Стране Советов и готовности польских трудящихся помочь голодающим в Советской России говорит и такой факт: на 600 мест в зале, отведенном для выступления Семполовской, было продано 1600 билетов¹⁷¹.

Деятельность комитета, однако, была прекращена: правительство отказалось его зарегистрировать по той причине, что основатели его «изобличены в коммунистических стремлениях» — как сказано в циркуляре министра внутренних дел С. Довнаровича. Этим же циркуляром от 10 ноября 1921 г. воеводам предписывалось: всюду, где будет обнаружена деятельность Комитета помощи голодающим или его ячеек на местах, они должны быть «незамедлительно закрыты, а виновные привлечены к ответственности»¹⁷².

За короткий период своей деятельности комитет провел большую работу по укреплению солидарности рабочего класса Польши с трудящимися Советской страны, успел выпустить и распространить несколько номеров

¹⁶⁹ Там же

¹⁷⁰ «Walka Robotnicza», 9.X 1921.

¹⁷¹ ЦПА ИМЛ, ф. 21 (78), КПП, д. 32, л. 10.

¹⁷² «Документы и материалы...», т. IV, стр. 111.

специальных изданий, большое количество листовок. В крайне тяжелых условиях политических преследований комитет собрал свыше 5 млн. польских марок и некоторое количество иностранной валюты, драгоценностей и уже приступил к закупкам на эти средства зерна и муки для посылки голодающим в Советской России¹⁷³. Деятельность комитета была прекращена в самом ее разгаре, а собранные средства были конфискованы властями¹⁷⁴.

Передовые представители общественности капиталистических государств также откликнулись на призыв Ленина и Советского правительства. В середине августа 1921 г. в Женеву съехались представители международной и национальных организаций Красного Креста. Конференция избрала известного общественного деятеля норвежца Ф. Нансена главным уполномоченным по оказанию помощи голодающим в России¹⁷⁵. Однако Нансену не удалось добиться финансирования своей миссии.

В обстановке развернувшегося в ряде стран Европы и Америки движения трудящихся масс за оказание помощи голодающим в России молчание правительственных сфер становилось рискованным, особенно после обращения правительства РСФСР к правительствам всех государств от 2 августа 1921 г. с просьбой не чинить препятствий общественным организациям и отдельным гражданам своих стран, желающим оказать эту помощь.

Правительства западных держав были вынуждены под давлением общественности как-то откликнуться на этот призыв. Вопрос был вынесен на обсуждение Лиги Наций, где Нансен выступил с предложением предоставить кредит Советскому правительству для борьбы с голодом.

Однако Лига Наций не предприняла практических действий, ограничившись по существу выражением сочувствия русскому народу. Первые же шаги прави-

¹⁷³ «Документы и материалы.», т. IV, стр. 117.

¹⁷⁴ Сотрудник советского полпредства в Варшаве И. Лоренц сообщал в НКВД 11 ноября 1921 г.: «Польское правительство не только закрыло Рабочий комитет помощи голодающим в России, но и наложило арест на все собранные деньги комитета» (ЦГАОР СССР, ф. 1064, оп. 6, д. 17, л. 4).

¹⁷⁵ ДВП СССР, т. IV, стр. 787.

тельств держав Антанты по этому вопросу показали, что они озабочены не тем, чтобы прийти на помощь населению голодающих российских губерний. В их намерения входило использовать голод для повторной попытки реставрации капитализма в России. Это было видно уже из того, что во главе образованной Верховным советом Антанты комиссии «для изучения и изыскания способов оказания помощи русскому народу, ставшему жертвой голода и эпидемий», был поставлен злейший враг Советской власти Ж. Нуланс, который, будучи послом Франции в Петрограде, явился организатором антисоветских заговоров, а затем — одним из организаторов блокады и вооруженной интервенции против Советской России. Неудивительно, что, как указывалось в ноте Советского правительства правительствам Великобритании, Франции, Италии и Бельгии, «уже само имя Нуланса как представителя Франции в Международной комиссии помощи голодающим, а вслед за этим как председателя этой комиссии возбудило во всей России среди самых широких слоев трудящегося населения взрыв негодования»¹⁷⁶.

Комиссия Нуланса не спешила с организацией помощи голодающим. Только 4 сентября 1921 г. она дала о себе знать тем, что Нуланс направил Советскому правительству послание, в котором сообщал, что собирается послать в Советскую Россию «комитет экспертов» для выяснения на месте «размеров нужд и способов к наиболее быстрому и наиболее действительному их удовлетворению»¹⁷⁷. При этом Нуланс требовал ни больше, ни меньше, как гарантии свободного передвижения экспертов общим числом до 30 человек по стране и сбора ими самых разнообразных сведений о состоянии экономики, транспорта, природных ресурсов Советского государства. Более того, Нуланс требовал, чтобы местные органы Советской власти беспрепятственно предоставляли его экспертам все требуемые ими сведения и оказывали содействие в их сборе. Характер сведений не оставлял сомнений в их назначении — он не имел ничего общего с помощью голодающим. Ясно, что Советское правительство не могло согласиться на допуск в свою страну

¹⁷⁶ Там же, стр. 307.

¹⁷⁷ Там же, стр. 311.

таких «экспертов». Требование Нуланса было отвергнуто.

Белогвардейская эмиграция из всех сил стремилась изобразить положение в Советской стране как начало краха Советской власти и призывала препятствовать развертыванию кампании в помощь голодающим. Выходившая в Варшаве газета Савинкова «Свобода» в последних числах июля 1921 г. поспешила сообщить о «конце большевизма». Савинков в статьях призывал готовиться к антисоветскому походу. Его газета взывала к империалистическим силам Запада начать вооруженную интервенцию.

Этот «вой шакалов» — по меткому определению рижской газеты «Новый путь»¹⁷⁸ — раздавался в столице польского государства, не вызывая ни малейшего осуждения со стороны властей. Больше того, польская буржуазная печать не скрывала злорадства по поводу народного бедствия в Советской стране. «Речь посполита» писала по поводу голода в России: «Наступает момент, когда бессилие Советской власти перед стихийными бедствиями станет очевидным для всех»¹⁷⁹. Орган краковских консерваторов газета «Час» («Время»), вторя столичной газете, пророчествовала о «социальной катастрофе», надвигающейся в России в связи с голодом¹⁸⁰.

Движение помощи, развернувшееся в ряде стран, в том числе и в Польше, требовало от польского правительства предпринять такой шаг, который бы не шел вразрез с уже сделанными заявлениями держав Антанты по этому вопросу.

К тому же правительство Польши не могло отмалчиваться после того, как им была получена нота правительства РСФСР, адресованная правительствам всех государств. Польша же была одной из немногих стран, имевших с Советской Россией дипломатические отношения.

5 августа Совет министров Польши уполномочил министра иностранных дел «заявить о намерении Польши принять участие в предполагаемой международной кам-

¹⁷⁸ «Новый путь», 1.VII 1921.

¹⁷⁹ «Rzeczpospolita», 26.VII 1921.

¹⁸⁰ «Czas», 27.VII 1921.

пани по оказанию помощи населению России, страдающему от голода и эпидемий»¹⁸¹.

Тремя днями ранее в Варшаве состоялось собрание представителей общественных организаций, правительственных органов и печати, на котором был учрежден Комитет помощи русскому народу во главе с архиепископом Э. Роппом¹⁸². Деятельность комитета ограничилась организацией материальной помощи польским гражданам, проживавшим на территории советских республик.

10 августа польский поверенный в Москве Т. Филипович официально уведомил Наркоминдел, что правительство Польши решило принять участие в кампании помощи голодающим¹⁸³.

Однако польское правительство, как и правительства западных держав, не спешило с помощью.

Польская буржуазная печать почти не выступала с призывами об организации помощи голодающим и не освещала ход кампании в стране и за границей. Она ограничивалась описанием бедственного положения населения губерний, охваченных голодом¹⁸⁴. Зато в польской печати часто появлялись материалы, оправдывавшие бездействие правительства по этому вопросу и в завуалированной форме внушавшие мысль о саботировании кампании помощи. Так, «Речь посполита» в самый разгар кампании, когда пролетариат и его партия, вся прогрессивная общественность вели практическую работу по сбору средств для голодающих, выступила со статьей, направленной на срыв кампании. Газета писала, что у Польши у самой невысокий урожай и нет излишков, которые можно было бы послать в Россию¹⁸⁵.

Помощь польского правительства населению голодающих губерний России с самого начала международной кампании была определена им же самим как содействие продвижению продовольственных грузов через польскую территорию, что было зафиксировано в протоколе заседания Совета министров, на котором обсу-

¹⁸¹ «Документы и материалы.», т. IV, стр. 50.

¹⁸² «Rzeczpospolita», 3.VIII 1921.

¹⁸³ АВП СССР, ф. 122, оп 4, д 8, л 12.

¹⁸⁴ «Бюллетень НКВД», 1921, № 118

¹⁸⁵ «Rzeczpospolita», 20.VIII 1921.

дался вопрос об участии Польши в этой международной акции ¹⁸⁶.

Фактически она свелась к следующему. Министерство железных дорог Польши по указанию правительства предоставило на льготных условиях товарные вагоны Американской организации помощи (АРА) для перевозки продовольствия через территорию Польши ¹⁸⁷.

Польское правительство приняло решение о предоставлении 50% скидки стоимости провоза по железным дорогам Польши продовольствия, закупленного в Польше миссией Ф. Нансена для голодающих в Советской России ¹⁸⁸. По просьбе Международного комитета помощи России оно согласилось также на провоз по железным дорогам с применением той же льготы 15 тыс. т зерна и муки, закупленных этим комитетом ¹⁸⁹.

Весьма недружелюбным актом было указание польских властей о запрещении вывоза хлеба и продовольственных товаров за восточную границу как раз в то время, когда уже определились катастрофические размеры голода в Советской России и приобретение каждого килограмма хлеба имело жизненно важное значение. В начале июля было опубликовано распоряжение министерства финансов и министерства промышленности и торговли, запрещающее вывоз зерна (кроме риса), муки (кроме картофельной), а также сахара, мяса, масла, скота ¹⁹⁰. Распоряжение основывалось на законе от 15 июля 1920 г., принятом во время польско-советской войны.

9 августа Совет министров Польши провел специальное совещание по вопросу о средствах воспрепятствования провозу продовольствия через границу. Была создана комиссия под председательством премьер-министра, которой поручено было выработать меры по усилению контроля на восточной границе Польши и ее охраны путем включения в состав пограничной стражи части

¹⁸⁶ AAN, PRM, t. 15, k. 271—272.

¹⁸⁷ «Rzeczpospolita», 1.IX 1921.

¹⁸⁸ «Monitor Polski», 13.IX 1921.

¹⁸⁹ «Rzeczpospolita», 11 IX 1921.

¹⁹⁰ «Monitor Polski», 4.VIII 1921.

подразделений государственной полиции. Создавались дополнительные таможенные батальоны¹⁹¹.

Так польские власти наглухо закрыли польско-советскую границу, открывая ее лишь для пропуска репатриантов и лиц, ищущих политического убежища¹⁹².

Таким образом, в вопросе о помощи голодающим еще раз отчетливо проявились две противоположные позиции. Польским правящим кругам была безразлична судьба народа соседней страны, терпевшего лишения и нуждавшегося в спасении от голодной смерти. Они, как и империалистические круги западных держав, стремились использовать голод в России в качестве своего союзника и орудия в борьбе против Советского государства.

В то же время истинным и бескорыстным другом трудящихся Советской страны показал себя польский пролетариат, делавший все для того, чтобы облегчить страдания братьев по классу. Кампания помощи, развернутая польским пролетариатом по инициативе КРПП, была большой моральной поддержкой для советских людей в их исключительно трудной борьбе за упрочение завоеваний Октябрьской революции.

¹⁹¹ «Rzeczpospolita», 11.VIII 1921.

¹⁹² «Rzeczpospolita», 20.VIII 1921.

Глава вторая

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ПОЛЬША В ПЕРИОД ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

1

Канские решения и политика Польши

Претворение в жизнь новой экономической политики, направленной на быстрейшую ликвидацию разрухи, восстановление народного хозяйства и создание фундамента социалистической экономики, требовало от Советского государства не только мобилизации внутренних ресурсов, но и развития экономических связей с другими странами. Первые попытки в этом направлении были сделаны заключением мирных договоров с западными соседями Страны Советов, особенно Рижского мирного договора с Польшей.

Экономика дореволюционной России была связана тысячами нитей с мировым хозяйством, особенно с такими развитыми в промышленном отношении капиталистическими странами, как Германия, Англия, Франция. Теперь требовалось быстрее восстановить эти связи на взаимовыгодных условиях, тем более что в них в не меньшей мере нуждались и упомянутые выше западноевропейские государства. Как указывал Ленин, «без России Европа не сможет стать на ноги»¹.

На X съезде РКП(б), который состоялся в марте 1921 г., была особенно подчеркнута необходимость для Советской страны, находящейся в капиталистическом окружении, развивать торгово-экономические отношения с государствами Запада, чтобы использовать их но-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 153.

вейшую технику, оборудование и другие средства производства².

Однако империалистические державы, идя на установление контактов с Советской страной, преследовали вполне определенные цели: 1) завладеть российскими рынками, закабалить Россию экономически, вернуть и еще более укрепить в ней свои экономические позиции, взыскать с большими процентами царские долги и долги Временного правительства; 2) путем экономической экспансии добиться того, чего не могли добиться вооруженной интервенцией, — ликвидации советского строя посредством усиления в России капиталистических элементов, увеличения их удельного веса в производстве при всемерной поддержке их со стороны западноевропейского капитала.

Им казалось, что введение нэпа будет способствовать ускорению этого процесса. Постигший же Россию голод в 1921 г. укрепил надежды империалистов западных держав принудить Советское правительство к уступкам, которые со временем привели бы к краху Советской власти и реставрации капитализма в России.

6 октября 1921 г. в Брюсселе открылась конференция по вопросу о так называемой помощи России. В работе конференции участвовали представители Бельгии, Великобритании, Франции, Италии, Испании, Германии, Швеции, Дании, Голландии, Румынии, Китая, Швейцарии, Эстонии, Латвии, Чехословакии и Польши.

Конференция обсудила условия предоставления кредитов Советскому правительству для борьбы с голодом и восстановления экономики. Было признано возможным дать кредиты лишь при условии уплаты внешних долгов царского и Временного правительств и получения предварительных экономических гарантий³.

Постановления конференции не были сообщены Советскому правительству. Узнав о них из печати западных стран, оно 28 октября 1921 г. направило ноту Великобритании, Франции, Италии, Японии и США, в которой выразило согласие признать на определенных условиях

² См.: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. II. М., 1970, стр. 259.

³ «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР), т. IV. М., 1960, стр. 792.

«обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам, заключенным царским правительством до 1914 г., при предоставлении ему льготных условий, обеспечивающих ему практическую возможность выполнения этих обязательств»⁴. В качестве неперемennого условия признания царских долгов Советское правительство выдвигало одновременное обязательство великих держав заключить с Советской Россией окончательный всеобщий мир и признать ее⁵.

Для решения этих вопросов и рассмотрения взаимных претензий Советское правительство предложило созвать международную конференцию. Западные державы пытались обусловить созыв такой конференции обязательством Советского правительства признать не только царские, но и другого рода долги. Франция даже пыталась поднять вопрос о выплате компенсаций частным лицам за национализированное имущество⁶.

В конце концов, натолкнувшись на твердую позицию Советского правительства, Англия и Франция были вынуждены согласиться на обсуждение всех спорных вопросов непосредственно на международной конференции. Для выработки повестки дня конференции и для согласования общих требований к Советской России представители держав Антанты собрались в Канне 6 января 1922 г. Здесь было принято решение созвать в Генуе конференцию европейских стран с участием и Советской России по экономическим и финансовым вопросам.

Французская буржуазия выразила недовольство каннскими решениями. Одной из причин недовольства явилась недостаточно резкая, по мнению французских буржуазных кругов, позиция по отношению к Советской России, так как Каннская конференция допускала возможность официального признания Советского правительства. Пуанкаре — новый глава правительства Франции — выдвинул требование безоговорочного признания долгов Советским правительством и немедленного начала их выплаты. Это требование было поддержано конференцией кредиторов России, состоявшейся в Париже в середине февраля под председательством злейшего врага

⁴ ДВП СССР, т. IV, стр. 447.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 681.

Советской страны Нуланса. Конференция кредиторов потребовала также принятия всех шести пунктов каннской резолюции как предварительного условия переговоров с Россией⁷. Саму конференцию в Генуе предлагалось отложить.

Это вызвало беспокойство Ллойд-Джорджа, который предложил Пуанкаре встретиться для личных переговоров. Встреча состоялась в Булони 25 февраля. Оба премьера решили, что приглашение представителей Советской России в Геную не будет означать ее признания де-юре⁸.

Польское правительство через своего посланника в Париже добивалось, чтобы во время встречи в Булони был поставлен и положительно решен вопрос о признании Рижского мира. Однако, как сообщил польскому посланнику М. Замойскому директор политического департамента французского МИД П. Перетти, вопрос о Рижском мире во время встречи в Булони не обсуждался, «поскольку державы Антанты стоят на позиции непризнания Советского правительства»⁹.

Таким образом, Польша шла навстречу Генуэзской конференции полная тревог и опасений: непризнание Советского правительства влекло за собой непризнание Рижского мира, а это означало непризнание границ на востоке и вероятность того, что Польшу заставят платить часть царских долгов.

Если крупные европейские страны, такие, как Англия, Франция, Германия, остро нуждались в восстановлении экономических связей с Россией, то для Польши этот вопрос имел поистине жизненное значение. Большая часть польских земель была традиционно связана с экономикой России. Нахождение на протяжении почти 150 лет значительной части польских земель в составе Российской империи сделало эти земли составной частью ее хозяйственного организма. Между Королевством Польским и остальной частью империи развились оживленные и разносторонние экономические связи. Перед первой мировой войной вывоз в российские губернии составлял 84%

⁷ «История дипломатии», т. III. М., 1965, стр. 254—255.

⁸ Там же.

⁹ Archiwum Akt Nowych (далее—AAN), Ambasada RP w Paryżu, t. 4.

всего вывоза промышленной продукции Королевства Польского¹⁰.

Что касается тех польских земель, которые входили в состав Германии и Австро-Венгрии, то они служили для этих государств базой продовольственного и технического сырья. Здесь находились лишь немногочисленные заводы по переработке сельскохозяйственных продуктов да небольшие предприятия по обработке металлов, из которых самыми крупными были завод Г. Цегельского в Познани и несколько заводов в Галиции, сосредоточенных главным образом в районе Кракова¹¹.

Значительное увеличение промышленного потенциала Польши произошло вследствие присоединения к ней части Верхней Силезии, располагавшей мощной угольной и металлургической промышленностью¹². Однако это произошло лишь в середине 1922 г., притом основная продукция верхнесилезской промышленности еще долгое время продолжала поступать на традиционный для нее германский рынок, так как наиболее крупные предприятия этого района по-прежнему являлись собственностью германских монополий. Ряд польско-германских соглашений, заключенных под давлением Лиги Наций, обеспечивал германским капиталистам беспопытный вывоз из Польши большей части промышленной продукции верхнесилезских предприятий.

В первые годы существования самостоятельного польского государства экономические связи его с Советской страной отсутствовали вообще. Лишь после заключения Рижского мира в этом отношении наметились некоторые сдвиги, однако установление экономических и торговых контактов происходило медленно.

Так, по линии Внешторга импорт из Польши в Советскую Россию за девять месяцев 1921 г. выражался всего лишь в сумме 486 тыс. рублей, что составляло менее 0,2% ко всему импорту Советской страны¹³. Экспорт же в

¹⁰ См.: «Бюллетень мирового хозяйства», 1925, № 169, стр. 252—253.

¹¹ См.: *Z. Landau, J. Tomaszewski. Gospodarka Polski międzywojennej 1918—1939, t. I. Warszawa, 1967, str. 69.*

¹² С присоединением Верхней Силезии годовая добыча каменного угля в Польше увеличилась с 9207 до 25 625 тыс. т, чугуна — с 79 до 401 тыс. т, стали — с 259 до 873 тыс. т и т. д. («Rocznik Statystyczny RP», 1923, str. 47).

¹³ «Внешняя торговля СССР за 20 лет. 1918—1937 гг. Статистический справочник». М., 1939, стр. 28. Данные приводятся по ценам 1913 г.

Польшу составил совершенно мизерную сумму — 24 тыс. рублей. Эта цифра в позднейших статистических справочниках Внешторга даже не учитывалась.

Несмотря на то что уровень промышленности Польши был гораздо ниже довоенного, уже в 1921 г. польскую экономику все больше охватывал кризис. Из-за отсутствия рынков сбыта во второй половине 1921 г. закрылись сотни промышленных предприятий. К концу года в Польше уже насчитывалось свыше 400 тыс. безработных¹⁴. Это в свою очередь привело к резкому падению покупательной способности населения и сокращению до минимума сбыта на внутреннем рынке.

Особенно тяжелый кризис охватил те отрасли промышленности, которые ранее работали на российский рынок¹⁵. Например, в Лодзи были закрыты 120 предприятий, а на действующих работа продолжалась не более двух-трех дней в неделю.

Объективная необходимость восстановления экономических связей и товарообмена, казалось, была понята обеими делегациями на мирных переговорах в Риге. Этот вопрос тщательно обсуждался там и нашел свое отражение в Рижском мирном договоре (статьи XXI и XXII). При этом было признано необходимым, чтобы эти отношения регулировались торговым договором. Статья XXI гласила: «Обе договаривающиеся стороны соглашаются не позднее, чем по истечении 6 недель с момента ратификации настоящего Договора, приступить к переговорам о торговом договоре и договоре о компенсационном товарообмене»¹⁶.

Взаимная заинтересованность обоих государств в транзите товаров была закреплена специальной статьей (XXII), обязывавшей впредь до заключения торгового договора и железнодорожной конвенции допускать транзит товаров «по всем железнодорожным и водным путям, свободным для транзита»¹⁷.

Торгово-промышленные круги Польши связывали с Генуэзской конференцией надежду на восстановление

¹⁴ «Sejm Ustawodawczy Rzeczypospolitej Polskiej. Sprawozdanie stenograficzne» (далее — «Sejm Ustawodawczy»), 275, pos., 17.XII 1921, там же. 32.

¹⁵ Там же, кол. 26.

¹⁶ ДВП СССР, т. III. М., 1959, стр. 639—640.

¹⁷ Там же, стр. 640.

экономических связей с Советской страной. Торгово-промышленная палата во Львове направила еще 23 января 1922 г. премьер-министру А. Пониковскому мемориал, в котором говорилось:

«Торгово-промышленная палата во Львове уже несколько раз обращала внимание на необходимость начать торговые переговоры с Россией и Украиной. Этот вопрос приобретает, однако, в настоящий момент особую срочность, поскольку вся Европа готовится к установлению торговых отношений с советскими республиками... Советские представители вскоре приступят в Генуе к экономическим совещаниям с представителями других европейских государств. О значительных выгодах, которые принесло бы Польской республике посредничество в товарообороте между западными государствами, с одной стороны, Россией и Украиной — с другой, палата считает излишним напоминать, ибо об этом бесчисленное количество раз говорилось, этот вопрос широко обсуждался и стал общеизвестен. Поскольку, однако, Польша уже в силу своего экономического положения призвана взять в свои руки торговые нити, связывающие Восток с Западом, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы польское государство было лишь пассивным свидетелем того, как другие государства, минуя естественный путь, ведущий через Польшу, усиливают торговые отношения с Россией и Украиной, тем самым лишая наше государство целого ряда выгод, которые мы можем иметь от транзитной торговли»¹⁸.

8 февраля 1922 г. собрание членов Польского политехнического общества приняло резолюцию, требовавшую от правительства обеспечить установление торговых отношений с Советской Россией¹⁹.

Однако правящие круги Польши продолжали слепо следовать курсу руководителей западных держав, который характеризовался крайней враждой к Советскому государству.

Анализируя политику польского правительства нака-

¹⁸ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (далее — «Документы и материалы...»), т. IV. М., 1966, стр. 133—134.

¹⁹ Там же, стр. 140. Резолюция была тотчас же направлена главе польского правительства А. Пониковскому.

нуне Генуэзской конференции, современный польский историк С. Микулич, тщательно исследовавший документы Совета министров, МИД Польши, а также материалы польской прессы, замечает в своей книге: «Пресловутый польский мессианизм, соединенный с ненавистью правящих кругов к коммунизму, еще раз взял верх над торгово-политическим рассудком»²⁰.

В то же время правящие круги Польши опасались, что ее могут лишить возможности участвовать в дележе «русского пирога». Такие тревожные сигналы передавались в Варшаву польскими дипломатами, аккредитованными в западных государствах. Основываясь на них, министр иностранных дел К. Скирмунт докладывал правительству в середине декабря 1921 г., что «иностранный инвестиционный капитал (например, американский) проявляет тенденцию, имеющую целью отстранение Польши от посредничества и участия польского капитала в инвестициях, в последующей эксплуатации России» и что «...реализация вышеуказанных намерений, минуя польское посредничество, нанесла бы ущерб экономическим интересам Польши»²¹.

Не обладая соответствующими капиталами, Польша тем не менее рассчитывала на то, что ее не обойдут. Ее представители старались доказать своим западным партнерам, что Польша окажет неоценимую услугу в проектируемом консорциуме, взяв на себя роль посредника и информатора. В той же докладной записке польский министр подчеркивал, что «...географическое положение Польши, как и ее технические средства, выражающиеся в сети железных дорог, ведущих в Россию, в соответствующем количестве подвижного состава широкой колеи, топлива, а также технического персонала, основательно знающего Россию, дают Польше возможность успешно противостоять нежелательным тенденциям, проявляемым иностранным капиталом, и сыграть выпавшую на ее долю роль информатора и посредника для иностранного капитала, стремящегося к экономическому восстановлению и эксплуатации России».

²⁰ S. Mikulicz. *Od Genui do Rapallo*. Warszawa, 1966, str. 169.

²¹ AAN, *Protokoły posiedzeń Rady Ministrów* (далее—PPRM), 28198/21.

После конференции в Канне, принявшей решение о созыве Генуэзской конференции, в польской печати усилились требования быстрее заключения торгового договора с советскими республиками. «Курьер варшавски» сообщал, что «...число лиц, обращающихся в здешнее русское посольство за визами в Россию в торговых целях, увеличивается с каждым днем»²². Ему вторил журнал «Пшемьсл и хандель» («Промышленность и торговля»), отмечая, что «более энергичные купцы все чаще выезжают в Россию». Журнал сетовал на пассивность правительства в развитии торговли с Советской страной, в то время как «западные соседи развивают все более систематическую подготовительную деятельность»²³.

Большую озабоченность проявляли торгово-промышленные круги, связанные в прошлом с русским рынком. Их печать была заполнена разного рода прогнозами, рекомендациями, требованиями к правительству. Суть их сводилась к тому, чтобы заставить правительство приступить к широким экономическим переговорам, не откладывая это дело, так как Польша может опоздать и оказаться оттесненной западными державами. «Пшеглэнд пшемыслово-хандлёвы» («Промышленно-торговое обозрение») по этому поводу призывал: «Не ожидать торгового договора, но уже сейчас надо вплотную начать торговать с Россией»²⁴.

Давление торгово-промышленных кругов в конце концов вынудило правительство заняться вопросом польско-советских экономических связей. 12 января 1922 г. Совет министров Польши заслушал доклад министра промышленности и торговли по вопросу о заключении торговых соглашений с советскими республиками. Он принял постановление о созыве межминистерской конференции с участием министров иностранных дел, железных дорог, промышленности и торговли, которая должна была наметить политические и экономические директивы по вопросу о восстановлении связей с Россией²⁵.

9 марта 1922 г. правительство рассмотрело представ-

²² «Kurier Warszawski», 26.I 1922.

²³ «Przemysł i Handel», 1922, N 1.

²⁴ «Przegląd Przemysłowo-Handlowy», 1922, N 6.

²⁵ AAN, PPRM, t. 17, k. 107.

лённый министром промышленности и торговли проект торгового договора с РСФСР и УССР²⁶.

В самом начале проекта, содержащего 40 параграфов, говорилось, что «стороны, заключающие договор, будут стремиться к возможно более широкому товарообороту и обязуются по возможности не стеснять его никакими запрещениями и ограничениями ввоза»²⁷. Однако следующий параграф проекта оставлял лазейку для торжества торговли, если бы этого захотелось польской стороне, путем запрещения вывоза и ввоза отдельных категорий товаров²⁸.

Проект оставлял неприкосновенным постановление статьи XXII Рижского договора, позволяющей польской стороне односторонне регулировать транзит в советские республики через Польшу товаров германского и австрийского производства²⁹.

Тем не менее проект и его «принятие к сведению» свидетельствовали о намерениях польского правительства приступить к торговым переговорам с советскими республиками.

Несколько ранее, 22 января 1922 г., полпред РСФСР в Польше Л. Карахан встретился с направляющимся в Москву посланником Польши З. Стефаньским, в результате чего было согласовано, что польская сторона принимает предложение Советского правительства от 14 декабря 1921 г. о начале торговых переговоров, которые должны будут начаться в ближайшее время³⁰.

1 февраля 1922 г. министр иностранных дел К. Скирмунт принял полпреда УССР в Варшаве А. Я. Шумского.

²⁶ Там же, т. 17, кол 725.

²⁷ Там же.

²⁸ В § 2 проекта было сказано: «В любом случае могут применяться запрещения ввоза товаров, производство и торговля которыми является государственной монополией, а также запрещения на товары, относительно которых могут применяться санкции с санитарной и ветеринарной точек зрения, а также с точки зрения общественной безопасности» (там же).

²⁹ В проекте говорилось, что «вопрос о транзите регулируется статьей XXII мирного договора» и что «стороны оставляют за собой право применения отклонений от принципа свободного транзита в случае серьезных обстоятельств (wypadkow), связанных с жизненными интересами государства» (там же).

³⁰ Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 188, оп. 4, д. 17, л. 4.

Польского министра интересовали вопросы, связанные с перспективами развития торговли между Польшей и Советской Украиной.

Через несколько дней после этой беседы Наркомвнешторг Украины получил от польской миссии в Харькове сообщение, что Польша весьма заинтересована в сбыте фабрикатов и приобретении украинских товаров, а именно: кожсырья, шерсти, пуха, пера, пеньки, пушнины и, конечно, железной руды³¹.

В начале февраля 1922 г. политический комитет Совета министров Польши утвердил выработанные специальной комиссией предложения по реализации экономической политики Польши на Востоке. Комитетом намечались конкретные мероприятия, которые должны были последовать за подписанием польско-советского торгового договора, в числе которых были посылки в советские республики «торгово-промышленных миссий» для «исследования нынешних условий русских и украинских рынков»; организация на границе с советскими республиками товарных складов для товарообмена; устройство ежегодных осенних ярмарок во Львове начиная с 1922 г., во время которых должны проводиться съезды промышленников для обсуждения вопросов, связанных с торговлей с Востоком; выяснение возможности получения концессий на эксплуатацию лесов и сахарных заводов, расположенных в пограничной с Польшей местности; установление ширококолейного железнодорожного пути от границы до Барановичей и Ровно; выяснение объема и направлений транзита товаров из Советской страны через Польшу на Запад и обратно, для чего необходимо было войти в контакт с государствами, заинтересованными в торговле с Россией и Украиной³². Эти предложения, в которых была отражена точка зрения торгово-промышленных кругов Польши, могли бы явиться от-

³¹ «Известия», 9.II 1922. Газета писала далее, что «...общее состояние польской промышленности тяжелое, даже крупнейшие предприятия производят только 1/4 довоенной выработки из-за отсутствия сырья и низкого курса польской валюты. Крупные фабриканты делают предложения о переработке нашего сырья и готовы идти на всякие комбинации лишь бы сбыть затем товары на Украину».

³² ААН, Р—III, т. 473.

правным пунктом для развития обоюдовыгодных экономических связей с советскими республиками.

В конце февраля был определен состав делегаций для ведения торговых переговоров³³. Сообщая МИД Польши состав советской делегации, советское полпредство нотой от 24 февраля 1922 г. известило о готовности Советского правительства «приступить к переговорам в ближайшие дни».

Торговые переговоры начались 10 марта 1922 г. в Варшаве. Параллельно в Москве велся обмен мнениями между членом коллегии НКВД Я. Ганецким и польским поверенным З. Стефаньским по вопросам, связанным с торговыми переговорами. Так, 16 марта в беседе с польским поверенным в делах в Москве Стефаньским Ганецкий убеждал его в необходимости развивать оживленные торговые связи, не ожидая результатов Генуэзской конференции. По словам Стефаньского, Ганецкий сказал ему, что «другие страны, не ожидая Генуи, стали развивать торговлю с Россией (например, Франция). Польша не должна остаться позади»³⁴.

20 марта во время встречи со Стефаньским Ганецкий вновь затронул вопрос о торговых отношениях. При этом речь шла главным образом о товарообмене. В частности, Ганецкий сообщил, что советские внешне-торговые организации намерены немедленно произвести закупки в Польше крупных партий текстильных изделий, сельскохозяйственных машин, семян и т. д.³⁵

Следует отметить, что польский поверенный положительно отнесся к предложениям Ганецкого. В письме в МИД Польши он предлагал направить в Москву, причем

³³ Полпредство РСФСР в Польше сообщило польскому министерству иностранных дел 23 февраля 1922 г. состав российско-украинской делегации по заключению торгового договора с Польшей: председатель делегации — А. Я. Шумский, члены — Л. Л. Оболенский, С. Г. Горчаков и Я. Хургин (АВП СССР, ф. 188, оп. 4, д. 18, л. 90). МИД Польши 25 февраля сообщил советскому полпредству, что с польской стороны в торговых переговорах будут участвовать вице-министр Г. Страсбургер, Г. Тенненбаум, К. Касперский, Ю. Гусарский, В. Олешевич, К. Познаньский и С. Залевский. Председателем и уполномоченным для подписания торгового договора назначался Г. Страсбургер (АВП СССР, ф. 122, оп. 5, д. 3, л. 11).

³⁴ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 207.

³⁵ Там же.

не ожидая начала Генуэзской конференции, специалистов в области торговли, которые бы могли довести дело до заключения сделок на взаимную поставку товаров. Однако переговоры в Варшаве вскоре зашли в тупик из-за совершенно различного подхода делегаций к условиям, которые должны были лечь в основу торгового договора. Польская сторона настаивала на отмене или в крайнем случае ограничении государственной монополии внешней торговли, на что никак не могла согласиться советская сторона. Во время переговоров выяснилось, что польское правительство намерено было, опираясь на статью XXII Рижского договора, ограничивать транзит германских и австрийских товаров в советские республики и не намеревалось идти ни на какие уступки.

Кроме того, правительство Польши пыталось навязать Советскому правительству ряд предварительных политических обязательств, таких, как отказ от поддержки Литвы в ее территориальных спорах с Польшей, отказ от выступлений, направленных против Версальской системы, и др. Естественно, что из этой затеи ничего не вышло.

Во время Генуэзской конференции торговые переговоры фактически были прерваны, чему способствовала весьма недоброжелательная позиция польской делегации, занятая ею в отношении Рапалльского соглашения, а также общий курс на поддержку западных держав, особенно Франции, в их непримиримости по отношению к Советской стране.

Пилсудчики стремились использовать торговые переговоры с советскими республиками для осуществления своих попыток вбить клин между РСФСР и УССР, побуждая последнюю к сепаратным действиям. Не без влияния этих кругов МИД была подготовлена памятная записка для польской миссии в Харькове. Записка датирована 7 марта 1922 г. В ней предлагалось выяснить, проявляет ли правительство Украинской ССР стремление к занятию самостоятельной позиции при рассмотрении вопросов, связанных с Генуэзской конференцией. Если такое стремление замечается, то, по мнению МИД, «...разжигание определенных сепаратистских домогательств было бы, пожалуй, желательно»³⁶.

³⁶ AAN, Ambasada RP w Moskwie, t. 54.

Польский МИД предписывал своим дипломатам в Харькове вести работу в том направлении, чтобы украинское Советское правительство вело независимую от Москвы политику и по другим вопросам внешних сношений, в частности по вопросу о взаимоотношениях с Румынией. МИД рекомендовал внушать правительству УССР мысль о заключении сепаратного мира с Румынией, обещая содействие Польши в ведении мирных переговоров³⁷.

Естественно, что правительство Украинской ССР отвергло эти предложения. Польскому поверенному в Харькове Л. Беренсону в тактичной форме было заявлено, что между Украиной и Россией существует полная общность интересов и вмешательство польской стороны в данном случае нежелательно.

2

Варшавская конференция прибалтийских государств

Перед Генуэзской конференцией Польша сделала новую попытку сколотить антисоветский блок прибалтийских государств под своей эгидой. Первая попытка, закончившаяся неудачей, относилась к началу 1920 г., когда польская дипломатия стремилась вовлечь прибалтийские страны в подготавливаемую ею антисоветскую войну. Однако Эстония уже вела мирные переговоры с Советской Россией, а Латвия и Финляндия собирались приступить к ним. Что же касается Литвы, то она находилась в конфликте с Польшей из-за территории и ни о каком блоке с Польшей не помышляла. Созванная в январе 1920 г. в Хельсинки по инициативе Польши и при поддержке Франции, стремившейся создать между Советской страной и Западной Европой «санитарный кордон», конференция прибалтийских государств закончилась безрезультатно. Теперь, два года спустя, когда мировой капитализм готовился предпринять экономическое наступление на Советскую страну, правящим кругам Польши казалось, что настал подходящий момент для осуществления их замысла.

³⁷ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 34.

После консультации с правительством Франции польское правительство пригласило в Варшаву министров иностранных дел Эстонии, Финляндии и Латвии для обмена мнениями и выработки общей позиции по отношению к Советской России перед Генуэзской конференцией. О том, что это мероприятие направлялось из Парижа, свидетельствует констатация польского МИД в инструкции своим дипломатам за границей, что «Польша оказалась как бы на пересечении линии, связывающей группировку Малой Антанты и прибалтийских государств»³⁸.

Для широкой общественности цели конференции излагались по-иному. Скирмунт старался уверить, что приглашение в Варшаву министров иностранных дел прибалтийских государств имеет целью лишь «выработку общей программы действий» и «ни в коем случае не направлено против России»³⁹.

Однако печать прибалтийских стран не скрывала истинных целей конференции. Касаясь вопроса о создании Балтийского союза, газеты буржуазных группировок силились обосновать эту меру мнимой угрозой нападения со стороны Советской России. Особенно много об этом писала печать Финляндии, правящие круги которой, развязав военную авантюру в Карелии и боясь справедливого возмездия, видели в лице Польши союзника, имеющего крупные вооруженные силы и склонного к антисоветским авантюрам.

«Прогрессивная партия» Финляндии, имевшая преобладающее влияние в правительстве, добилась одобрения кабинетом идеи военного союза с Польшей. Ее поддержало большинство правительственных и буржуазных газет⁴⁰, нагнетавших шовинистический угар и вдохновлявших белофинскую авантюру на территории Карелии.

«Финляндия делает очень неосторожный шаг, связывая себя военным союзом с Польшей,— писала газета «Известия».— Внутреннее положение Польши крайне неустойчиво, свидетельством чего является нынешний министерский кризис. Опасности и осложнения угрожа-

³⁸ AAN, Ambasada RP w Moskwie, t. 54.

³⁹ «Kurier Warszawski», 19.II 1922.

⁴⁰ «Известия», 9.II 1922.

ют Польше со всех сторон. При агрессивном духе, пропитывающем всю польскую политику, Польша легко может втянуться в вооруженную борьбу с соседними странами, в том числе с Россией. И так как часто очень трудно решить, является ли данная война оборонительной или наступательной, Финляндии придется платить кровью и деньгами по польским счетам»⁴¹.

В Польше самыми активными поборниками идеи Балтийского союза были правые лидеры ППС. Правое руководство этой партии не скрывало при этом своей солидарности с буржуазными группировками от народных демократов до пилсудчиков, которые пропагандировали пресловутую теорию «двух врагов». За день до открытия Варшавской конференции прибалтийских государств орган ЦИК ППС газета «Роботник» требовала создания «единого фронта государств, отпавших от Российской империи», которым якобы грозит опасность «экономического закабаления» со стороны Советской России и Германии⁴².

В прибалтийских странах идея военного блока встретила резкое сопротивление широких слоев населения. Так, финская социал-демократическая газета «Суомен социал-демократи» писала: «Такой военный союз окажется, с одной стороны, выражением враждебности и... провокации против России, с другой стороны, свяжет судьбу нашей республики с военно-империалистическими авантюрами Польши. Такой союз, несомненно, будет великим несчастьем для страны и народа»⁴³.

С целью успокоения общественности премьер-министр Финляндии Веннола вынужден был выступить в парламенте с миролюбивыми заверениями.

⁴¹ «Известия», 10.III 1922. С разоблачениями истинной цели финско-польского союза, направленного против советских республик, выступил один из активных сторонников установления добрососедских отношений между Финляндией и РСФСР финский генерал Вильгельм Теслер, заявивший в печати, что «никакая военная опасность со стороны России нам не угрожает ни сейчас, ни в близком будущем...». Отметив, что Финляндия не имеет «интересов, враждебных России», Теслер добавил: «Союз с Польшей сразу изменит это положение...» (цит. по: «Международная жизнь», 1922, № 3).

⁴² «Robotnik», 20.I 1922.

⁴³ Цит. по: «Международная жизнь», 1922, № 1, стр. 41.

Что касается других прибалтийских стран, то там тоже брала верх заинтересованность в выработке совместно с Советской Россией единой позиции, особенно в предвидении обсуждения в Генуе вопроса о царских долгах.

Советская печать выступала в защиту прибалтийских государств, на которые державы Антанты пытались возложить тяжелое бремя долгов, игнорируя тем самым мирные договоры, заключенные ими с Советской Россией. Газета «Известия» напоминала, что «при заключении мира с Эстонией, Латвией и Польшей Россия приняла на себя ответственность за обязательства прежнего российского правительства. Поэтому в интересах новообразованных государств — признание России союзниками на Генуэзской конференции»⁴⁴.

Решительно выступали против создания Балтийского союза трудящиеся массы прибалтийских стран. Компартии Эстонии, Латвии, Литвы призвали пролетариат бороться против сколачивания антисоветского блока. Даже социал-демократические лидеры под влиянием партийных низов не решились открыто поддержать милитаристские антисоветские планы. На конференции представителей социал-демократических партий Эстонии, Финляндии, Латвии и Литвы, состоявшейся в октябре 1921 г. в Риге, большинством (за исключением представителя социал-демократической партии Эстонии Аста) была принята резолюция о международном положении, в которой отмечалось, что социал-демократы выступают против создания военного блока, направленного против Советской России⁴⁵.

Сходную позицию заняло и эстонское правительство. На заседании кабинета, созванном в связи с Генуэзской конференцией, премьер-министр К. Пяте подчеркнул, что в Генуе нужно твердо противостоять стремлениям к военной интервенции против Советской России, так как она может нанести Эстонии большой ущерб. Правительство проинструктировало свою делегацию в Генуе, чтобы она содействовала укреплению мира в Восточной Евро-

⁴⁴ «Известия», 5.VII 1922.

⁴⁵ Х. Арумян. За кулисами Балтийского союза. Таллин, 1966, стр. 132.

пе: Эстония должна стать посредником в транзите и торговле Запада с Востоком ⁴⁶.

Однако правительство Эстонии вслед за правительствами Финляндии и Латвии дало свое согласие на участие в Варшавской конференции ⁴⁷. Несмотря на протесты общественности прибалтийских государств, представители Эстонии, Финляндии и Латвии прибыли в Варшаву, где 13 марта 1922 г. конференция начала работу. Делегации возглавили министры иностранных дел: Эстонии — А. Пийп, Латвии — З. Мееровиц, Финляндии — Р. Холсти, Польши — К. Скирмунт ⁴⁸.

17 марта участниками Варшавской конференции было подписано соглашение сроком на пять лет. Правительства стран — участниц конференции — взаимно подтвердили мирные договоры, заключенные с Советским правительством ⁴⁹.

Договаривающиеся стороны обязывались не заключать никаких соглашений, прямо или косвенно направленных против каждого из четырех государств, сообщать тексты договоров, заключенных между ними и третьими государствами, а также незамедлительно начать переговоры между собой о торгово-экономических соглашениях. На конференции было постановлено все конфликты и споры между четырьмя государствами разрешать только мирным путем.

Центральное место в соглашении занимала седьмая статья, гласившая: «Государства, представленные на Варшавской конференции, заявляют, что если одно из

⁴⁶ Там же, стр. 133.

⁴⁷ Правительство Литвы отказалось участвовать в конференции из-за напряженных отношений между Литвой и Польшей в связи с захватом Польшей Вильно.

⁴⁸ В работе конференции, кроме того, участвовали министр финансов Латвии Кальниш и начальник генерального штаба полковник Гартман, шеф кабинета МИД Ладзиньш, шеф Восточного отдела МИД Балодис, бывший председатель Совета министров Эстонии Леман, начальник генерального штаба Польши В. Сикорский и др.

⁴⁹ Суть этого взаимного подтверждения состояла в совместном нажиме Польши и прибалтийских государств на Советское правительство с целью вынудить к одностороннему выполнению им своих обязательств по мирному договору. Как раз накануне Варшавской конференции газета «Роботник» писала: «Польша и прибалтийские государства должны солидарно потребовать от Советского правительства выполнения своих обязательств по заключенным с ними договорам» («Robotnik», 12.III 1922).

них подвергнется неспровоцированному нападению, они будут сохранять благожелательную позицию по отношению к государству, подвергнувшемуся нападению, и немедленно заключат соглашение о мерах, какие необходимо будет предпринять»⁵⁰.

Участники конференции приняли не подлежащее публикации решение о том, что правительства государств — участников конференции — дадут единую инструкцию своим дипломатическим представителям в Москве. Инструкция должна содержать предписание поддерживать взаимный контакт со своими коллегами, представлявшими три другие страны — участницы Варшавской конференции, по всем вопросам, относящимся к выполнению договоров и соглашений, заключенных между Польшей, Латвией, Эстонией и Финляндией, с одной стороны, и Россией — с другой. Представители четырех государств в Москве обязаны предпринимать только согласованные между собой шаги, а в случае необходимости — совместные демарши⁵¹.

Таким образом, Варшавская конференция была значительным шагом вперед на пути реализации замысла империалистических кругов Запада относительно создания антисоветского блока соседних с Советской страной государств, во главе которого находился их верный союзник — буржуазная Польша. Правящие круги Польши получили возможность оказывать большее влияние на внешнюю политику прибалтийских государств.

Варшавское соглашение не встретило сочувствия широкой общественности ни в Польше, ни в прибалтийских странах.

О том, насколько непопулярным был антисоветский курс в прибалтийских странах, свидетельствовали результаты голосования во время ратификации Варшавского соглашения парламентами Латвии и Эстонии. В Латвии, например, оно было утверждено незначительным большинством голосов; в Эстонии из 55 депутатов, участвовавших в голосовании, за утверждение голосовали 40,

⁵⁰ Полный текст Варшавского соглашения см. в кн.: *K. Kumaniecki. Odbudowa państwowości Polskiej.* Warszawa — Kraków, 1924, str. 603—604.

⁵¹ ААН, Ambasada RP w Moskwie, t. 2. В соответствии с этим решением МИД Польши уже 21 марта 1922 г. направил соответствующую инструкцию своей дипломатической миссии в Москве.

против голосовали 10, 5 воздержались⁵². Можно было ожидать, что в Финляндии, правящие круги которой развязали антисоветскую авантюру в Карелии и нуждались в поддержке, Варшавское соглашение встретит полное одобрение. На деле получилось по-иному. В сейме высказывались резкие возражения против его утверждения как со стороны правых, так и левых группировок. Правые партии выражали недовольство тем, что Варшавское соглашение, подписанное без предварительного согласования его текста даже в Комиссии по иностранным делам, связывало Финляндию обязательством, важным для Польши, но не дающим никаких выгод Финляндии⁵³. Неконкретность текста статьи VII вызвала настороженность прогерманских кругов. Они (впрочем, не без некоторых оснований) подозревали, что эта статья могла быть направлена не только против Советской России, но и против Германии, за сотрудничество с которой активнее выступали правые партии финского сейма⁵⁴. Против утверждения были также социал-демократические лидеры, не желавшие конфликта с массами рядовых членов партии, которые выступали за миролюбивую политику в отношении Советской страны. В результате вопрос об утверждении Варшавского соглашения был снят с обсуждения в сейме. Это означало недоверие правительству Веннолы, и оно ушло в отставку. Новое правительство заявило, что хотя в настоящее время Финляндия не может утвердить Варшавское соглашение, однако, «исходя из таких фактов, как географическое положение государств Прибалтики, их политические и военные интересы, Финляндия и впредь будет сотрудничать с указанными государствами»⁵⁵.

⁵² Х. Арумяэ. Указ соч., стр. 156.

⁵³ «Известия», 28.III 1922.

⁵⁴ Уже во время Генуэзской конференции (29 апреля 1922 г.) участники Варшавской конференции подписали секретную декларацию, в которой отмечалось, что «представители государств, подписавших Варшавское соглашение, заявляют, что в приведенных в статье VII словах о «неспровоцированном нападении» имелось в виду нападение со стороны России» (ДВП СССР, т. VIII. М., 1964, стр. 765).

⁵⁵ См.: Х. Арумяэ. Указ соч., стр. 156. Однако и новому правительству, стоявшему за создание Балтийского союза, не удалось протащить в сейме решение о ратификации Варшавского соглашения. Вновь вопрос был поставлен в сейме 22 августа, после выбо-

Сторонники и инициаторы Балтийского союза ликовали по поводу достигнутого и строили дальнейшие планы расширения антисоветского блока. Орган ППС «Роботник» писал в эти дни: «Варшавская конференция воплотила в жизнь наши желания. Приходится лишь выразить сожаление, что только теперь удалось создать прибалтийскую Антанту»⁵⁶.

Так благовидными формулировками прикрывался сговор, явно направленный на изоляцию Советской страны от соседей на западе и севере и противоречащий коренным интересам народов прибалтийских стран, у которых существовали традиционные экономические связи с Россией. Да и сама Советская Россия являлась балтийской державой. Все это требовало, чтобы вопросы, представлявшие общий интерес, решались сообща с ней.

Именно такого подхода к вопросу о подготовке к Генуэзской конференции добивалась советская общественность. «Каковы бы ни были решения конференции, — писал журнал «Международная жизнь» о варшавской встрече представителей Польши и прибалтийских государств, — практически они лишены всякого значения, ибо без участия России, главного действующего лица, они неосуществимы»⁵⁷.

Кстати, это увидели и сами участники Варшавской конференции, особенно когда разгорелась дискуссия по текстам проектов постановлений. Тогда, по предложению представителей Латвии и Эстонии, участники конференции решили направить Советскому правительству приглашение принять участие в обсуждении вопросов, связанных с предстоящей Генуэзской конференцией⁵⁸.

Но приглашение уже не могло быть реализовано, так как было передано лишь вечером 15 марта, когда конференция подходила к концу⁵⁹.

ров его нового состава, и вновь предложение о ратификации было отвергнуто 140 голосами против 60 (там же).

⁵⁶ «Robotnik», 18.III 1922.

⁵⁷ «Международная жизнь», 1922, № 4, стр. 38. «Интересы этих стран толкали их руководителей в Москву, а последние по своей близорукости очутились в Варшаве», — иронизировал журнал (там же).

⁵⁸ Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych (далее — CAMSW), sygn. 615/7, к. 349.

⁵⁹ 15 марта вечером полпред Оболенский передал в Москву телефонограмму: «Сейчас министерство иностранных дел передало нам

Видимо, чтобы как-нибудь оправдаться перед общественностью, выразившей недоумение по поводу неприглашения представителей советских республик на конференцию, Скимунт на заседании сеймовой комиссии по иностранным делам так изобразил это: «Варшавская конференция... в доказательство своей мирной политики в отношении Советской России пригласила Оболенского на свое последнее заседание, чтобы сообщить ему о принятых решениях. Оболенский вначале обещал прийти, однако на завтра заявил, что не придет, так как Россия не принимала участия в конференции»⁶⁰. Впоследствии польская буржуазная историография в искаженном свете представила позицию Советского правительства. Так, В. Побуг-Малиновский утверждал, что якобы Советское правительство отказалось от участия в Варшавской конференции⁶¹. Факты, однако, полностью опровергают это утверждение.

3

Балтийская конференция с участием Советской России. Рижский протокол

16 марта 1922 г. Наркоминдел предложил участникам Варшавской конференции прибалтийских государств созвать 22 марта в Москве конференцию с участием Советской России, чтобы обсудить общие для РСФСР и этих государств вопросы в связи с Генуэзской конференцией.

с Шумским приглашение представителей балтийских государств, приехавших на конференцию, встретиться с ними в четверг в 17 часов. Представители имеют сделать нам заявление по поводу работ конференции и хотят переговорить по некоторым вопросам. Прошу срочно сообщить по сему поводу, что считаете необходимым». Наркоминдел признал нецелесообразным выслушивать сообщение представителей Польши и прибалтийских государств после того, как за спиной Советского правительства уже состоялся сговор, направленный против РСФСР. В ответной телеграмме Чичерина Оболенскому говорилось, что, поскольку «они принимают решения без нас, мы делаем выводы, но не считаем допустимым выслушивать их и тем самым санкционировать этот враждебный нам шаг».

⁶⁰ «Robotnik», 25.III 1922.

⁶¹ *Wł. Pobóg-Malinowski. Najnowsza historia polityczna Polski, t. II, cz. 1. Londyn, 1956, str. 404.*

Предложение было передано членом коллегии НКВД Я. Ганецким польскому поверенному в делах З. Стефаньскому с одновременным уведомлением советского полпреда в Варшаве, который 17 марта направил в МИД Польши соответствующую ноту⁶².

Советская нота попала на стол к польскому министру иностранных дел только 18 марта, т. е. когда Варшавская конференция уже была закончена, соглашение подписано и участники ее разъезжались в свои страны.

Путем дальнейшей переписки с правительствами Польши и прибалтийских государств было условлено провести конференцию не в Москве, а в Риге, используя то благоприятное обстоятельство, что эстонская, финляндская и советская делегации должны были ехать на Генуэзскую конференцию через Ригу. 29 марта советская делегация во главе с Г. В. Чичериным прибыла в Ригу, и в тот же день конференция начала работу.

От РСФСР в конференции приняли участие Г. В. Чичерин и М. М. Литвинов, от Латвии — премьер-министр и министр иностранных дел З. Мееровиц, от Эстонии — министр иностранных дел Пийп, Польшу представлял посланник в Риге В. Иодко-Наркевич. Правительство Литвы отказалось участвовать в конференции в связи с конфликтом с Польшей. Представители Финляндии присутствовали на ней в качестве наблюдателей.

После обмена приветственными речами, с которыми выступили Мееровиц и Чичерин, конференция приняла следующий порядок дня: 1) восстановление экономической жизни в Восточной Европе; 2) восстановление торговых сношений между представленными государствами и 3) упрочение мира в Восточной Европе. Затем на конференции выступил глава советской делегации Чичерин. Он призвал совместно бороться против попыток «возложить плату за войну на экономически слабые государства».

Руководитель советской делегации предложил проект резолюции, направленной на укрепление добрососедских отношений между советскими республиками и прибалтийскими государствами.

Выступление Чичерина находилось в центре внимания конференции. Речи других ее участников фактически

⁶² АВП СССР, ф. 122, оп. 5, д. 4, л. 12.

Не содержали конструктивных предложений. Польский представитель заявил, что он имеет ограниченные полномочия и не будет участвовать в голосовании проектов резолюции. Делегат Эстонии Пийп на первом заседании вообще не присутствовал.

На третьем, последнем, заседании был подписан заключительный протокол. Участники конференции — представители РСФСР, Польши, Латвии и Эстонии — признали желательным согласование действий делегаций этих стран на международной конференции в Генуе по всем трем вопросам, обсуждавшимся на конференции в Риге, а также подтвердили желательность взаимной гарантии мирных договоров, заключенных Латвией, Эстонией и Польшей с Советским государством. Было выражено также общее мнение о том, что «юридическое признание Советского правительства отвечало бы делу экономического восстановления Восточной Европы»⁶³. Конференция признала необходимым улучшить железнодорожное сообщение между представленными на ней странами и установить прямое сообщение для товаров, направляемых в эти страны. Участники конференции подтвердили «свои искренние пожелания всеобщего мира» и решимость разрешать спорные вопросы мирным путем.

Было признано целесообразным, чтобы границы государств охранялись исключительно регулярными войсками или правительственной пограничной охраной. В этих целях было решено установить границы зон, где вооруженные силы будут допускаться «в ограниченном и равном для обоих соседних государств количестве».

Участники конференции признали, что «группировки враждебных сил вблизи от их границ представляют опасность для мира» и что «каждое правительство несет ответственность за образование на его территории вооруженных банд, равно как за переход этих банд на территорию соседнего государства»⁶⁴.

Таким образом, советской дипломатии удалось притупить антисоветское острие решений Варшавской конференции и «нанести первый удар по планам организаторов единого фронта капиталистических государств в

⁶³ ДВП СССР, т. V. М., 1961, стр. 174.

⁶⁴ Там же, стр. 175.

Генуе»⁶⁵. Однако польское правительство, чтобы умягчить результаты конференции, постаралось дезавуировать своего представителя. Министр иностранных дел Скирмунт, находившийся в момент работы Рижской конференции в Париже, высказался о ней как о «частных разговорах», в которых польский представитель Иодко «не имел даже полномочий подписывать соглашение»⁶⁶. Затем и сам Иодко в связи с появившимися в печати сообщениями о подписании Рижского протокола сделал заявление для печати, в котором сказал, что «в Риге не было формальной конференции, решения которой были бы обязательными для участвовавших в ней государств», и что конференция носила лишь «информационный характер»⁶⁷.

4

Советско-польские отношения во время Генуэзской конференции. Договор в Рапалло и Польша

Советское правительство тем временем тщательно готовилось к Генуэзской конференции. Одним из важных моментов этой подготовки явилось создание единого дипломатического представительства советских республик.

22 февраля 1922 г. между правительствами советских республик — Азербайджана, Армении, Белоруссии, Бухары, Грузии, Украины, Хорезма и Дальневосточной республики — было подписано соглашение. Эти республики поручали РСФСР защищать в Генуе их интересы и заключать, подписывать от их имени договоры и соглашения, выработанные на Генуэзской конференции⁶⁸. Это соглашение, которым закреплялось дипломатическое объединение советских республик, лишало буржуазные «правительства» Азербайджана, Армении, Грузии и Украины, изгнанные народами и пребывавшие в эмиграции, возможности использовать трибуну Генуэзской кон-

⁶⁵ См.: «История дипломатии», т. III, стр. 270.

⁶⁶ Цит. по: «Правда», 22.IV 1922.

⁶⁷ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 213.

⁶⁸ ДВП СССР, т. V, стр. 110—111.

ференции в своих антинародных целях. Соглашение вырывало из рук западных держав возможность шантажа и политических спекуляций вокруг этого вопроса. А такие попытки находили поддержку и в Польше. Сеймовая фракция ППС 23 марта внесла экстренное предложение в сейме, чтобы правительство Польши добивалось приглашения на Генуэзскую конференцию представителей меньшевистского правительства Грузии⁶⁹. К поддержке такого требования склонялись и некоторые члены польского правительства, в частности министр иностранных дел К. Скирмунт⁷⁰.

Советская делегация направлялась в Геную с развернутой программой установления прочного мира и развития экономических связей между Советской страной и капиталистическими государствами.

Предстоящей международной конференции Ленин уделил много внимания в своем докладе на XI съезде партии.

«Мы выработали в ЦК,— говорил Ленин,— достаточно детальные директивы нашим дипломатам в Геную. Директивы эти мы выработывали очень длительно, несколько раз обсуждали и переобсуждали заново»⁷¹.

Реакционные круги буржуазии пытались сорвать конференцию, распространяя измышления, якобы советская делегация намерена использовать трибуну конференции для коммунистической пропаганды. Ленин разоблачил эти измышления, подчеркнув, что главной задачей Советского правительства является установление торговых связей с капиталистическими странами на основе признания Советской власти⁷². «Мы идем в Геную с практической целью — расширить торговлю и создать условия, при которых бы она наиболее широко и успешно развивалась», — говорил Ленин в своем докладе на XI съезде партии⁷³.

В беседе с корреспондентом американской газеты «Нью-Йорк геральд» В. И. Ленин, напомнив, что «Рос-

⁶⁹ «Sejm RP. Druki», 1922, N 3401—3600. Интерпелляцию подписали лидеры ППС—депутаты сейма И. Дашиньский, М. Недзялковский, Т. Арцишевский, К. Пужак и др.

⁷⁰ S. Mikulicz. Указ. соч., стр. 160.

⁷¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 69—70.

⁷² «История КПСС», т. 4, кн. 1. М., 1970, стр. 252.

⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 70.

сия нуждается в торговле с буржуазными государствами» и что, с другой стороны, «европейская экономическая жизнь не может быть урегулирована без России», в то же время заявил: «Однако глубоко ошибаются те, которые собираются предложить русской делегации в Генуе унижительные условия»⁷⁴.

Эта же мысль была выражена Лениным в письме Чичерину о директивах ЦК РКП(б) для советской делегации на Генуэзской конференции 7 февраля 1922 г. Ленин подчеркивал, что «... ни на что невыгодное для нас не пойдем. Ультиматумам не подчинимся. Если желаете только «торговать», — давайте, но ката в мешке мы не купим и, не подсчитав «претензий» *до последней копейки*, на сделку не пойдем»⁷⁵.

Наряду с чисто экономическими советской делегации в Генуе поручалось выдвинуть важные политические вопросы, такие, как созыв Всемирного конгресса с участием представителей всех народов на основе полного равенства и права на самоопределение. Советской делегации в Генуе поручалось отстаивать принцип невмешательства международных конференций во внутренние дела отдельных государств, осуществление всеобщего разоружения, вопрос об оказании помощи отсталым и разоренным войной странам и т. д.

Генуэзская конференция могла бы послужить весьма удобным местом для формирования и упрочения политических и экономических контактов с Польшей. Этому способствовало то, что у обоих государств имелись общие интересы, которые надлежало отстаивать в Генуе перед группировкой ведущих капиталистических государств Западной Европы, выступавших единым фронтом.

Начало контактов с правительствами Польши и прибалтийских государств в этом плане было положено на Рижской конференции, о которой упоминалось выше. Однако Польша продолжала прилагать усилия к тому, чтобы завоевать доверие западных держав, придерживаясь их ориентировки в вопросе об «экономическом восстановлении России».

⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 160.

⁷⁵ Там же, стр. 386.

Эта линия нашла выражение в заявлениях политических деятелей Польши, которые накануне и во время работы Генуэзской конференции продолжали носить недружественный по отношению к Советскому государству характер.

Выступая в сейме 21 марта 1922 г., премьер-министр Польши А. Пониковский всячески старался подчеркнуть значение только что закончившейся Варшавской конференции и важность заключенного на ней соглашения. В то же время он совершенно умолчал о сделанном как раз в эти дни предложении Советского правительства относительно проведения совещания представителей Польши, прибалтийских государств и Советской России с целью выработки общей позиции перед Генуэзской конференцией.

Не имея возможности полностью обойти молчанием важнейший вопрос для Генуэзской конференции, А. Пониковский заметил, что Польша «в силу своего географического положения» должна будет принять участие, «в меру своих средств», в деле хозяйственного восстановления России. Однако глава польского правительства, в тоне высказываний руководителей западных держав, заявил, что при этом Польша «должна добиваться от России и Украины выполнения принятых ими на себя обязательств и прекращения пропаганды вовне»⁷⁶.

Польское правительство направило на Генуэзскую конференцию делегацию из 32 человек, в состав которой вошли, кроме К. Скирмунта (глава делегации), влиятельные польские политики и эксперты.

Хотя польскую делегацию и возглавлял представитель эндеков, на ее деятельности в сильнейшей степени отразилось влияние пилсудчиковского лагеря.

Касаясь подготовки к Генуэзской конференции, Скирмунт сообщил в своей речи в сейме, что «польская делегация приняла в качестве исходного пункта союз с Францией и соглашения, заключенные в Бухаресте и в Белграде, а также союз с прибалтийскими государствами»⁷⁷.

По прибытии в Геную, накануне открытия конференции, польская делегация поспешила встретиться с деле-

⁷⁶ «Sejm Ustawodawczy...», 209 pos., 21.III 1923, łam. 17—18.

⁷⁷ Там же, кол. 14.

гациями Румынии, Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев и провести с ними ряд совещаний с целью выработки «общей линии поведения»⁷⁸.

Представители государств Малой Антанты, предводительствуемые министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем и при участии руководителя польской делегации, приняли решение активно выступать на Генуэзской конференции против полного признания Советского правительства де-юре, пока оно не представит соответствующие гарантии относительно выполнения требований западных держав⁷⁹.

Этим самым польское правительство лишний раз выявило свою политическую зависимость от западных держав и свою готовность безропотно выполнять их волю на Генуэзской конференции. Впрочем, руководитель польской делегации не только не скрывал, но и всюду старался подчеркнуть это. В интервью корреспонденту итальянской газеты «Джорнале д'Италия» К. Скирмунт откровенно заявил, касаясь политики Польши в Генуе: «Мы являемся союзником Франции, и это является основой нашей политики»⁸⁰.

Защита советской делегацией интересов советских республик на Генуэзской конференции не только не была во вред Польше, но объективно способствовала укреплению ее позиций перед империалистическими державами Запада. Изложенные главой делегации Г. В. Чичериным на первом же пленарном заседании принципы внешней политики Советского государства — принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем, осуществление всеми государствами сокращения вооружений — отвечали чаяниям польского народа в равной степени, как и трудящимся Советской страны⁸¹. Непризнание же Советским правительством царских долгов освобождало и Польшу от уплаты части этих долгов.

Польша была заинтересована в признании великими державами ее восточных границ, установленных Риж-

⁷⁸ «Sejm Ustawodawczy..», 315 pos., 31.V 1922, там. 15.

⁷⁹ «Международная жизнь», 1922, № 6, стр. 55.

⁸⁰ Цит. по: «Robotnik», 19.IV 1922.

⁸¹ См.: «Материалы Генуэзской конференции. Полный стенографический отчет». М., 1922, стр. 83.

ским мирным договором, не говоря уже о том, что само советско-польское сближение гарантировало бы безопасность Польши на ее более чем 1000-километровой восточной границе.

Все это создавало прекрасную возможность для тесного сотрудничества польской делегации с делегацией Советской страны.

Однако польская делегация пошла по иному пути. Даже по такому вопросу, как разоружение, польская делегация, следуя указаниям из Варшавы, что «... делегаты польского правительства на конференции в Генуе должны противодействовать внесению в повестку дня конференции вопроса о разоружении...»⁸², поддержала делегата Франции Ж. Барту, заявившего «энергичный протест» против предложений советской делегации осуществить всеобщее сокращение вооружений⁸³.

Особенно враждебную антисоветскую позицию заняла польская делегация в вопросе о советско-германском соглашении в Рапалло.

Ленин советовал членам советской делегации во время переговоров в Генуе ориентироваться на реалистически мыслящих и пацифистски настроенных представителей буржуазного мира. «Одна из главных, если не главная наша политическая задача в Генуе,—говорилось в написанном Лениным проекте постановления ЦК партии о задачах советской делегации,—выделить это крыло буржуазного лагеря изо всего их лагеря, ...объявить допустимым, с нашей точки зрения, и желательным соглашением с ним не только торговое, но и политическое»⁸⁴. В частности, Ленин предлагал установить контакт с представителями Германии, используя противоречия между нею и странами-победительницами в первой мировой войне.

Потеря Германией колоний, необходимость выплаты крупных репарационных сумм державам-победительницам подрывали как экономические, так и политические ее позиции и углубляли противоречия между нею и государствами Антанты. Советская дипломатия, направляемая Лениным, использовала эти противоречия. «Не

⁸² S. Mikulicz. Указ. соч., стр. 170.

⁸³ «Материалы Генуэзской конференции...», стр. 90.

⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 407.

открыть ли *тогда* только личные (без всякой бумажки) переговоры в Берлине и Москве с немцами о *контакте* нашем и ихнем в Генуе?» — писал Ленин в Политбюро ЦК РКП(б) 16 января 1922 г.⁸⁵

В январе-феврале 1922 г. происходили неофициальные советско-германские переговоры о возобновлении дипломатических отношений и по целому ряду вопросов, касавшихся оживления советско-германской торговли⁸⁶.

Переговоры на первых порах не привели к подписанию согласованного документа. Они были возобновлены 1 апреля, когда советская делегация, направлявшаяся в Геную во главе с Чичериным, прибыла в Берлин. И на этот раз договор не был подписан, однако стороны условились, что обе делегации в Генуе «будут во взаимном контакте, будут друг друга информировать и поддерживать»⁸⁷.

16 апреля в пригороде Генуи, местечке Рапалло, советская делегация подписала договор с делегацией Германии. Договором предусматривалось немедленное возобновление дипломатических отношений между РСФСР и Германией, стороны взаимно отказывались от возмещения военных расходов и убытков, причиненных войной. Германия обязывалась не участвовать без согласия Советского правительства в сделках международного консорциума относительно РСФСР (имелось в виду предъявление претензий на возмещение за национализированное имущество). Советское правительство, со своей стороны, давало обязательство не удовлетворять претензий третьих стран по этому вопросу. Договором предусматривалось развитие экономических отношений, основанное на принципе наибольшего благоприятствования⁸⁸.

Правительство Германии, опасаясь возможности достижения Советской Россией соглашения с западными державами, пошло на подписание договора.

Рапалльский договор был крупным успехом советской дипломатии. Вслед за первым ударом по антисо-

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 117.

⁸⁶ «Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования. Материалы научной сессии, посвященной 40-летию Рапалльского договора». М., 1963, стр. 175—180.

⁸⁷ ДВП СССР, т. V, стр. 205.

⁸⁸ Там же, стр. 223—224.

ветским планам организаторов Генуэзской конференции, нанесенным подписанием Рижского протокола от 30 марта 1922 г., последовал еще более ощутимый удар в Рапалло, означавший полный крах надежд Антанты на изолирование Советской страны.

Договор в Рапалло явился живым примером того, как надо находить выход из того состояния хаоса, которое было порождено мировой войной. Он служил делу умиротворения в Европе и ни в чем не ущемлял экономических и политических интересов третьих стран. Договор в Рапалло не противоречил ни в чем ни Рижскому договору с Польшей, ни Рижскому протоколу — наоборот, явился логическим развитием этих документов.

Однако польская делегация приняла самое активное участие в антисоветской кампании, предпринятой державами Антанты после 16 апреля. Глава польской делегации дважды выступал на совещании представителей этих держав, созванном после того, как весть о Рапалло распространилась среди делегатов конференции. Скирмунт заявил, что в результате Рапалло Польша подверглась особенно большой опасности, и требовал от делегаций западных держав «занять по отношению к Рапалло... решительную позицию» и «солидарно выступить в разговорах с Советами»⁸⁹.

Скирмунт одним из первых поставил свою подпись под нотой, направленной 23 апреля делегациями десяти стран рейхсканцлеру Германии Вирту. В ноте германская делегация обвинялась в нарушении условий Каннской резолюции, «которые Германия обязалась соблюдать»⁹⁰, в попытке «свалить на державы ответственность за поведение, столь противное духу сотрудничества». Делегации десяти стран заявили, что они оставляют за собой право «считать недействительными и несостоявшимися те постановления русско-германского договора, которые будут признаны противными существующим договорам»⁹¹.

⁸⁹ «Robotnik», 20.IV 1922.

⁹⁰ «Материалы Генуэзской конференции...», стр. 307.

⁹¹ Там же, стр. 313. В ответе Германии отмечалось, что «договор в Рапалло является результатом переговоров, ведшихся до начала Генуэзской конференции, и ничуть не вмешивается в отношения третьих держав с Россией» («Материалы Генуэзской конференции...»).

Глава польской делегации настойчиво требовал, чтобы в ноте, направленной Германии, не допускалось и намека на возможность признания союзниками Рапалльского договора⁹².

24 апреля Г. В. Чичерин послал по этому поводу ноту К. Скирмунту, в которой писал, что является «по меньшей мере странным и непонятым со стороны государства, безоговорочно признавшего де-юре Российское Советское правительство и заключившего с ним договор, шаг, стремящийся отнять у него право заключать договоры с другими государствами»⁹³. В ноте указывалось, что тем самым польское правительство грубо нарушает Рижский мирный договор и в еще большей степени соглашение, подписанное в Риге 30 марта 1922 г. между Россией, Польшей, Эстонией и Латвией (Рижский протокол), которое обязывало Польшу «...не только согласовать на Генуэзской конференции свои действия с действиями России, но также и всеми силами содействовать на этой конференции юридическому признанию Российского правительства государствами, которые еще не признали его».

Своей позицией, занятой в связи с Рапалло, Польша подрывала свой авторитет в глазах Советского государства и в глазах Германии, отношения с которыми по ее же вине не могли не ухудшиться. Недалековидность польских политиков подрывала престиж Польши в глазах всех стран мира.

Что же касается надежд польского правительства на получение Польшей части репараций, причитавшихся к Германии по Версальскому трактату (статья 116), то шансы Польши на получение их были вообще ничтожными: статья 232 Версальского трактата ограничивала право на репарации тем периодом, в течение которого данное государство находилось в состоянии войны с Германией. Польское же государство возникло лишь в конце 1918 г., т. е. уже в момент капитуляции Германии. На этом основании юридический отдел Комиссии по репарациям окончательно отказал Польше в их получении⁹⁴.

⁹² «Kurier Warszawski», 27.IV 1922.

⁹³ ДВП СССР, т. V, стр. 267.

⁹⁴ См.: S. Mikulicz. Указ. соч., стр. 306.

В ответе на ноту Чичерина от 24 апреля Скирмунт отклонил все упреки в адрес польской делегации и даже обвинил Чичерина во вмешательстве Советского правительства «в отношения между Польшей и каждым иным государством»⁹⁵.

30 апреля Чичерин опять писал Скирмунту, что своим требованием аннулирования некоторых статей Рапалльского договора (речь идет о статьях, взаимно аннулировавших обязательства между Германией и Советской Россией) «Польша мешает этим путем экономическому подъему России; она желает закрыть перед Россией единственный путь, который способен вывести ее из переживаемого ею кризиса. Противодействуя, таким образом, жизненным интересам России, Польша вступает в противоречие с Рижским договором, предусматривающим дружественные отношения между Польшей и Россией»⁹⁶.

Польская буржуазная печать всех оттенков, инспирируемая правительством, развернула кампанию, направленную против Рапалльского договора.

«Речь посполита» утверждала, что острие «русско-германского союза» якобы направлено в первую очередь против Польши⁹⁷. Газета призывала в связи с Рапалло к укреплению «обороноспособности» польского государства⁹⁸.

28 апреля в польских газетах появилось сообщение из Генуи, что в политических кругах говорят в связи с Рапалло о необходимости укрепления союза между Большой и Малой Антантой⁹⁹. Для большей убедительности печать распространяла выдумки французского агентства Гавас о якобы существующем военном соглашении между Германией и Советской Россией и военных приготовлениях последней.

К заключению военного союза, направленного против Советской России, призывал краковский «Час» («Время»). Газета писала о возникшей военной угрозе со

⁹⁵ «Материалы Генуэзской конференции...», стр. 316.

⁹⁶ Там же, стр. 318—319.

⁹⁷ «Rzeczpospolita», 2.V 1922.

⁹⁸ «Rzeczpospolita», 23.VI 1922.

⁹⁹ «Kurier Warszawski», 28.IV 1922.

стороны Германии и Советской России, о якобы имевшей место концентрации советских и германских войск на границах с Польшей. «В этих условиях, — утверждала газета, — единственной гарантией от нападения со стороны России и Германии являются укрепление англо-французского союза и тесное сотрудничество Польши и Франции»¹⁰⁰.

В противоположность буржуазно-помещичьим кругам прогрессивная польская общественность поддерживала позицию Советского правительства в Генуе. Коммунистическая рабочая партия Польши солидаризировалась с борьбой РКП(б) и Советского государства по отражению натиска объединенных сил буржуазного мира. КРПП неустанно разоблачала перед трудящимися массами коварные замыслы международной буржуазии удушить Советское государство «мирным» путем. В статье, посвященной Генуэзской конференции, теоретический орган ЦК КРПП «Новы пшеглэнд» («Новое обозрение») писал: «Выварить что можно у голодающей, измученной России — вот к чему сводится в конечном итоге главный вопрос, который поставили себе организаторы конференции. Взять и ничего не дать. Вынудить платить, не помогая в экономическом восстановлении»¹⁰¹.

Представители КРПП в Исполкоме Коминтерна приняли активное участие в подготовке и проведении расширенного пленума ИККИ, который состоялся в Москве в конце февраля — начале марта 1922 г. и был создан для выработки тактики единого фронта рабочего класса перед лицом наступления буржуазии. Это мероприятие имело очень важное значение, так как сплоченному антисоветскому фронту буржуазии надо было противопоставить действия еще более сплоченного пролетариата и тем самым парировать натиск на Советскую Россию — оплот международного революционного пролетариата¹⁰².

7 февраля 1922 г. по поручению ЦК КРПП Г. Валецкий обратился в ИККИ с письмом, в котором предлагал, чтобы в случае если не удастся провести кон-

¹⁰⁰ «Czas», 29.IV 1922.

¹⁰¹ «Nowy Przegląd» (reedycja), 1922, N 1-2, str. 19.

¹⁰² Там же, стр. 62.

ференцию трех интернационалов до Генуи¹⁰³ и добиться решения о совместной акции пролетариата, то во время Генуэзской конференции организовать забастовки и демонстрации трудящихся. 20 апреля 1922 г. ЦК КРПП обратился в ЦИК ППС с предложением организовать в соответствии с решением Берлинской конференции трех интернационалов совместное празднование 1 Мая под лозунгами защиты русской революции, помощи голодающим в Советской России, установления всеми государствами экономических связей и дипломатических отношений с Советским государством.

ЦИК ППС отверг это предложение, хотя представители ППС участвовали и в Берлинской конференции, и в принятии решения трех интернационалов¹⁰⁴.

5

Контакты советской и польской делегаций в Гааге

Когда стало ясно, что Генуэзская конференция не оправдала надежд реакционных кругов держав Запада и что планы экономического закабаления Советской России проваливаются, Ллойд-Джордж, все еще надеясь спасти положение, предложил создать комиссию из представителей империалистических держав для рассмотрения неразрешенных разногласий — о долгах и кредитах — с полномочной советской комиссией¹⁰⁵. Местом работы комиссий была намечена Гаага, куда обеим делегациям надлежало прибыть 26 июня.

¹⁰³ Конференция трех интернационалов состоялась в Берлине 2—5 апреля 1922 г. Она приняла общую декларацию, призывавшую всех трудящихся к массовым демонстрациям во время Генуэзской конференции с лозунгами борьбы за 8-часовой рабочий день, в защиту русской революции, за помощь голодающим России, за возобновление политических и экономических сношений с Советской Россией, за восстановление единого пролетарского фронта во всех странах и т. д. Однако это соглашение, достигнутое под давлением широких масс трудящихся на руководство II и II 1/2 Интернационалов, этим же руководством саботировалось и фактически было сорвано (см.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 585—586).

¹⁰⁴ «Robotnik», 28.IV 1922.

¹⁰⁵ «Материалы Генуэзской конференции...», стр. 432.

Уроки Генуи ничему не научили руководителей внешней политики Польши.

Касаясь предстоящей Гаагской конференции, Скирмунт заявил в сейме, что и в Гааге «мы должны придерживаться той принципиальной линии поведения, которой мы придерживались до сих пор»¹⁰⁶.

Этой установке соответствовала и инструкция, которую дал Скирмунт делегации Польши, направлявшейся в Гаагу. В самом начале этого документа подчеркивалось, что на предстоящей конференции, как и в Генуе, польские «интересы и позиция в значительной мере совпадают с постулатами Франции»¹⁰⁷, что означало предварительную выработку единого мнения участниками переговоров относительно условий, которые будут предъявлены Советской России. В инструкции отмечалось, что все делегации, в том числе и польская, должны будут в Гааге «поступать солидарно в отношении России»¹⁰⁸.

Правда, при составлении инструкции были в некоторой мере учтены как критика польской общественностью деятельности польской делегации в Генуе, так и все более настойчивые требования торгово-промышленных кругов не обострять отношения с советской делегацией, а действовать, имея в виду и собственно польские интересы, идущие по линии экономических связей с Советской страной.

Инструкция напоминала членам польской делегации: «Мы обязаны отчетливо проявлять в Гааге известную сдержанность, к которой нас вынуждает Рижский договор, особенно в предъявлении требований Советам», ориентировала на то, чтобы, «действуя в духе примирения», польская делегация в Гааге не настаивала на предварительном отказе советской делегации от положений, выдвинутых ею в меморандуме от 11 мая¹⁰⁹, хотя это и не согласовывалось с позицией французского пра-

¹⁰⁶ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 157.

¹⁰⁷ Там же, стр. 161.

¹⁰⁸ Там же, стр. 162.

¹⁰⁹ Речь идет об ответе советской делегации на меморандум союзных держав от 2 мая 1922 г., в котором делалась попытка навязать Советской России односторонние обязательства (долги), ничего не давая взамен (кредиты) (см.: ДВП СССР, т. V, стр. 373—378).

вительства. В то же время предлагалось подчеркивать перед Францией, что взгляд Польши на советский меморандум ничуть не расходится со взглядами Франции и что польская делегация делает это лишь из тактических соображений, в надежде, что будет правильно понята Францией, к которой Польша ни на йоту не меняет своего лояльного отношения¹¹⁰.

Польская делегация отправилась в Гаагу в новом составе. Ее возглавил крупный польский экономист, вице-министр промышленности и торговли Г. Страсбургер — деятель, близко стоявший к промышленно-торговым кругам¹¹¹. Эти круги, пришедшие в большое оживление в связи с Генуэзской конференцией, оказывали влияние на Страсбургера, пытаясь добиться удовлетворения своих интересов, связанных с прежней деятельностью на русском рынке.

В интервью корреспонденту амстердамской газеты Страсбургер заявил, что «уже сам состав польской делегации, составленной из экономистов, доказывает, что Польша хочет прежде всего урегулировать экономические проблемы»¹¹².

Именно в этом следует искать причину, почему польская делегация в Гааге в некоторых вопросах не старалась пунктуально придерживаться инструкции, данной ей Скирмунтом, рассматривавшим переговоры с Россией лишь как тактический шаг, «не имеющий практического значения», и запрещавшим сепаратные переговоры с представителями Советской России¹¹³.

¹¹⁰ Польский посол в Париже М. Замойский писал в МИД Польши в связи с этим: «У меня создалось впечатление, что здешнее министерство иностранных дел понимает особое положение Польши по отношению к Советской России и ценит наше категорическое заверение в тесном сотрудничестве с французской делегацией в Гааге» («Документы и материалы...», т. IV, стр. 164).

¹¹¹ Ведущую роль в делегации играли эксперты по экономическим вопросам. В состав ее входили также: бывший поверенный в Москве Т. Филипович, начальник Восточного отдела МИД М. Ст. Коссаковский, референт МИД по русским делам А. Залевский, представитель Польши в репарационной комиссии Е. Мрозовский, советник посольства Польши в Лондоне Я. Цехановский, посланник Польши в Бельгии В. Собаньский, посланник в Гааге Веруш-Ковальский («Известия», 13.VI 1922).

¹¹² «Robotnik», 19.VI 1922.

¹¹³ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 164.

Уже 5 июля глава делегации сообщал в Варшаву, что установил непосредственный контакт с советской делегацией¹¹⁴. О благожелательном отношении польской делегации к инициативе, проявленной советской стороной, говорит и то, что Страсбургер принял приглашение последней встретиться отдельно за обедом в гостинице «Оранж»¹¹⁵, где в непринужденной обстановке, без посторонних влияний, можно было бы вести переговоры.

В этом же письме Страсбургер сообщил о факте, встревожившем польскую делегацию: представители различных торговых фирм, прибывшие в Гаагу в связи с конференцией, начали вступать в контакты с советской делегацией. Ему стало известно, в частности, что с ее членами встречается и ведет деловые переговоры представитель «Роттердамыше Банкферейн» Крелер и что представитель итальянского «Коммерческого банка» Вентури уже успел съездить в Одессу и возвратиться в Гаагу, чтобы продолжить переговоры с советской делегацией.

Страсбургер настаивал на том, чтобы и деловые круги Польши, не теряя времени, использовали пребывание в Гааге советских представителей для начала конкретных переговоров. По его мнению, в Гаагу следовало бы направить Е. Мейера, ранее ведшего с Россией крупные коммерческие дела. Мейер состоял в тесном контакте с хозяевами «Банкферейн», в частности с вышеупомянутым Крелером, а также и с итальянским «Коммерческим банком», что также можно было использовать для завоевания (восстановления) позиций на русском рынке. Кроме того, Е. Мейер был связан с домом «Равак унд Грюнфельд» в Бытоме, именовавшимся «Русским концерном».

Страсбургер просил также направить в Гаагу Ю. Гуссарского — предпринимателя, который имел торговые связи в дореволюционной России и «который ориентируется во всех наших материалах, касающихся русского вопроса», и известного польского эксперта по финансовым вопросам Э. Розе¹¹⁶. В торгово-промышленных кругах Польши Гуссарский был известен как

¹¹⁴ AAN, Ambasada RP w Moskwie, t. 26.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

горячий сторонник восстановления экономических связей с Советской Россией, вероятно, об этом Страсбургер хорошо знал, хотя бы потому, что Гуссарский открыто, в том числе в печати, высказывался за польско-советские переговоры.

В отчете о Гаагской конференции, направленном правительству, подчеркивалось, что польская делегация прилагала усилия, чтобы достичь соглашения с Советской Россией, «вводя элемент доброжелательности в способ трактовки русского вопроса». Кроме того, она «поддерживала живой контакт с советской делегацией, затрагивая не только вопросы, обсуждавшиеся на конференции, но и общие вопросы польско-советских отношений»¹¹⁷.

В отчете констатировалось, что глава советской делегации М. Литвинов предложил Польше заключить «пакт дружбы», а член делегации Л. Б. Красин «затронул вопрос о торговом договоре».

Личными контактами в Гааге советской и польской делегаций была подготовлена встреча Литвинова с новым министром иностранных дел Польши Г. Нарutowичем и с Ю. Пилсудским, которая состоялась 4 августа 1922 г. во время однодневной остановки Литвинова в Варшаве по пути в Москву.

Во время этих встреч был затронут ряд вопросов советско-польских отношений, в частности вопрос о торговом договоре. Как видно из записи беседы, сделанной начальником Восточного отдела польского МИД М. Шумляковским, «Литвинов выразил убеждение, что соответствующие переговоры вскоре начнутся и будут благополучно завершены»¹¹⁸. Во время беседы с Нарutowичем Литвинов вновь вернулся к разговору, начатому в Гааге, о «польско-советском пакте дружбы» и опять внес предложение заключить такой пакт. Польский министр уклонился от подробного разговора на эту тему, сославшись на Рижский мирный договор, на который, как он сказал, «опираются все отношения между Польшей и Россией», и тут же перешел к вопросу о нем, упрекнув советскую сторону в затягивании выполнения финансовых обяза-

¹¹⁷ Там же, т. 83.

¹¹⁸ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 169.

тельство. Тем не менее, как это явствует из записи беседы, «разговор велся в духе взаимного расположения, причем с советской стороны было проявлено сильное желание как можно скорее приступить к переговорам о пакте, в отношении которого польская сторона заняла сдержанную позицию»¹¹⁹.

В конце октября Варшаву посетил Чичерин, возвращавшийся в Москву после лечения в Германии. Он нанес визит министру иностранных дел Нарutowичу, премьер-министру Ю. Новаку, а также Ю. Пилсудскому.

Одним из основных вопросов, обсуждавшихся во время этих встреч, был вопрос об экономических связях, точнее, о заключении торгового договора. Как явствует из записи бесед, Чичерин подчеркивал важность нормализации польско-советских торговых отношений и заявил, что «со своей стороны он будет содействовать скорейшему решению этого вопроса»¹²⁰. Однако Польша должна согласиться «признать монополию внешней торговли». Вероятно, последнее обстоятельство и явилось причиной того, что, по свидетельству того же источника, переговоры «не привели к такой конкретизации вопроса, чтобы можно было надеяться в ближайшее время на подписание договора в желательном для нас духе»¹²¹.

Тем не менее визит Чичерина оживил надежды торгово-промышленных кругов на скорое расширение экономических связей с Советской страной.

Как в интервью для польской печати¹²², так и по возвращении в Москву Чичерин отмечал факт постепенного улучшения советско-польских отношений и необходимость дальнейшего их расширения и углубления. «Прочный базис для этих отношений,— заявил он,— будет создан расширением между Польшей и Россией экономических связей, которые в ближайшем будущем могут быстро развиваться с усиливающимся укреплением внутреннего хозяйственного положения России»¹²³.

Опыт Генуи и Гааги вынуждал правящие круги Польши к пересмотру прежней позиции в отношении советских

¹¹⁹ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 169.

¹²⁰ Там же, стр. 176.

¹²¹ Там же.

¹²² См.: «Kurier Polski», 1.XI 1922.

¹²³ «Известия», 6.X 1922.

республик. Осенью 1922 г. польское правительство вернулось к рассмотрению советского предложения, сделанного еще 17 июля 1922 г., — начать переговоры о заключении почтово-телеграфной конвенции¹²⁴. 9 сентября НКВД повторил свое предложение¹²⁵. Начавшиеся вскоре переговоры между РСФСР, УССР и БССР, с одной стороны, и Польшей — с другой, завершились подписанием конвенции 23 мая 1923 г.¹²⁶

В сентябре 1922 г. завершилась огромная работа по проведению советско-польской границы в натуре, в соответствии со статьей II Рижского мирного договора¹²⁷. Тем самым была внесена стабильность в вопрос о разграничении, неурегулированность которого давала повод разного рода политическим спекуляциям врагов мира. В конце ноября эта линия границы была передана смешанной пограничной комиссией для охраны¹²⁸.

В конце 1922 г. польское правительство ответило согласием на предложение Советского правительства возобновить переговоры о заключении санитарной конвенции, которые велись в Варшаве с марта 1922 г., но были прерваны по причине выдвижения польской стороной неприемлемых требований.

Переговоры возобновились и увенчались подписанием 7 февраля 1923 г. санитарной конвенции¹²⁹.

Удалось сдвинуть с мертвой точки вопрос о персональном обмене. Еще 30 мая 1922 г. Советское правительство обратилось к польскому с предложением

¹²⁴ АВП СССР, ф. 122, оп. 5, д. 3, л. 87. 19 сентября 1922 г. министерство иностранных дел Польши сообщило полпредству РСФСР в Варшаве, что правительство Польши согласно приступить к переговорам. В тот же день состоялась предварительная беседа Я. Ганецкого с секретарем польской миссии в Москве З. Моравским (там же).

¹²⁵ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 174.

¹²⁶ «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами», вып. IV (далее — «Сборник действующих договоров...»). М., 1928, стр. 142—159.

¹²⁷ «Известия», 22.IX 1922.

¹²⁸ Смешанной советско-польской пограничной комиссией было установлено 2280 столбов на линии границы общей протяженностью 1412,2 км («Документы и материалы...», т. IV, стр. 192).

¹²⁹ «Сборник действующих договоров...», вып. II. М., 1925, стр. 118—124. Протокол подписания санитарной конвенции см.: «Документы и материалы...», т. IV, стр. 215—216.

осуществить персональный обмен 300 человек в соответствии с дополнительным протоколом к соглашению о репатриации, подписанным 24 февраля 1921 г.¹³⁰

Советское правительство хотело освободить 300 польских революционеров, томившихся в тюрьмах, обменяв их на такое же число польских граждан, осужденных либо содержавшихся под стражей за действия, направленные против Советской власти. Долго польское правительство, в нарушение соглашения, не давало согласия на такой обмен. Наконец, 3 ноября этот вопрос был внесен министром иностранных дел на заседание Совета министров Польши и по нему было вынесено положительное решение¹³¹.

Некоторое улучшение советско-польских отношений благоприятно отразилось на реализации постановлений Рижского мирного договора, касавшихся возвращения Польше культурных ценностей, а также реэвакуации железнодорожного имущества и промышленного оборудования. В октябре 1922 г. возобновили работу смешанные реэвакуационная и специальная комиссии.

Все это убедительно говорило о том, что Советское правительство проявляло максимум усилий, направленных на улучшение отношений с Польшей и выполнение Рижского договора. Дело было за Польшей. Дальнейшее развитие добрососедских экономических и политических отношений зависело только от польской стороны.

6

Московская конференция по сокращению вооружений

Убедительным подтверждением миролюбивой политики Советской России являлась борьба Советского правительства за разоружение.

¹³⁰ В § 1 протокола говорилось: «Стороны признают целесообразным и соглашаются производить, помимо массовой репатриации, также и персональный обмен лиц, которые выразят на это свое согласие и в выдаче которых стороны особо заинтересованы. Лица эти будут отправляемы вне очереди и независимо от того, являются ли они гражданами государства, требующего их выдачи» («Документы и материалы...», т. III, стр. 514).

¹³¹ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 184—187.

К сокращению своих вооруженных сил Советская Россия приступила сразу же после окончания гражданской войны. Из более чем пятимиллионной к середине 1922 г., армия была доведена до 800 тыс. человек

Однако одностороннее сокращение вооруженных сил, хотя и явилось прекрасным примером, отнюдь не снижало угрозы войны. Более того, в условиях капиталистического окружения и перед лицом агрессивных устремлений империалистических держав Советскому государству приходилось считаться с реальной действительностью и содержать вооруженные силы на том уровне, который был бы достаточным для отражения возможного удара извне. Следуя политике мира, Советское правительство внесло на Генуэзской конференции предложение о разоружении¹³².

Ввиду отказа западных держав рассмотреть этот вопрос, оно решило добиваться договоренности об одновременном сокращении вооруженных сил Советской России и ее непосредственных соседей на Западе. 12 июня 1922 г. заместитель народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинов направил правительствам Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии ноту с предложением созвать в Москве конференцию «для совместного обсуждения с представителями России вопроса о пропорциональном сокращении вооруженных сил»¹³³.

Первой ответила на приглашение Финляндия.

Не отклоняя предложения принять участие в конференции, ее правительство в ноте от 29 июня 1922 г. выразило сомнение в результативности обсуждения вопроса о разоружении небольшим количеством государств.

Неопределенным был и ответ правительства Эстонии, которое нотой от 7 июля за подписью министра иностранных дел А. Пийпа просило предварительно сообщить время и место проведения конференции и ее программу, «дабы правительство республики имело возможность принять по сему вопросу окончательное решение»¹³⁴.

¹³² ДВП СССР, т. V, стр. 193.

¹³³ Там же, стр. 449.

¹³⁴ Там же, стр. 451.

Лишь в ответной ноте министра иностранных дел Латвии З. Мееровица более определенно говорилось, что Латвия «благосклонно» относится к приглашению¹³⁵.

Позже всех ответила Польша. Советское предложение вызвало замешательство в польских правящих кругах. Нота Наркоминдела пришла в Варшаву как раз в тот момент, когда Пилсудский расправлялся с противниками своего курса на милитаризацию страны. Воспользовавшись провалом Генуэзской конференции и вызванным этим беспокойством в сейме и среди общественности, Пилсудский, уже давно будучи недовольным деятельностью на посту министра иностранных дел Скирмунта, проводившего слишком, как ему казалось, миролюбивую политику по отношению к Советской России, теперь имел удобный повод для его отстранения. Да и политика премьера Пониковского не удовлетворяла Пилсудского по этой же причине.

К тому же приближались выборы в сейм, и Пилсудский хотел иметь правительство, составленное из его сторонников, дабы можно было влиять на избирательную кампанию и на ее результаты в желаемом для него направлении.

Отставкой внепартийного кабинета Пониковского (6 июля) Пилсудский вызвал правительственный кризис, который был использован им для усиления своего влияния. Новый кабинет Пилсудский поручил сформировать своему стороннику А. Сливиньскому. Портфель министра иностранных дел был вручен тоже близкому к Пилсудскому Г. Нарutowичу¹³⁶.

Во время кризиса кабинета пилсудчикам удалось продвинуть дело милитаризации страны. Они протасили в Совете министров закон о продлении срока службы военнослужащим рождения 1899 и 1900 гг., которых прежде намеревались уволить из армии. Это опасное для дела мира мероприятие военным министром мотивировалось «возможностью инцидента со стороны недружест-

¹³⁵ ДВП СССР, т. V, стр. 452.

¹³⁶ Усилиями эндеков кабинет Сливиньского вскоре был свергнут, несмотря на стремление «левых» партий в сейме добиться для него востановления доверия. 31 июля было сформировано правительство Ю. Новака, в котором также основные министерские портфели были отданы пилсудчикам: военным министром стал генерал К. Соснковский, министром иностранных дел остался Г. Нарutowич.

венно к нам настроенных государств, таких, как Россия, Германия, Ковенская Литва и т. д.»¹³⁷

Тем не менее правительство Польши не могло отвергнуть советское предложение, не рискуя вызвать самые невыгодные для него последствия, тем более что в польской и мировой печати нота НКИД обсуждалась довольно широко¹³⁸.

9 июля 1922 г. поверенному в делах РСФСР в Польше Л. Л. Оболенскому была передана ответная нота министра иностранных дел Польши Г. Нарutowича. В ноте говорилось, что Польша в принципе согласна принять участие в конференции. Но дух и содержание ноты убеждали в обратном, в том, что польское правительство в большей мере, чем правительства других приглашенных стран, намерено всячески препятствовать созыву и работе конференции по разоружению. В качестве предлога оно ухватилось за то, что Польша уже принимает участие в рассмотрении вопроса о разоружении в Лиге Наций, что «совещания в этой области начались и поныне продолжаются». В заключение ноты отмечалось, что, «принимая во внимание продолжающиеся в данный момент упомянутые выше совещания, польское правительство предлагает отложить срок открытия конференции, предлагаемой Россией, до окончания совещаний»¹³⁹.

24 августа газета «Известия» опубликовала сообщение НКИД по поводу ответа Польши от 9 июля. В сообщении говорилось, что «нельзя рассматривать этот ответ иначе, как отказ от предлагаемой нами конференции... Нельзя также не отметить, что польское правительство, ссылаясь в своем ответе на работы по этому вопросу Лиги Наций, систематически отклоняло решения Лиги Наций по территориальным и военным вопросам»¹⁴⁰.

Дав уклончивый ответ на советское предложение, правящие круги Польши немедленно стали прилагать усилия к тому, чтобы правительства прибалтийских государств действовали заодно с ними.

¹³⁷ AAN, PRM, N 6170/22.

¹³⁸ «Robotnik», 15.VI 1922. Газета поместила обширное изложение ноты НКИД.

¹³⁹ ДВП СССР, т. V, стр. 452. Первоначально конференция намечалась на 5 сентября 1922 г. в Москве.

¹⁴⁰ Там же, стр. 562.

Надо сказать, что после Варшавской конференции представителей прибалтийских государств, состоявшейся в марте 1922 г., пилсудчики, заседавшие в руководстве польского генштаба, старались превратить в реальность военный союз, наметившийся на этой конференции. Деятельность в этом направлении усилилась перед Московской конференцией и как бы являлась ответом польских милитаристов на советское предложение.

По инициативе Польши в первых числах августа в Ревеле (Таллине) начались консультации представителей Польши и прибалтийских государств. Главную роль на них играли военные эксперты. Заседания проходили с 1 по 3 и с 26 по 28 августа. Затем в сентябре состоялись совещания в Варшаве, в которых принимал участие и представитель Румынии¹⁴¹.

Из сохранившихся протокольных записей совещания и донесений его участников можно установить, что делегация Латвии внесла предложение: «Размеры вооруженных сил РСФСР, Польши и прибалтийских государств установить исходя из того принципа, что Польша, Латвия, Эстония и Финляндия вместе взятые должны удовлетворяться тем же количеством вооруженных сил, какое будет иметь Советская Россия»¹⁴². Предполагалось, что в таком случае в более выгодном положении оказались бы упомянутые четыре государства, так как они обладали бы «качественным преимуществом»: у России силы оказались бы распыленными на огромной территории.

Представители Эстонии и Финляндии готовы были одобрить это предложение. Однако польским представителям оно пришлось не по душе. Как сообщил участник совещания латвийский министр иностранных дел З. Мееровиц в беседе с германским посланником в Риге Вальротом, «Польша решительно выступила против этого предложения». Причина, по словам Мееровица, объяснялась «далеко идущими военно-политическими целями Польши».

Еще более раскрылись истинные намерения правящих кругов Польши при обсуждении советского предложения

¹⁴¹ В. Я. Сиполс. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919—1940 гг. Рига, 1969, стр. 106.

¹⁴² Там же.

о создании пограничных зон со строго определенным, весьма ограниченным количеством войск. Представители Латвии, Финляндии и Эстонии сочли это предложение вполне приемлемым, а делегации Польши и Румынии заняли резко отрицательную позицию¹⁴³. Нежелание польского правительства ограничивать количество войск на ее восточных окраинах как раз и выявляло ее отнюдь не миролюбивые планы. Эти войска нужны были Польше для удержания в своих руках отошедших по Рижскому миру западных областей Украины и Белоруссии, население которых оказывало упорное сопротивление военно-полицейскому режиму и насильственной полонизации, а также для поддержания напряжения на польско-советской границе.

В конце концов участники совещания пришли к согласию, что их правительства займут отрицательную позицию по отношению к советскому предложению о пропорциональном сокращении вооруженных сил¹⁴⁴.

Во второй половине сентября в Варшаве состоялось совещание начальников генеральных штабов и военных экспертов прибалтийских государств с участием Румынии.

Участники совещания подписали заключительный протокол, в котором говорилось: «Какими бы ни были предложения, которые, несомненно, будут представлены на предстоящей конференции представителями России, они, безусловно, будут предусматривать значительное сокращение вооруженных сил Эстонии, Финляндии, Латвии, Польши и Румынии. Подобные предложения заранее следует признать неприемлемыми»¹⁴⁵.

8 октября в Ревель съехались министры иностранных дел Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии.

¹⁴³ Там же, стр. 107.

¹⁴⁴ В информации о ходе Ревельского совещания, направленной МИД Польши своей миссии в Москве, в разделе, касающемся советского предложения относительно созыва конференции по разоружению и о позиции Польши по этому вопросу, говорилось: «Польский генеральный штаб считает, что надо сразу же отвергнуть советские конкретные предложения относительно разоружения, ограничения численности армии и т. д.» (AAN, Ambasadă RP w Moskwie, t. 5).

¹⁴⁵ Цит. по кн.: «История внешней политики СССР», ч. I. М., 1966, стр. 171—172.

На этом совещании была окончательно выработана тактика Польши и прибалтийских государств на предстоящей Московской конференции. Министры одобрили предложения, сделанные на совещании начальников генштабов и военных экспертов, которые вполне обеспечивали срыв конференции по разоружению.

Например, было решено вместо сокращения вооруженных сил предложить Советскому правительству подписать конвенцию о ненападении. Но и ее принятие обречалось на провал оговоркой, принятой в заключительном протоколе. В нем указывалось, что «Польша сможет подписать конвенцию о ненападении только при условии, если к ней присоединится также Румыния»¹⁴⁶. Согласие же Румынии можно было приобрести лишь ценой признания захвата ею Бессарабии, на что Советское правительство, естественно, пойти не могло. Круг замыкался.

Польская буржуазная печать принялась усиленно обрабатывать общественное мнение страны в антисоветском духе. В печати, находившейся под влиянием пилсудчиков, появлялись открыто провокационные материалы, разного рода измышления, направленные к срыву конференции по разоружению. Газета «Курьер поранны» 15 ноября, со ссылкой на эстонские источники, сообщала, что «Советское правительство, предлагая конференцию по разоружению, само в то же самое время значительно расширяет свой военно-морской флот»¹⁴⁷.

В это же время правительственная «Речь посполита» без комментариев поместила изложение редакционной статьи из германской газеты «Берлинер тагеблатт» («Берлинский ежедневный листок») о внешнеполитическом курсе Пилсудского. В статье Советское государство именовалось «главным врагом Польши», путь спасения от которого лежит в сближении с Германией¹⁴⁸.

Одновременно польские правящие круги стремились укрепить единый фронт с Малой Антантой, которой была уготовлена роль важнейшего звена в «санитарном кордоне» против Советской страны.

Еще 9 июля 1922 г. Совет министров Польши, оставив на время в стороне споры насчет территорий в Заользье,

¹⁴⁶ В. Я. Сиполс. Указ. соч., стр. 109.

¹⁴⁷ «Kurier Poranny», 15.XI 1922.

¹⁴⁸ «Rzeczpospolita», 13.IX 1922.

утвердил текст польско-чехословацкого политического договора, подписанного еще Скирмунтом 6 ноября 1921 г. (с чехословацкой стороны договор подписал министр иностранных дел Э. Бенеш). Статья II договора имела антисоветскую направленность. В ней говорилось, что оба государства сохранят доброжелательный нейтралитет в случае, если одно из них подвергнется нападению со стороны одного из соседних государств. Особенно подчеркивалось, что оба государства обязуются «обеспечивать транзит военных материалов», как это было во время польско-советской войны 1920 г.¹⁴⁹

Согласно статье III, Чехословакия заявляла свой *désintéressement* в вопросе о Восточной Галиции, обязывалась распустить украинские националистические формирования и интернировать их в Чехословакии, а также «подавлять всякую активную пропаганду, направленную на отрыв каких-либо территорий от Польши»¹⁵⁰. Такие же обязательства взяла на себя Польша в отношении Чехословакии.

В статье IV отмечалось, что оба правительства принимают к сведению политические, экономические и военные соглашения, заключенные между Чехословакией, Румынией и Югославией, а также аналогичные соглашения между Польшей, Францией и Румынией.

31 августа 1922 г. в Мариенбаде было подписано соглашение между Польшей и государствами Малой Антанты. Оно содержало обязательство защищать статус-кво в Центральной и Юго-Восточной Европе и оказывать взаимную помощь в случае войны. Соглашением предусматривалось, что всякая угроза любому из государств — участников соглашения — должна рассматриваться как одновременная угроза всем остальным участникам соглашения. Наиболее важным пунктом соглашения являлось постановление о том, что генеральные штабы государств — участников соглашения — должны будут немедленно начать между собой переговоры о совместных военных мероприятиях¹⁵¹.

В середине сентября 1922 г. Пилсудский совершил поездку в Румынию. Этот вояж был расценен мировой

¹⁴⁹ AAN, PPRM, t. 18, k. 1105.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ См.: «Известия», 19.IX 1922.

общественностью как очевидная антисоветская демонстрация¹⁵². В честь пребывания его в Румынии были устроены маневры румынской армии и военный парад. Пилсудский вручил королю Румынии высший польский орден «Виртути милитари»¹⁵³.

Обострению польско-советских отношений содействовал и вызванный Пилсудским конфликт в связи с вручением верительных грамот новым советским полпредом. Л. М. Карахан был отозван в январе 1922 г. в Москву в связи с назначением его вторым заместителем народного комиссара по иностранным делам. В октябре на пост полномочного представителя назначен был Л. Л. Оболенский. Одновременно произошла замена дипломатического представителя Польши в Москве: бывший поверенный З. Стефаньский возвратился в Варшаву, а на его место прибыл Р. Кнольц¹⁵⁴.

Незадолго перед этим в оглашенном МИД Польши списке дипломатического корпуса в Варшаве полномочный представитель РСФСР был помещен в отдельной рубрике, стоящей ниже той, в которой перечислены посланники. Это было сделано по настоянию Пилсудского, чтобы подчеркнуть неравенство советского полпреда с дипломатическими представителями других государств¹⁵⁵.

Полпредство РСФСР в Варшаве 18 октября 1922 г. опротестовало этот акт произвольного лишения советского полпреда в Польше присвоенного ему ранга. Было предупреждено, что столь неблагоприятное отношение к советскому полпреду будет принято во внимание при определении старшинства дипломатического представителя Польши в Москве¹⁵⁶. Пилсудский тем не менее уклонился от принятия верительных грамот от советского полпреда¹⁵⁷. Вслед за этим польский МИД выразил

¹⁵² См.: «Правда», 19.IX 1922.

¹⁵³ «Robotnik», 17.X 1922.

¹⁵⁴ «Документы и материалы. .», т. IV, стр. 187.

¹⁵⁵ Там же, стр. 188.

¹⁵⁶ ДВП СССР, т. V, стр. 621.

¹⁵⁷ По поводу такого поведения Пилсудского член коллегии НКИД Я. Ганецкий в беседе с корреспондентом «Известий» заявил: «Дело не в одной форме. За этим кроется нечто более серьезное. Пилсудский желает этим показать, что, несмотря на Рижский договор, Польша не признает Россию де-юре» («Известия», 10.XI 1922).

пожелание, чтобы в Польшу был направлен советский дипломатический представитель не в ранге посланника, а в ранге поверенного в делах, от которого верительные грамоты принимает министр иностранных дел. Советское правительство дало указание Оболенскому выехать в Москву так как дальнейшее пребывание его в Варшаве без надлежащего аккредитования являлось нецелесообразным. Естественно, что Советское правительство было вынуждено поступить таким же образом по отношению к аккредитованному при нем представителю Польши. Оно не сочло возможным принять верительные грамоты у Р. Кнолля, который в связи с этим был из Москвы отозван.

Таким образом, по вине правительства Польши, точнее по вине Пилсудского, оба государства вновь остались без аккредитованных полномочных представителей.

Это вызвало в польском обществе усиление беспокойства за дальнейшее развитие отношений с Советским государством. Правительство Польши было вынуждено отступить. Министерство иностранных дел Польши заявило в ноте от 19 ноября 1922 г., что польское правительство «принципиально соглашается на аккредитование г. Оболенского в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра в Варшаве»¹⁵⁸.

Ликвидация этого инцидента способствовала созданию нормальной атмосферы для открытия Московской конференции по разоружению.

Московская конференция по разоружению начала работу 2 декабря. На открытии присутствовали дипломатические представители всех правительств, аккредитованных в Москве, за исключением германского.

¹⁵⁸ ДВП СССР, т. V, стр. 767. В результате переговоров, которые вел заместитель народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинов с прибывшим в Москву на конференцию по разоружению председателем польской делегации Я. Радзивиллом, было согласовано, что вручение верительных грамот советским полпредом состоится в соответствии с его рангом. 4 января 1923 г. Л. Оболенский вручил свои верительные грамоты недавно избранному президенту Польши Ст. Войцеховскому. Что касается Р. Кнолля, то, в соответствии со своим рангом (поверенный в делах), он вручил свои верительные грамоты М. М. Литвинову. («Документы и материалы...», т. IV, стр. 190).

С приветственной речью к участникам конференции обратился член Президиума ВЦИК П. Г. Смидович¹⁵⁹. Затем слово взял руководитель советской делегации М. М. Литвинов, который от имени Советского правительства зачитал декларацию, содержащую конкретные предложения по сокращению вооруженных сил.

Литвинов отметил, что в Генуе предложение Советского правительства о разоружении было отвергнуто. Поэтому сейчас оно вынуждено поставить вопрос о сокращении вооружений перед сопредельными государствами на западе. Глава советской делегации заявил, что Советское государство сокращает свои вооруженные силы еще на $\frac{1}{4}$ т. е. на 200 тыс. человек, и предлагает своим соседям в течение полутора-двух лет провести соответственные сокращения у себя, полагая, что точные цифры и сроки могут быть установлены путем обмена мнениями в специальной комиссии¹⁶⁰.

В соответствии с задачами конференции Литвинов предложил образовать три комиссии: по ограничению вооружений, военно-бюджетную и пограничную.

Делегации Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии, выступив с возражениями против создания комиссий, выдвинули на первое место вопрос о «моральном» разоружении, которое, по их мнению, должно предшествовать разоружению техническому. Исходя из этого, делегация Польши предложила создать две комиссии: политическую и военную, которые должны работать изолированно друг от друга¹⁶¹. Глава польской делегации Я. Радзивилл

¹⁵⁹ На конференцию прибыли делегации Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии и Польши. Румыния также была приглашена, но ее правительство поставило условием своего участия признание Советским правительством захвата Бессарабии. Это требование было отвергнуто. Как потом стало известно из заявления руководителя польской делегации, ей были даны полномочия представлять интересы Румынии на Московской конференции. Делегации возглавляли: польскую — доверенное лицо Пилсудского князь Я. Радзивилл, делегацию Латвии — первый секретарь сейма Я. Весманис, Литвы — министр-резидент в Латвии Д. Заунис, Эстонии — посол в Латвии Ю. Сельяма, Финляндии — министр иностранных дел К. Энкель. В составе делегаций находились ответственные работники генеральных штабов и военных министерств государств — участниц конференции.

¹⁶⁰ ДВП СССР, т. VI, стр. 24.

¹⁶¹ «Conférence de Moscou pour la limitation des armements» Moscou, 1923, p. 128.

заявил далее, что в политическую комиссию он намерен внести проект пакта о взаимном ненападении, после принятия которого можно будет приступить к рассмотрению технических вопросов. Ввиду таких расхождений в работе конференции наступил перерыв.

В своей декларации, сделанной 4 декабря 1922 г., польская делегация вновь пыталась подменить вопрос о разоружении разговорами о подписании договора о ненападении и арбитраже и предложила соответствующий проект договора, согласованный с делегатами трех прибалтийских стран. Уже в преамбуле проекта было сказано, что «материальное разоружение требует предварительного разоружения морального»¹⁶². Глава советской делегации, выступивший на заседании бюро конференции 5 декабря, подчеркнул по этому поводу, что «первым условием морального разоружения является разоружение материальное»¹⁶³. Литвинов разъяснил, что, поскольку Советское государство имеет мирные договоры со всеми государствами, участвующими в данной конференции, это само по себе уже является гарантией мира. Поэтому советская делегация считает свою подпись, поставленную под этими договорами, достаточной и «отказывается допустить, что обязательства, принятые на себя государствами, должны быть обязательно подписаны дважды»¹⁶⁴. Однако, чтобы не допустить срыва конференции, советская делегация согласна обсудить предложения других делегаций, готова в принципе принять предложение польской делегации и подписать соглашение о ненападении. Одновременно Литвинов подчеркнул, что на первом месте должно стоять дело, ради которого и созвана конференция, так как любое подписанное соглашение «не имеет никакой ценности, если не будет сопровождаться принятием радикальных мер по сокращению вооружения»¹⁶⁵. Пойдя на дальнейшие уступки, советская делегация согласилась обсудить и проект соглашения о ненападении и арбитраже. В ходе обсуждения его был внесен ряд поправок. В частности, в преамбуле предлагалось подчеркнуть, что «моральное разоружение» должно

¹⁶² ДВП СССР, т. VI, стр. 50.

¹⁶³ Там же, стр. 43.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же, стр. 44.

обусловливаться «действительным и достаточным взаимным сокращением вооружений»¹⁶⁶. Советская делегация предложила включить в проект обязательство договаривающихся сторон не оказывать какой-либо поддержки третьему государству, если оно предпримет нападение на одну из договаривающихся сторон, а также не заключать «с третьими государствами или между собой» никаких соглашений, противоречащих договору, заключенному участниками Московской конференции¹⁶⁷. В случае нападения одного из договаривающихся государств на другое остальные страны обязаны не оказывать нападающему государству никакой поддержки¹⁶⁸. Советской делегацией была внесена в проект новая статья о том, что договаривающиеся стороны вместе с договором должны подписать конвенцию «о взаимном ограничении вооружений»¹⁶⁹. Эти предложения были приняты. В ходе дискуссии на бюро конференции был согласован текст договора о ненападении и арбитраже, состоявший из восьми статей¹⁷⁰.

Внесенные советской делегацией поправки, касавшиеся пропорционального сокращения вооруженных сил, отказа от союзов и соглашений, противоречащих договору о ненападении, а также включения в текст договора обязательств, направленных на прекращение деятельности на территориях договаривающихся стран политических организаций, диверсионных банд, нарушающих целостность границ и добрососедские отношения, делегациями Польши и прибалтийских государств были отвергнуты¹⁷¹.

Затем участники конференции приступили к обсуждению вопроса о сокращении вооруженных сил, военных расходов, ликвидации иррегулярных формирований и нейтрализации приграничных зон¹⁷². Советская делега-

¹⁶⁶ ДВП СССР, т. VI, стр. 48.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же, стр. 49.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Текст согласованного проекта договора см. там же, стр. 52.

¹⁷¹ Там же, стр. 61. Дискуссию по этому вопросу см. в кн.: «Conférence de Moscou...», р. 130—151.

¹⁷² ДВП СССР, т. VI, стр. 62. Бюро конференции автоматически было преобразовано в военную комиссию и продолжало заседать в прежнем составе.

ция предложила сократить вооруженные силы в 1923 г. на $\frac{1}{4}$ по сравнению с 1922 г., а на следующий год довести численность армии до 200 тыс. человек.

Польская делегация заявила, что в соответствии с бюджетным составом армии на 1923 г. вооруженные силы Польши будут иметь в соответствии с предложенной пропорцией 280 тыс. человек. На деле эта цифра оказалась сильно уменьшенной. Так, в ответе Польши на анкету Лиги Наций от 28 июня 1922 г. бюджетный состав польской армии на 1922 г. указан численностью 293 744 человек. Заявление польской делегации означало, таким образом, что Польша не намерена провести сколько-нибудь существенное сокращение вооруженных сил.

Примеру польской делегации последовали делегации Эстонии, Финляндии и Латвии, назвав явно преуменьшенную численность своих войск. Делегация же Литвы вообще отказалась сообщить сведения о своей армии, мотивируя тем, что Литва находится в состоянии войны с Польшей. А когда стремление делегаций Польши и прибалтийских стран скрыть подлинную численность своих вооруженных сил было советской делегацией обнаружено, польская делегация вообще отказалась обсуждать этот вопрос. С этим согласились и делегации прибалтийских стран. Отказались они обсуждать и предложение советской делегации установить максимальную сумму расходов на одного солдата в год в размере 400 рублей золотом ¹⁷³.

Вдобавок ко всему, в предпоследний день работы, 11 декабря, делегации Польши и трех прибалтийских стран ¹⁷⁴ пришли на заседание с текстом заявления, которое сводилось к следующим предложениям:

- 1) Подписать договор о ненападении и арбитраже;
- 2) принять к сведению сообщаемые делегациями максимальные цифры войск, проектируемые отдельными правительствами;
- 3) создать комиссию военных экспертов, которая, собравшись после ратификации договора о ненападении и арбитраже, приступила бы к изысканию способа разрешения вопроса об ограничении сухопутных и морских вооружений.

¹⁷³ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 211.

¹⁷⁴ Литовская делегация не ставила своей подписи под заявлением.

Содержание заявления показывало, что его авторы считали излишним обсуждение вопроса о разоружении. Это фактически означало срыв конференции.

Следующее заседание (12 декабря) оказалось последним. Оно было созвано лишь для того, чтобы заслушать советский ответ на заявление четырех делегаций.

Открывая это заседание, Литвинов заявил, что советская делегация не может согласиться с предложениями, изложенными в заявлении четырех делегаций, и предложил созвать пленарное заседание конференции, чтобы сделать сообщение о работе бюро и военной комиссии и решить вопрос о дальнейшей работе конференции¹⁷⁵. Однако делегация Польши, а вслед за ней делегации Эстонии, Латвии и Финляндии отклонили и это предложение¹⁷⁶. Советская делегация выступила на последнем заседании с заявлением, в котором подвергла критическому разбору заявление четырех делегаций, которые во главе с Польшей сорвали конференцию по сокращению вооружений.

Глава польской делегации князь Я. Радзивилл старался свалить вину за срыв конференции на Советское правительство. Так, в беседе с германским послом в Москве У. Брокдорф-Ранцау он заявил, что причиной срыва явилось якобы стремление Советского правительства навязать соседним государствам свой контроль над их вооруженными силами и военными бюджетами. Эту же ложь Радзивилл повторил и в интервью корреспонденту английской газеты «Таймс», а также представителям польской прессы¹⁷⁷. Вместе с тем в документе польского МИД, разосланном представителям за границей, говорилось, что Московская конференция по разоружению была сорвана «благодаря солидарной позиции действующих в согласии четырех государств»¹⁷⁸.

Позиция польской делегации на Московской конференции еще раз подтвердила, что правящие круги Польши продолжали в ущерб интересам своей страны и ее безопасности выполнять желание империалистических держав Запада, стремившихся к созданию антисоветского блока

¹⁷⁵ «Conférence de Moscou...», p. 209.

¹⁷⁶ Там же, стр. 212—213.

¹⁷⁷ «Kurier Polski», 29.XII 1922.

¹⁷⁸ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 238. Директива МИД от 10.I 1923

прибалтийских государств, который бы можно было использовать в будущей антисоветской войне.

Как отмечала «Международная жизнь», творцам Версальской системы нужно было держать в своих руках и в постоянном подчинении страны Прибалтики и Польшу как силу для нажима на Германию, с одной стороны, и как противовес растущей международной мощи Советского государства — с другой¹⁷⁹. Финская рабочая пресса писала по этому поводу, что «провал Московской конференции объясняется давлением Англии на балтийские государства и Франции — на Польшу»¹⁸⁰.

Это давление усилилось в связи с Лозаннской конференцией, на которой не последнюю роль играли расчеты английских и французских империалистов на изоляцию Советского государства и усиление антисоветских сил в Европе. Как подчеркивали «Известия», директивы по срыву Московской конференции «были, несомненно, предуказаны правительствам этих стран (т. е. Польши, Финляндии, Эстонии и Латвии. — П. О.) дипломатией великих держав»¹⁸¹.

Поведение делегаций балтийских государств на Московской конференции встретило осуждение широких кругов рабочего класса и даже со стороны части буржуазии. Так, бывший министр иностранных дел Эстонии Пийп «...отказался понять причины, по которым балтийские государства не сочли возможным обсуждать предложения советской делегации о сокращении армий»¹⁸².

Московская конференция, несмотря на ее срыв, имела положительное значение — она показала народным массам и мировой общественности, что Советская страна искренне стремится к мирному сосуществованию с капиталистическими государствами. Конференция продемонстрировала миролюбивый характер советской внешней политики и выявила нежелание укрепления мира со стороны правительств капиталистических государств.

Комментируя ход конференции, Литвинов в заключительной речи указал еще раз на виновников ее срыва и заявил, что «Советская Россия и без соглашения будет

¹⁷⁹ См.: «Международная жизнь», 31.XII 1922.

¹⁸⁰ Цит. по: «Известия», 20.XII 1922.

¹⁸¹ «Известия», 14.XII 1922.

¹⁸² «Правда», 17.XII 1922.

сокращать свою армию, если убедится, что и ее соседи фактически сокращают свои армии и что у них нет агрессивных намерений по отношению к России»¹⁸³.

Несмотря на нежелание западных соседей Советского государства пойти на сокращение своих вооруженных сил, собравшийся в конце декабря 1922 г. X Всероссийский съезд Советов постановил сократить в 1923 г. численность советских вооруженных сил на 25%. Съезд принял обращение ко всем народам, в котором говорилось: «Трудящиеся мира! Все, кто хочет мирного труда, присоединяйте свои усилия к усилиям Советской России, чтобы обеспечить мир, чтобы предохранить человечество от чудовищных и истребительных войн!.. Пусть все народы требуют от своих правительств мира. Дело мира в руках самих народов»¹⁸⁴.

¹⁸³ «Известия», 13.XII 1922.

¹⁸⁴ ДВП СССР, т. VI, стр. 114—115

Глава третья

НА ПУТИ К НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИИ С ПОЛЬШЕЙ

1

Осложнение международной обстановки в первой половине 1923 г. и советско-польские контакты

Выдающимся событием в жизни Советской страны на рубеже 1922—1923 гг. было образование Союза Советских Социалистических Республик, в состав которого вошли РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР. Добровольное объединение равноправных советских республик в одно многонациональное государство явилось торжеством ленинской национальной политики. Образование СССР умножало силы Советской страны; увеличивало ее авторитет и влияние на международной арене.

Это вызывало тревогу у империалистических государств. Империалисты всячески препятствовали созданию в Европе спокойной обстановки, способствующей строительству социализма в СССР. Они стремились подержать напряженность в Восточной Европе, в особенности вблизи советских границ, втягивая в антисоветские авантюры пограничные с СССР страны, пытаясь превратить их в орудие для реализации своих планов, направленных против СССР.

Об этом наглядно свидетельствовала Московская конференция по сокращению вооружений. В действиях польских милитаристов по ее срыву чувствовалось влияние империалистических кругов западных держав. Это обнаружилось и на Лозаннской конференции, на которой правительствами западных держав вновь была предпринята попытка изоляции Советского государства.

Начало 1923 г. было отмечено осложнением политической обстановки в Европе, вызванным в первую очередь трениями между Англией, Францией и Германией на почве разногласий о способах взимания репараций. 11 января 1923 г. французские и бельгийские войска вступили на территорию Рура, что обострило англо-французские противоречия¹. Германия, не противодействуя силой оккупации Рура, отказалась выполнять обязательства по репарациям. Англия, давая понять Франции, что не будет препятствовать в доведении «рурского эксперимента» до конца, в то же время поощряла Германию к сопротивлению. Все это серьезно накалило обстановку в Европе.

Опасность заключалась еще и в том, что в случае, если бы вспыхнула война между Францией и Германией, в нее немедленно были бы втянуты и другие государства Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы. В первую очередь это относилось к Польше, связанной с Францией военным союзом.

Выступая в комиссии сейма по иностранным делам, министр иностранных дел Польши А. Скшиньский по этому вопросу заявил: «Если бы Франция призвала нас к совместным действиям, мы, несомненно, дали бы на это свое согласие»².

На оккупацию Францией Рурской области Польша откликнулась призывом 800 тыс. военнообязанных, тем самым показав, что подписанный в январе 1921 г. франко-польский военный союз не является клочком бумаги и что Польша намерена строго выполнять его пункты.

Для мировой общественности это стало еще одним доказательством того, почему Польша пошла на срыв Московской конференции, отклонив предложения Советского правительства о сокращении вооруженных сил.

Чтобы оправдать в глазах народа военные приготовления, правящие круги Польши вновь стали усиленно распространять слухи о якобы существующем военном союзе между Германией и СССР и о намерении последнего напасть на Польшу в случае, если та вмешается в франко-германский конфликт.

В дополнение ко всему в начале 1923 г. произошло обострение польско-литовских отношений, которые и так

¹ «История дипломатии», т. III. М., 1965, стр. 354.

² Цит. по: «Экономическая жизнь», 24.I 1923.

были напряженными из-за оккупации польскими войсками Виленщины в октябре 1920 г.³

После принятия Советом Лиги Наций 3 февраля 1923 г. решения о нейтральной зоне между Литвой и Польшей⁴ польские войска вступили в нейтральную зону, несмотря на вооруженное сопротивление литовской армии. Совет послов — постоянный орган, созданный Верховным советом Антанты, — вмешался в конфликт фактически на стороне Польши, постановив провести границу по демаркационной линии, установленной 3 февраля. Правительство Литвы выразило решительный протест против такого решения, однако безрезультатно.

Советское правительство, руководствуясь стремлением поддержать Литву и не допустить разрастания конфликта, грозившего вспышкой большой войны, обратилось 17 февраля с нотой к правительству Польши. Оно рекомендовало Польше разрешить территориальный вопрос с Литвой на основе обоюдного согласия и напоминало, что привлечение третьей стороны, в данном случае Лиги Наций, противоречит Рижскому мирному договору⁵.

Вопреки ожиданию, в ответе министра иностранных дел Польши полностью отвергалась ссылка на статью III

³ В конце 1921 г. Польша и Литва вели переговоры об урегулировании конфликта. В спор вмешалась Лига Наций. Ее представитель Н. Гиманс представил план мирного урегулирования инцидента, предусматривавший передачу Виленской области Литве при условии, что между обеими странами будет заключен экономический, политический и военный союз, что фактически означало полное подчинение Литвы Польше. Это как раз и нужно было державам Антанты, стремившимся создать из государств — соседей Советской России — коалицию враждебных ей государств, могущих по указке западного империализма включиться в антисоветскую войну. Однако правительство Литвы отвергло план Гиманса, и польско-литовские отношения продолжали оставаться крайне напряженными (см.: *P. Łossowski. Stosunki polsko-litewskie w latach 1918—1920. Warszawa, 1960, str. 365—366*).

⁴ Нейтральная зона была установлена в результате переговоров между Литвой и Польшей в Сувалках 29 ноября 1920 г.

⁵ В статье III Рижского мирного договора говорилось, что поскольку западнее устанавливаемой советско-польской границы находятся территории, вызывающие спор между Польшей и Литвой, то «вопрос о принадлежности этих территорий к одному или другому из названных государств подлежит разрешению исключительно между Польшей и Литвой» («Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР), т. III. М., 1959, стр. 623).

Рижского договора, а предложение Советского правительства об оказании услуг в разрешении конфликта было расценено как попытка вмешательства в польско-литовский спор⁶. Лишь правительство Литвы оценило по достоинству советское предложение, выразив ему свою признательность⁷.

Польское правительство приняло активное участие также в другой комбинации западных империалистических держав, направленной против интересов Советского государства: в решении судьбы Клайпеды (Мемель). Этот важнейший на Балтийском море незамерзающий порт и прилегающая к нему территория до первой мировой войны входили в состав Германии. Постановлением Версальского трактата Германия была лишена права на Клайпеду, которая с этого момента находилась под контролем держав Антанты. В феврале 1920 г. ее оккупировали французские войска.

В связи с обсуждением в конце 1922 г. вопроса о признании де-юре Литвы великими державами литовское правительство обратилось к ним с предложением возвратить Клайпеду Литве. Однако у великих держав были на этот счет свои планы. Они намеревались сделать этот порт на Балтике одним из плацдармов для нападения на Советскую страну.

Поэтому мысль о допуске к пользованию портом советских республик, больше всех заинтересованных в нем как в важном пункте экспортно-импортной и транзитной торговли, ими вообще исключалась.

Еще 22 декабря 1922 г. Советское правительство направило правительствам Англии, Франции и Италии ноту, в которой предлагалось, чтобы вопрос о Клайпедке решался с участием представителей РСФСР и Белорусской ССР⁸. Советская нота была оставлена без ответа. В то же время Польша была допущена к участию в обсуждении так называемого мемельского вопроса и выговорила себе право пользования портом Клайпеды. Польские правящие круги добивались того, чтобы Клайпеду вовсе не отдавать ее подлинному хозяину — Литве. Когда ли-

⁶ ДВП СССР, т. VI. М., 1962, стр. 193—194.

⁷ Там же, стр. 194.

⁸ Там же, стр. 110—111.

товские части вступили в Клайпеду, польская печать подняла оголтелую кампанию, назвав действия литовцев «бандитскими»⁹. Премьер-министр Сикорский устроил пресс-конференцию, на которой обрушился с угрозами в адрес Литвы. Он заявил, что «Польша имеет реальные интересы в Клайпедо и... не согласится на отдачу ее Литве»¹⁰.

Но права Литвы на Клайпеду были настолько очевидными, что Лига Наций не решилась их полностью игнорировать. Конференция послов решением от 16 февраля 1923 г. признала за Литвой суверенные права на Клайпеду при условии, что Польше будет гарантировано право пользования портом¹¹.

Империалистические устремления правящих кругов Польши в отношении Литвы, поощряемые западными державами, наносили большой ущерб делу упрочения мира в Восточной Европе и, конечно, не способствовали улучшению советско-польских отношений.

Реакционные силы Польши, направлявшие агрессивную политику правительства, стремились подавить всякое сопротивление этой политике со стороны прогрессивной общественности. Внутриполитическая борьба обострилась в связи с кампанией по выборам в сейм и выборам президента.

Стараясь обеспечить себе победу на выборах в сейм, буржуазия употребила органы своей диктатуры для подавления организаций революционного пролетариата. В первую очередь репрессии обрушились на КРПП и те профсоюзы, которые находились под ее влиянием. Усилилась цензура печати, ограничилось право проведения собраний и митингов. Господствующие классы стремились ликвидировать и те немногие завоевания рабочего класса, которые были достигнуты в тяжелой борьбе с капиталом¹².

Выборы в сейм, состоявшиеся в ноябре 1922 г., при-

⁹ «Robotnik», 15.I 1923. Территория Клайпеды была занята литовскими иррегулярными частями 13—15 января 1923 г.

¹⁰ «Robotnik», 18.I 1923.

¹¹ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (далее — «Документы и материалы...»), т. IV. М., 1966, стр. 224.

¹² «Historia polskiego ruchu robotniczego», t. I. Warszawa, 1967, str. 329.

несли большой успех правым партиям и группировкам во главе с народной демократией (эндеки), получившей 163 депутатских мандата. Второй по количеству мандатов оказалась партия зажиточной верхушки деревни — Польске стронництво людове — «Пяст»¹³.

КРПП, на этот раз принявшая решение не бойкотировать выборы в сейм, но не имевшая возможности открыто выставить своих кандидатов, создала избирательный «Союз пролетариата города и деревни» и таким путем ввела в сейм двух своих депутатов — Ст. Ланцуцкого и С. Круликовского. Используя сложившееся после выборов выгодное соотношение сил, правые партии повели борьбу за министерские портфели.

Однако противостоявшие им пилсудчики, различные партии, называвшие себя «левыми», с не меньшим рвением отстаивали свое право заполучить правительственные посты.

Пилсудский не решился выдвинуть свою кандидатуру в президенты республики, зато сделал все для того, чтобы этот пост занял его сторонник. Голосами пилсудчиков и примыкавших к ним партий президентом был избран Г. Нарутович. Однако президентское кресло он занимал недолго. 16 декабря 1922 г. Г. Нарутович был убит одним из членов партии народной демократии. В итоге новых выборов президентское кресло занял ставленник тех же группировок, которые голосовали за Нарутовича, — Ст. Войцеховский.

Правительственный кабинет возглавил генерал Вл. Сикорский, бывший до этого начальником генерального штаба и некоторое время военным министром. Формально он не принадлежал ни к какой политической партии, но был близок к пилсудчикам.

Одновременно с постом премьера Сикорскому достался и портфель министра внутренних дел. Таким образом, в его руках оказались ключевые позиции в правительстве и возможность сильного влияния на внутреннюю и внешнюю политику государства. Военным министром был назначен близкий к Пилсудскому генерал К. Соснковский.

Новое польское правительство, учитывая отрицательную реакцию народа на обострение отношений с СССР,

¹³ «Historia polskiego ruchu robotniczego», t. I, str. 329.

избегало открытых антисоветских действий. Принимая 4 января 1923 г. у советского полпреда Л. Оболенского верительные грамоты, президент Польши Войцеховский выразил уверенность, что этот акт «...будет исходным пунктом для консеквенции, имеющей целью создание и продолжение хороших и добрососедских взаимоотношений и установления тесных экономических взаимоотношений между Польшей и Россией, опирающихся на точное соблюдение и выполнение принятых обязательств и являющихся выражением взаимной воли к проведению в жизнь не только буквы, но и духа нашего договора, являющегося договором мира»¹⁴.

На деле сохранение пилсудчиками значительных позиций в правительстве дало себя знать в продолжении милитаристского курса Польши. Ее правительство провело в начале 1923 г. ряд мероприятий по укреплению вооруженных сил. 15 января 1923 г. была объявлена перерегистрация военнообязанных 15 возрастов, а 27 апреля, несмотря на разгар весенних полевых работ, опубликован приказ о мобилизации запасных 1896—1897 гг. рождения для прохождения военной подготовки сроком на два месяца¹⁵.

В поисках средств на покрытие военных расходов правительство ввело новый налог¹⁶. Кроме того, Польша обратилась к Франции с просьбой предоставить ей заем в размере 400 млн. франков специально на военные расходы. Правительство Франции благожелательно отнеслось к этой просьбе. В начале марта оно провело через палату депутатов решение о займе. Франция намеревалась почти на всю сумму займа сбыть Польше свои демобилизационные запасы оружия, а также разместить на французских заводах польские военные заказы.

В то же время по команде правительственных кругов польская печать, чтобы оправдать в глазах общественного мнения военные мероприятия и связанное с ними увеличение налогов, подняла шум о мнимой «советской угрозе».

¹⁴ Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 122, оп. 5, д. 11, л. 12.

¹⁵ «Robotnik», 18.I 1923.

¹⁶ «Sejm Ustawodawczy Rzeczypospolitej Polskiej. Sprawozdanie stenograficzne» (далее — «Sejm Ustawodawczy...»), łam. 43.

Политика военных кругов Польши сочеталась с действиями польской дипломатии. 12 мая 1923 г. министр иностранных дел Польши А. Скшиньский разослал дипломатическим представителям инструкцию «по русскому вопросу». Эта инструкция, основанная на материалах, собранных польским поверенным в Москве Р. Кноллем, содержала характеристику внутреннего и международного положения Советской страны и тактику правительства Польши по отношению к Советскому государству.

Констатируя провал антисоветских замыслов империалистов Запада, реализация которых связывалась с созывом Генуэзской, а затем Гаагской конференций, Скшиньский тем не менее считал необходимым выработать «единую позицию западноевропейских государств» по отношению к Советской стране. Польша, указывалось в инструкции, должна солидарно с западными державами участвовать в «изоляции России»¹⁷. Враждебной была позиция польских правительственных кругов к СССР и во время англо-советского конфликта весной 1923 г. Буржуазная и соглашательская печать Польши была наполнена клеветническими материалами в адрес Советского государства.

Подлинным выразителем антимилитаристской позиции трудящихся в стране оставалась Коммунистическая рабочая партия Польши. Коммунисты вели в массах пропаганду за мирный курс своей страны. 12 апреля 1923 г. ЦК КРПП обратился в ЦИК ППС с призывом образовать единый фронт рабочего класса против милитаристской политики правящих кругов. Лозунги, выдвинутые для единого фронта, призывали к борьбе против опасного для мира курса польского правительства, за установление добрососедских отношений с СССР, возобновление с ним переговоров о взаимном разоружении¹⁸.

Но руководство ППС отвергло предложение ЦК КРПП. Тогда ЦК КРПП опубликовал обращение ко всем рабочим Польши, в котором разоблачал милитаристскую политику польского правительства и его антисоветские планы. «В то время как Советская Россия... даже без соглашения с Польшей сократила свою армию

¹⁷ Archiwum Akt Nowych (далее — ААН), Ambasada RP w Paryżu, t. 264, k. 75.

¹⁸ «Nowy Przegląd» (reedycja), 1923, N 8, str. 127.

наполовину, Польша по приказу Франции и в интересах Франции лихорадочно вооружается, — говорилось в обращении. — ...Франция дала Польше 400 млн. франков займа не на восстановление страны, а на вооружение». ЦК КРПП призывал требовать от правительства сокращения армии, разрыва военного союза с Францией, заключения торгового договора с Советской Россией¹⁹.

Одним из многочисленных проявлений враждебной политики Польши по отношению к Советскому государству, политики подготовки к военной агрессии, была активизация разведывательной деятельности польского генштаба на советской территории.

В сборе разведывательных данных польский генштаб широко использовал свою старую агентуру из числа оставшихся на советской территории со времен первой мировой войны членов так называемой Польской военной организации (ПОВ). В ряде случаев польская разведка устанавливала контакты с подпольными контрреволюционными организациями русских белогвардейцев и пользовалась их услугами взамен за финансовую помощь²⁰.

Для сбора шпионских сведений польский генштаб использовал также работников польской дипломатической и консульской служб, аккредитованных в советских республиках, многочисленный аппарат комиссии по репатриации и т. д.

12 января 1923 г. в Москве советскими органами был арестован уполномоченный польской делегации в репатриационной комиссии Мертц. Из найденных при обыске материалов выяснилось, что он развил широкую шпионскую деятельность под непосредственным руководством польского военного атташе Воликовского. В Минске Мертц сумел завербовать нескольких агентов, которые поставляли ему шпионские сведения²¹. Все уличенные в шпионаже польские чиновники из состава Комиссии по репатриации предстали перед советским судом. Пользовавшиеся иммунитетом дипломаты были выдворены за пределы СССР.

¹⁹ AAN, MSW, t. 1/162, k. 49.

²⁰ Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych (далее — CAMSW), W—w, 22/1, k. 148.

²¹ АВП СССР, ф. 122, оп. 6, д. 1, л. 11. По делу Мертца было арестовано 25 человек.

Со стороны польского правительства имели место и попытки прямого вмешательства во внутренние дела Советского государства. В качестве примера такого вмешательства можно привести дело католических ксендзов — советских граждан, проводивших подрывную деятельность против СССР. Наиболее злостные из них — архиепископ Я. Цепляк и прелат К. Будкевич — в начале 1923 г. были приговорены Верховным судом РСФСР к высшей мере наказания²².

После ареста ксендзов и особенно во время судебного процесса буржуазная печать Польши была заполнена провокационными статьями, содержащими угрозы в адрес Советского правительства. В начале марта в Варшаве были организованы антисоветские демонстрации и митинги, на которых представители буржуазных партий открыто призывали к расправе над революционными элементами в Польше, к организации еврейских погромов и т. д.

Правительство Польши не препятствовало разгулу антисоветской кампании. 23 марта, получив известие о смертном приговоре Цепляку и Будкевичу; премьер-министр Сикорский пригласил советского полпреда Оболенского и «выразил ему возмущение правительства Польши по поводу решения Московского суда»²³.

Советское правительство не могло оставить без внимания действия правящих кругов Польши. В ноте, направленной польскому МИД 31 марта 1923 г., полпредство РСФСР в Польше указало на явное противоречие между неоднократными мирными заверениями польского правительства и его заявлениями по делу Цепляка. Попытка вмешательства во внутренние дела Советской страны, «попытка недопущения выполнения законного приговора над некоторыми российскими гражданами, уличенными в преступлениях против народа и государства, сопровождаемая притом неслыханными оскорблениями по адресу Российского правительства, — говорилось в ноте, — есть несомненный недружелюбный акт и проявле-

²² Президиум ВЦИК постановлением от 19 марта 1923 г. в отношении Цепляка высшую меру наказания заменил 10-летним лишением свободы со строгой изоляцией. Ходатайство Будкевича о помиловании было отклонено («Известия», 30.III 1923).

²³ «Robotnik», 27.III 1923.

ние агрессивной политики против России»²⁴. Советское правительство отклонило домогательство правительства Польши «играть в России роль протектора российских граждан польского происхождения».

Возраставшее недовольство польских народных масс милитаристским антисоветским курсом прежних «внепартийных» кабинетов, политику которых направляли пилсудчики, было умело использовано группировками «правых» и «центра», т. е. народowymi демократами, примыкавшими к ним христианскими партиями и людовцами («Пяст» и др.).

Уже в конце 1922 г. людовцы «Пяста» с целью утвердиться на ключевых позициях в правительстве усилили пропаганду своей политической программы. Во внешней политике они провозглашали проведение мирного курса и нормализацию польско-советских отношений, во внутренней — высказывались за запрещение каких-либо вооруженных неармейских формирований (в связи с убийством президента Нарutowича обнаружилось существование тайных организаций фашистского типа и боевых групп, к созданию которых были прямо причастны эндеки). Появление фашистских организаций вызывало сильное возмущение польской общественности, и лидеры «Пяста» таким образом надеялись завоевать симпатии широких кругов народа.

Не надеясь, однако, на достижение безраздельного господства в правительстве (в сейме они имели 70 мандатов), лидеры «Пяста» стали искать себе союзников в среде эндеков и христианских демократов («Христианска едност нарoдова»).

За спиной сейма пястовские деятели во главе с В. Витосом в начале 1923 г. приступили к переговорам с эндеками и христианскими демократами. 15 мая в местечке Ланцкорона между этими группировками было заключено тайное соглашение, в основу которого были положены принципы крайнего национализма: большинство в сейме должно принадлежать полякам, членами правительства также могли быть только лица польского происхождения. При поступлении в высшие учебные заведения полякам должны предоставляться льготы. Во всех органах само-

²⁴ АВП СССР, ф. 188, оп. 6, д. 27, лл. 137—138.

управления, в том числе в восточных воеводствах, им должно быть гарантировано большинство. Эта программа целиком отвечала стремлениям эндеков и была направлена против национальных меньшинств, составлявших свыше 30% всего населения страны. В программе предусматривалось также осуществление аграрной реформы в интересах кулачества и в ущерб трудовому крестьянству²⁵.

26 мая 1923 г. под нажимом эндеков, пястовцев и клерикальных партий пал кабинет Сикорского, а спустя два дня было сформировано новое правительство во главе с лидером «Пяста» В. Витосом. В новом кабинете главные министерские портфели достались эндекам (министров иностранных дел, просвещения, торговли и промышленности, путей сообщения, земледелия) и «Пясту» (внутренних дел, общественных работ). Влияние пилсудчиков на политику правительства уменьшилось, хотя Витос не желал полного их отстранения. Он предложил пост военного министра генералу К. Соснковскому, однако последний отказался²⁶. Это означало, что пилсудчики не хотели идти на какое-либо примирение с правительством Витоса и намеревались вести борьбу за его свержение. Симптоматичным было и то, что на другой же день после формирования правительства Витоса Пилсудский подал в отставку с занимаемых им постов — начальника генерального штаба и председателя «Узкого военного совета». Свою отставку Пилсудский объяснял несогласием с новым кабинетом «по основным вопросам внутренней и внешней политики».

От нового правительства Польши, представлявшего блок буржуазно-помещичьих группировок, трудно было ожидать доброжелательного отношения к Советской стране. Вместе с тем можно было надеяться, что с уходом из правительства представителей наиболее агрессивных и авантюристических сил оно будет вести более реалистическую внешнюю политику.

²⁵ «История Польши», т. III, стр. 187. Часть деятелей «Пяста» была против уступок эндекам и против максимального сужения аграрной реформы. После Ланцкоранского соглашения эти деятели во главе с Я. Домбским порвали с «Пястом», образовав отдельную сеймовую фракцию «Национальное единство», которая затем слилась с крестьянской партией «Вызволене».

²⁶ «Robotnik», 29.V 1923. Военным министром 13 июня был назначен генерал Ст. Шелтицкий.

Эти надежды, как показали дальнейшие события, оправдались лишь в малой степени. Новое правительство Польши, правда, отказалось от открытого агрессивного курса, его деятели стали избегать резких антисоветских выпадов. В публичных выступлениях Витоса и членов его кабинета появились даже миролюбивые нотки, пробивавшиеся сквозь нагромождение инсинуаций.

1 июня 1923 г. Витос выступил в сейме с программной речью. Касаясь польско-советских отношений, премьер-министр сказал, что Польша, как и прежде, «является оборонительным валом для всей Европы», который призван защитить ее от распространения коммунизма, идущего с Востока. В то же время, заявил Витос, Польша «искренне хочет реализации заключенного с Россией мирного договора по всем пунктам»²⁷.

В таком же духе была выдержана и речь нового министра иностранных дел М. Сейды, произнесенная им в сенатской комиссии по иностранным делам 2 июня 1923 г. Министр призвал к укреплению союза сопредельных с Советской Россией государств, рассматривая их как форпост западного капиталистического мира.

Однако как ставленник партии, представлявшей интересы торгово-промышленных кругов, Сейда вступил в противоречие с изложенной им программой укрепления антисоветских союзов и блоков, высказавшись за мирную политику в отношении Страны Советов. Сейда заявил, что «правительство Польши питает к своему соседу на востоке миролюбивые намерения и с этого пути не думает сходить»²⁸.

Не питая чрезмерных иллюзий относительно внешней политики нового польского кабинета, Советское правительство все же надеялось, что в нем возьмет верх реалистический подход к вопросу о взаимоотношениях с Советским государством.

Поэтому в решении Политбюро ЦК РКП(б) от 14 июня 1923 г. по вопросу о взаимоотношениях с Польшей на ближайшее время указывалось, что НКИД следует «вести переговоры в направлении дальнейшего сближения с Польшей, особенно в области торговых отношений»²⁹.

²⁷ «Sejm Ustawodawczy...», 41 pos., 1.VI 1923, łam. 6.

²⁸ «Robotnik», 3.VI 1923.

²⁹ «История КПСС», т. 4, кн. 1. М., 1970, стр. 261.

Советским правительством были предприняты новые конкретные шаги в этом направлении. 20 июня 1923 г. в интервью А. Рэнсому — корреспонденту «Манчестер гардиан» — Г. В. Чичерин подчеркнул: «Что касается Польши, то мы считаем недавнюю перемену кабинета важной в том смысле, что новое правительство обнаруживает желание отказаться от системы авантюр и лидеры его заявляют себя сторонниками мирного делового отношения с Россией... Мы со своей стороны были бы только рады устранить всякие мелкие формальные затруднения и прийти к трезвому деловому обсуждению наших общих потребностей и тех путей, которые могли бы их удовлетворить. Мы уверены, что при известной лояльности и доброжелательности можно достигнуть многого в деле экономического сближения между нами и Польшей. Если нам будет сделано соответствующее предложение, то мы готовы войти в открытые подробные переговоры о всех остающихся еще неразрешенными вопросах в целях быстрого и удовлетворительного урегулирования их»³⁰.

Уход Пилсудского в отставку не означал самоустранение его от политической жизни. Он не расстался с мыслью о главенствующей роли в государстве, с мечтой вновь стать единоличным диктатором. Многие из пилсудчиков остались на руководящих постах в армии и в государственном аппарате. Пилсудскому сочувствовали и его поддерживали многие лидеры ППС, НПР, а также крестьянских партий. У пилсудчиков в руках сохранился рупор — газета «Курьер поранны», которая продолжала систематически пропагандировать их идеи. Словом, пилсудчики считали свое поражение временным, накапливали силы, чтобы в удобный момент вновь установить свою безраздельную диктатуру. Газета «Курьер поранны» открыто писала сразу же после прихода к власти эндеколюдовского блока, что «левые партии согласились допустить правых к власти на несколько месяцев», но будут зорко следить за их деятельностью, особенно же за внешней политикой нового кабинета. Газета предостерегала правительство Витоса от перемены внешнеполитической

³⁰ Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 252—253.

ориентации: «Меняться могут только методы и средства, но не сущность и цели»³¹.

Что же касается «восточной политики» пилсудчиков и их союзников, то она была общеизвестной. Это — «жесткий» курс по отношению к Советскому государству, укрепление и расширение антисоветского блока государств от Балтики до Черного моря.

У пилсудчиков были единомышленники среди эндеков и других буржуазно-помещичьих группировок. Так, например, один из лидеров эндеков, Э. Дубанович, в дискуссии по экспозе премьера Витоса 1 июня с трибуны сейма открыто пропагандировал федералистскую идею Пилсудского относительно Украины, которая, по его мнению, «в любой момент» может стать «независимой» союзницей Польши. При этом Дубанович с одобрением отзывался о киевской аванюре Пилсудского весной 1920 г.³² Развивая мысль о политике по отношению к Советскому государству, Дубанович подверг критике Витоса за недостаточное внимание, уделяемое укреплению балтийского союза.

Миролюбивые заверения Сейды и его обещания укреплять отношения с СССР не соответствовали конкретным делам правительства Витоса. Тезис одного из руководителей КРПП, Л. Домского, о том, что в связи с уходом Пилсудского «температура польского империализма умерилась»³³, был верен пока лишь отчасти. «Сумасбродный наполеончик», как окрестил Пилсудского Л. Домский, действовал через своих людей, причем безрезультатно.

18 июня 1923 г. состоялось закрытое заседание совета министров Польши, на котором было принято решение об образовании Совета обороны государства. В его состав вошли премьер-министр в качестве председателя Совета, военный министр (заместитель председателя), министры иностранных дел и финансов, генеральный инспектор войск и начальник генерального штаба³⁴. Создание

³¹ «Kurier Poranny», 1.VI 1923.

³² «Sejm Ustawodawczy...», 41 pos, 1.VI 1923, łam. 10.

³³ «Правда», 18.VII 1923.

³⁴ AAN, Prot pos. Rady Min., t. 22, k. 840. В задачу Совета обороны государства входило: решение политических вопросов, связанных с ведением войны; приспособление работы государственных и частных учреждений к требованиям войны и координация их работы; выработка планов «материальной и моральной мобилизации народа на случай войны»; снабжение армии.

такого органа могло свидетельствовать лишь о том, что в Польше милитаристские силы продолжали иметь серьезное влияние и вес.

Анализ практических действий правящих кругов Польши в отношении Советского государства показывает, таким образом, что и в 1923 г. они еще были далеки от трезвой оценки событий, происходивших на международной арене, продолжали игнорировать рост влияния Советского государства как мощного фактора мира в Европе. В этих условиях от советской дипломатии требовались постоянная бдительность и готовность к достойному отпору возможным проискам со стороны буржуазной Польши.

2

Развитие советско-прибалтийских связей и Польша

Польская дипломатия с опасением наблюдала за развитием отношений Советского государства с прибалтийскими странами. Много неприятностей ей доставляла Финляндия, где имелась оппозиция союзу с Польшей. Противникам этого союза удалось, как упоминалось выше, не допустить ратификации финским парламентом Варшавского соглашения от 17 марта 1922 г.

В 1923 г. влияние противников тесного военно-политического союза с Польшей в финском сейме и правительственных кругах отнюдь не ослабело. Этому способствовала боязнь финнов того, что союз с Польшей может вовлечь Финляндию в опасную для ее государственной независимости антисоветскую авантюру. Газета шведского меньшинства в Финляндии «Гувудстатбладе», касаясь идеи финско-польского военного союза, писала в январе 1923 г., что «Финляндии опасно быть втянутой в польско-французскую ориентацию, создавшую возможность опасных недоразумений и столкновений»³⁵.

Важным звеном в создании балтийского союза под главенством Польши должна была стать, по замыслу его организаторов, экономическая конференция в Хельсинки. На нее были приглашены Польша, Финляндия, Латвия и

³⁵ Цит. по: «Правда», 6.I 1923.

Эстония. Организаторы конференции выработывали проект единого торгового соглашения, в котором бы страны Прибалтики сообща диктовали советскому партнеру свои условия. Предполагалось, что конференция начнется без участия Советской России, а затем уже будут приглашены представители Советской страны, чтобы сообщить им о выработанных решениях.

Советская общественность внимательно следила за новыми антисоветскими планами, созревавшими в Варшаве. «Правда» в специальной статье обращала внимание своих западных соседей на недопустимость повторения опыта Гаагской конференции с ее разделением на «нерусскую» и «русскую» комиссии³⁶. «Сама по себе мысль об объединенном торговом договоре между всеми прибалтийскими государствами, с одной стороны, и Россией — с другой, является абсурдной, — писала «Экономическая жизнь». — Ведь не в интересах прибалтийских государств заключение единого договора, который был бы формальным, а не практическим, так как хозяйственные интересы в отношении России у различных балтийских государств различны»³⁷.

Советское правительство сочло нужным официально высказать свою позицию относительно плана созыва новой балтийской конференции.

В беседе с поверенным в делах Польши в Москве Кноллем, состоявшейся 1 марта 1923 г., Г. В. Чичерин еще раз обратил внимание на «постоянное стремление Польши к созданию балтийского блока». «Если Польша стремится создать такой блок, — заметил Чичерин, — у нас является полная уверенность, что развиваются какие-то планы, неблагоприятные нам»³⁸.

Открывшаяся 5 марта 1923 г. экономическая конференция прибалтийских государств в Хельсинки имела два пленарных заседания. Польскому правительству не удалось придать конференции резко антисоветский характер. Уже на первом заседании, при обсуждении повестки дня, была отвергнута предложенная представителями Польши формулировка основного вопроса как вопроса «солидарной экономической деятельности представленных на

³⁶ «Правда», 14.II 1923.

³⁷ «Экономическая жизнь», 17.II 1923.

³⁸ ДВП СССР, т. VI, стр. 215.

конференции государств по отношению к Советской России»³⁹. Представитель Финляндии министр иностранных дел Веннола подчеркнул в своем выступлении, что «Финляндия созвала экономическую конференцию для разрешения вопросов, связанных с самостоятельным существованием прибалтийских государств и той ролью посредника между Западом и Востоком, которую эти государства играют»⁴⁰.

Конференция приняла несколько резолюций: по вопросу о торговых отношениях, путях сообщения, о борьбе с контрабандой и др. В резолюции о торговых отношениях была подчеркнута необходимость так организовать работу балтийских портов, чтобы они могли справиться с возрастающим потоком транзитных грузов, идущих из России и в Россию⁴¹.

Таким образом, правящим кругам Польши на конференции в Хельсинки не удалось создать сплоченный экономический фронт прибалтийских государств, направленный против экономических интересов Советской страны. Собственные экономические интересы Финляндии, Эстонии и Латвии продиктовали правительствам этих стран неподчинение нажиму со стороны Польши и антисоветских элементов в самих балтийских странах.

Однако польское правительство продолжало усилия, направленные на то, чтобы решительно повернуть прибалтийские государства в русло антисоветской внешней политики. Это подтвердил созыв новой конференции прибалтийских государств, открывшейся в Риге 9 июля. Как свидетельствует отчет о конференции, составленный для дипломатических представительств Польши, на ней была достигнута договоренность четырех государств относительно численности морских вооруженных сил стран — участниц конференции, о координации действий на предстоящей IV ассамблее Лиги Наций, о заключении торгового договора между Польшей и прибалтийскими странами и др.

Однако общий итог конференции был скорее всего неутешительным для Польши. Ей не удалось и на этот раз добиться того, чтобы Литва примирилась с отторжением

³⁹ «Известия», 11 II 1923

⁴⁰ «Известия», 9.III 1923.

⁴¹ «Известия», 11 III 1923.

Виленщины. Не оправдалось предсказание Сейды, будто «признание восточных границ Польши, определение польско-литовской границы Советом послов окончательно решило судьбу Виленщины, что счастливо повлияет на положение в Прибалтике»⁴².

Литовский министр иностранных дел Э. Гальванаускас еще в заявлении в связи с приглашением на Рижскую конференцию заявил, что Литва не против участия в союзе балтийских государств, но никогда не сядет за один стол с представителями Польши, пока Польша оккупирует часть литовской территории⁴³.

Не добилась Польша и полной солидарности с Финляндией. Приглашение ее на конференцию в Ригу финской печатью было расценено как новая попытка польского правительства заставить Финляндию утвердить Варшавский договор от 17 марта 1922 г., отвергнутый большинством финского сейма. Финский официоз «Гельсингин саномат» отмечал в связи с этим, что Польше не удастся вовлечь Финляндию в блок, направленный против Германии, и сменить ориентацию на пропольскую. Газета предлагала правительству Финляндии открыто заявить о своем отрицательном отношении к политическому союзу с Польшей⁴⁴.

Но основным источником разногласий участников конференции по-прежнему оставалась позиция по отношению к СССР. И на этот раз Польше не удалось сделать балтийский союз послушным орудием своей антисоветской политики. Каждая из прибалтийских стран стремилась сохранить полную свободу политических и экономических сношений с Советским государством. Кроме того, существовавшее недоверие прибалтийских стран к Польше еще более усилилось, его не могла скрыть и польская печать⁴⁵. Глава польской делегации Страсбургер, возвратившись в Варшаву, также констатировал неудачу создания «тесного оборонительного союза» Польши и прибалтийских стран⁴⁶.

⁴² Цит. по: «Известия», 8.VII 1923.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: «Известия», 3.VII 1923.

⁴⁵ См.: «Robotnik», 15.VII 1923.

⁴⁶ «Известия», 17.VII 1923.

Для оценки итогов конференции весьма важным является заявление возвратившегося из Риги министра иностранных дел Финляндии Веннолы, отметившего в интервью для печати, что он «не заметил» со стороны участников конференции «вражды к России». Напротив, подчеркнул Веннола, «их намерения склоняются к установлению нормальных политических и экономических отношений с соседями»⁴⁷.

Об этом же свидетельствует и тот факт, что, когда на конференции обсуждался вопрос о созыве в недалеком будущем конференции прибалтийских стран и Польши по финансовым вопросам, представитель Эстонии предложил пригласить на нее и Советский Союз. Это предложение затем было повторено, и вице-министр иностранных дел Польши по поручению своего правительства заявил поверенному в делах Эстонии в Варшаве О. Опику, что Польша не может согласиться на приглашение СССР потому, что «состав участников предстоящей конференции уже определен»⁴⁸. Аргумент, прямо скажем, весьма неубедительный, но этот факт еще раз подтверждает постоянное стремление Польши к изоляции Советского государства и недопущению какого-либо соглашения между ним и прибалтийскими странами.

В сеймовых кругах Польши итоги Рижской конференции были расценены как крупное поражение польской внешней политики⁴⁹. Улучшение отношений прибалтийских стран с Советским государством было результатом последовательно проводимого советской дипломатией ленинского внешнеполитического курса. Несмотря на сложность контактов с Финляндией в связи с недавним конфликтом из-за Карелии, Советское правительство вело с правительством Финляндии переговоры, завершившиеся подписанием ряда соглашений. Так, 2—4 января 1923 г. состоялся обмен нотами между Финляндией и РСФСР об учреждении генерального консульства Финляндии в Петрограде и советских консульств в Выборге и Ханко⁵⁰. 5 июня 1923 г. в Москве было подписано со-

⁴⁷ «Экономическая жизнь», 18.VII 1923.

⁴⁸ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 238, k. 13.

⁴⁹ «Robotnik», 25 II 1923.

⁵⁰ «Сборник законов СССР 1925 г», отд. 1. М., 1925, № 59, ст. 422, стр. 821—822.

глашение о движении финских судов по р. Неве между Ладожским озером и Финским заливом⁵¹.

28 июля этого же года в Хельсинки было подписано соглашение о поддержании порядка в части Финского залива вне черты территориальных вод, о содержании мореходных сооружений и лоцманской службы в этом заливе⁵². 31 июля был подписан протокол о праве граждан и организаций СССР на морской промысел в Печенгской губе⁵³. Параллельно велись торговые переговоры с Финляндией в Москве. Во время Рижской конференции прибалтийских стран в Москве работала советско-финская железнодорожная конференция⁵⁴. В это же время в Риге велись советско-латвийские переговоры по вопросам, связанным с расширением транзита советских товаров через территорию Латвии⁵⁵, а также предварительные переговоры о заключении торгового договора⁵⁶. В столице Эстонии шла интенсивная подготовка к открытию русско-эстонской торговой палаты.

Руководители внешней политики Польши, потерпев неудачу с прибалтийскими странами, старались укрепить второе звено антисоветского «санитарного кордона» — польско-румынское. Отношения Польши и Румынии регулировались подписанной 3 марта 1921 г. военной конвенцией, своим острием направленной против Советского государства⁵⁷.

В конце июня 1923 г. в Польше с подчеркнутой торжественностью встречали короля Румынии. Польские власти сделали все для того, чтобы показать, сколь дружелюбно настроены поляки по отношению к румынскому монарху⁵⁸.

Мировая общественность расценила визит короля Румынии в Польшу как новую демонстрацию польско-румынского союза, направленного против СССР⁵⁹.

⁵¹ («Сборник законов СССР 1924 г.», отд. 1. М., 1925, № 16, ст. 167, стр. 219—225.

⁵² «Сборник законов СССР 1925 г.», отд. 1. М., 1925, № 20, ст. 134, стр. 247—254.

⁵³ Там же, № 12, ст. 97, стр. 163.

⁵⁴ «Известия», 11.VII 1923.

⁵⁵ «Известия», 1.VII 1923.

⁵⁶ ДВП СССР, т. VI, стр. 213.

⁵⁷ AAN, PRM, t. 14, k. 531.

⁵⁸ «Известия», 28.VI 1923.

⁵⁹ См.: «Известия», 3.VII 1923.

Во время переговоров, которые вели с польской стороны Сейда, а с румынской — прибывший в Варшаву в свите короля министр иностранных дел Дука, выяснилось полное совпадение взглядов в отношении СССР. Новым в этих переговорах была достигнутая договоренность о недопущении советско-турецкого сближения. Противовесом этому сближению должен был явиться польско-турецкий договор, переговоры о заключении которого между польской и турецкой делегациями велись на Лозаннской конференции⁶⁰.

Однако все усилия польской дипломатии сколотить антисоветские блоки не имели успеха. Последовательная миролюбивая политика Советского государства, рост его международного авторитета все больше склоняли соседние страны к улучшению отношений с СССР и расширению взаимовыгодных экономических связей.

3

Нотификация об образовании Союза ССР и Польша

Важным актом международного значения явилось законодательное оформление воли трудящихся РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР об образовании единого централизованного Советского государства.

6 июля 1923 г. сессия ЦИК утвердила Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик; на этой же сессии была утверждена Конституция СССР⁶¹. Через неделю, 13 июля 1923 г., ЦИК СССР издал декрет, в котором, обращаясь ко всем народам и правительствам мира, известил их об образовании Союза Советских Социалистических Республик и о создании в связи с этим общесоюзных государственных органов, в том числе Народного комиссариата иностранных дел и Народного комиссариата внешней торговли⁶².

НКВД РСФСР направил дипломатическим представительствам всех стран, с которыми Советская Россия

⁶⁰ ААН, Ambasada RP w Paryżu, k. 82. Договор был подписан 23 июля 1923 г.

⁶¹ Окончательно Конституция была утверждена II съездом Советов СССР 31 января 1924 г.

⁶² ДВП СССР, т. VI, стр. 382—385.

имела дипломатические отношения, ноты⁶³, в которых уведомлялось, что в связи с образованием Союза ССР и вхождением в него Российской Федерации Правительство РСФСР передает общесоюзному правительству ведение всех ее международных дел, в том числе проведение в жизнь всех заключенных ею международных договоров и соглашений⁶⁴. 23 июля аналогичную ноту Наркоминдел СССР направил дипломатическим представителям государств, аккредитованных при правительстве СССР. В ней подтверждалось, что «на НКИД СССР возложено ведение от имени Союза всех его международных отношений»⁶⁵. В ноте НКИД СССР говорилось также, что правительство СССР заявляет о своем неуклонном стремлении к дальнейшему развитию установившихся дружественных отношений в соответствии с договорами, и содержалась просьба довести все это до сведения своих правительств.

26 июля министр иностранных дел Польши Сейда в личной беседе сообщил советскому полпреду Оболенскому, что нота НКИД СССР внесена на обсуждение Совета министров и что «на будущей неделе будет дан на нее ответ»⁶⁶.

Однако при обсуждении этой ноты в правительственных кругах Польши обнаружилось, что ряд влиятельных группировок склонен к тому, чтобы вопрос о принятии к сведению нотификации НКИД об образовании СССР сделать предметом торга с Советским правительством.

Некоторые оппозиционные партии выступали даже против признания Союза ССР, мотивируя это тем, что в состав Союза входят республики, которые не участвовали в подписании Рижского мирного договора и на которые, следовательно, постановления этого договора не распространяются. Речь шла о ЗСФСР и в первую очередь о

⁶³ Аналогичные ноты НКИД УССР вручил представителям иностранных государств 16.VII в Харькове, НКИД БССР — 21.VII в Минске и ЗСФСР — 21.VII — в Тифлисе. Ноты были вручены аккредитованным в Москве представителям Германии, Австрии, Афганистана, Великобритании, Италии, Китая, Латвии, Литвы, Монголии, Норвегии, Персии, Польши, Турции, Финляндии, Чехословакии (ДВП СССР, т. VI, стр. 395).

⁶⁴ ДВП СССР, т. VI, стр. 394—395.

⁶⁵ Там же, стр. 396.

⁶⁶ САМСW, W—w 34/2, к. 318.

Советской Грузии, которую Польша вообще не хотела признавать, так как продолжала поддерживать отношения с грузинским меньшевистским «правительством».

Ряд польских газет выступил против признания СССР, одновременно обрушивая на Советский Союз новые потоки клеветы. 15 августа, например, орган пилсудчиков «Курьер поранны» выступил со статьей, в которой утверждалось, что якобы СССР был образован только для того, чтобы прикрыть «насильственную аннексию Грузии». «Нечего бояться, — говорилось в статье, — что непризнание границ нового государства или непризнание новых звеньев, входящих в состав этого государства, может юридически ослабить Рижский мирный договор или другие наши договоры с Россией. Польша должна отклонить всякие предложения России относительно заключения каких бы то ни было консульских или торговых договоров, касающихся Кавказа, и должна заявить, что не признает теперешнего положения на Кавказе»⁶⁷. Эту свою позицию орган пилсудчиков аргументировал якобы аннексией Грузии и ее принудительным вхождением в Союз. В конце статьи раскрывались истинные мотивы такой позиции: «Польша таким способом могла бы приобрести доверие Англии, для которой географическое положение Грузии небезразлично...»⁶⁸

Наконец, 31 августа Сейда пригласил к себе Оболенского и вручил ему меморандум, содержащий ответ польского правительства на нотификацию НКВД об образовании СССР. Содержание этого документа вызвало изумление даже привыкших ко всему советских дипломатов. Правительство Польши выдвинуло ряд требований к Советскому правительству, которые оно должно было выполнить взамен за признание Польшей Союза ССР.

Несмотря на то что в нотификации НКВД упоминалось о сохранении в силе всех договоров и соглашений, заключенных правительствами республик, вошедших в состав СССР, польское правительство требовало вновь подтвердить это Польше в письменной форме. Кроме того, оно требовало открытия в Харькове, Тифлисе и

⁶⁷ «Kurjer Poranny», 15.VIII 1923.

⁶⁸ Там же.

Минске при уполномоченных НКВД СССР отделений польской дипломатической миссии в Москве, которые бы пользовались всеми дипломатическими привилегиями⁶⁹. Это требование не только противоречило Конституции СССР, но и являлось несовместимым с международным правом. Далее меморандум содержал требование передвинуть срок завершения репатриации и оптации польских граждан на территории бывшей ДВР и закавказских республик до 30 апреля 1924 г.

13 сентября правительство СССР направило польскому правительству ноту, в которой указало на полную неосновательность и неуместность польских требований, так как с образованием Союза ССР сущность договорных обязательств объединившихся в Союз республик с третьими государствами не изменилась, что и было подчеркнуто в советской ноте от 23 июля.

Советская общественность была возмущена требованиями Польши⁷⁰. В польской печати тоже раздавались голоса в пользу безоговорочного признания СССР. В частности, с таким предложением выступил редактор «Речи посполитой», видный польский буржуазный публицист эндек С. Строньский⁷¹.

Однако некоторые политические деятели Польши продолжали раздувать спор вокруг этого вопроса. На заседаниях комиссии по иностранным делам сейма член фракции ППС Перль заявил, что Польша взамен за признание СССР должна потребовать от Советского правительства «полного выполнения Рижского договора»⁷². В этом же духе высказались и некоторые другие депутаты от оппозиционных партий. Лишь в ноте от 13 декабря 1923 г. правительство Польши после долгих колебаний приняло к сведению нотификацию об образовании СССР и выразило согласие поддерживать с правительством

⁶⁹ «Документы и материалы.», т. IV, стр. 244—245.

⁷⁰ см.: «Известия», 14 IX 1923

⁷¹ С. Строньский писал по поводу спора, поднятого вокруг вопроса о признании СССР: «Польша признала существующий в Советской России строй не потому, что он ей нравился, а потому, что... мир на ее восточных границах по-прежнему необходим. В случае отказа в признании был бы расторгнут Рижский договор, а с ним и налаженные были отношения между Россией и Польшей, чего добиваются сторонники Пилсудского» («Rzeczpospolita», 14.IX 1923)

⁷² «Известия», 17.XI 1923.

Союза ССР нормальные дипломатические отношения⁷³. В ответной ноте Г. В. Чичерин сообщил, что правительство СССР, «в целях дальнейшего оформления дружественных отношений» между СССР и Польшей, «предоставляет польскому правительству, независимо от подлежащей заключению консульской конвенции, право немедленного открытия генеральных консульств в Харькове и Минске»⁷⁴. Правительство СССР изъявило готовность «урегулировать самым дружественным образом» вопросы об оптации и репатриации.

И здесь благодаря гибкой и последовательной политике советской дипломатии у правящих кругов Польши была отнята возможность использования вопроса о признании Союза ССР в качестве средства борьбы против нормализации советско-польских отношений.

⁷³ ДВП СССР, т. VI, стр. 542—543.

⁷⁴ Там же, стр. 542.

Глава четвертая

ВЫПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО РИЖСКОМУ ДОГОВОРУ (1923—1924 гг.)

1

Восстановление торгово-экономических связей между СССР и Польшей

Под руководством Коммунистической партии рабочий класс СССР в союзе с трудовым крестьянством уже в 1923 г. добился первых ощутимых успехов в восстановлении народного хозяйства.

Важнейшими вехами на пути социалистического строительства были XI и XII съезды РКП(б), принявшие ряд решений, направленных на подъем сельского хозяйства, увеличение промышленного производства, развитие торговли, на укрепление союза рабочих и крестьян.

В области внешней политики Советское правительство продолжало налаживать мирные, деловые взаимоотношения с капиталистическими странами, среди которых Польша занимала весьма важное место. Помимо развития товарообмена, широкие перспективы развития мог иметь взаимный транзит товаров, в котором нуждались обе стороны и который Польше сулил немалые выгоды, так как по ее территории пролегли традиционные линии русского транзита на Запад и обратно. Через советскую территорию Польша могла иметь кратчайший путь для транзита в Иран, с которым она стремилась развивать торговлю.

Однако, несмотря на Рижский мирный договор, предусматривавший заключение торгового соглашения, составной частью которого должно было явиться соглаше-

ние о транзите, польское правительство всячески уклонялось от переговоров. Как уже упоминалось, начавшиеся было в марте 1922 г. торговые переговоры вскоре были прерваны по вине польской стороны, не желавшей мириться с фактом существования в Советском государстве монополии на внешнюю торговлю.

Отсутствие регулярных торговых связей между Польшей и советскими республиками вызывало недовольство в польских торгово-промышленных кругах.

Своеобразной демонстрацией польских деловых кругов, ратовавших за развитие торговых связей с советскими республиками, явилась Киевская контрактная ярмарка, которая открылась впервые после войны в феврале 1923 г. и длилась целый месяц. Заявки на участие в ярмарке поступили от более чем 200 польских фирм¹. Их представители встретили в Советской стране радужный прием, им были созданы все условия для заключения взаимовыгодных сделок. Советская печать оживленно комментировала начало развития советско-польских торговых связей. «Экономическая жизнь», приветствуя этот факт, подчеркивала значение для обеих стран «поворота к мирному сотрудничеству, к восстановлению прерванных войной связей, к которым стремятся польские торгово-промышленные круги, несмотря на военные замыслы, созревающие в головах господствующей в Польше помещичье-генеральской клики»². Готовность к развитию товарообмена, проявленная с советской стороны, была встречена польскими торговцами и промышленниками с энтузиазмом. В частности, прибывший на открытие ярмарки многолетний устроитель и председатель Львовской международной ярмарки М. Турский в интервью для польской печати подчеркнул, что советские торговые организации «горячо желают установления как можно более широких торговых связей с Польшей»³. Однако польские власти опять стремились помешать установлению контактов польских фирм с советскими торговыми организациями. В результате уже перед открытием Киевской ярмарки число польских заявок с 200 со-

¹ Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych (далее — CAMSW), W—w, 65, k. 152

² «Экономическая жизнь», 27.IV 1923.

³ «Przemysł i Handel», 1923, N 7.

кратилось до 35, а фактически участвовали в ярмарке только 23 польские фирмы⁴.

Наряду с потребностью расширения товарооборота с Польшей для СССР в 1923 г. остро встал вопрос о транзите, так как реализация намеченной партией и правительством программы восстановления и развития народного хозяйства требовала расширения экономических связей со странами Западной Европы.

Поэтому Советское правительство самым доброжелательным образом отнеслось к сообщению польской миссии в Москве, последовавшему 10 февраля 1923 г., о согласии правительства Польши приступить «в ближайшее время» к переговорам о заключении торгового договора⁵.

1 марта 1923 г. Чичерин пригласил на беседу польского поверенного Кнолля и выразил пожелание, чтобы «на имеющуюся начаться торговую конференцию было обращено самое серьезное внимание»⁶. При этом он высказал опасение, что польские правящие круги вновь попытаются помешать успешному ходу и завершению торговых переговоров. Признаки этого уже появились: после прибытия польской делегации в Москву выяснилось, что глава ее не имеет соответствующих полномочий на заключение торгового договора⁷. Член коллегии НКВД Я. Ганецкий заметил польскому поверенному в Москве Р. Кноллю, что ввиду отсутствия у польской делегации достаточных полномочий «он не видит со стороны польского правительства подлинного желания заключить договор»⁸. Кнолль вынужден был признать, что его правительство намерено вести всего лишь «предварительные переговоры», и тут же заявил, что поскольку произошло недоразумение, не позволяющее начать переговоры, то он обратится к своему правительству с предложением

⁴ «Экономическая жизнь», 21.IV 1923.

⁵ «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР), т. VI. М., 1962, стр. 188.

⁶ Там же, стр. 214.

⁷ Деятельность главы польской делегации В. Фабержевича в Москве, согласно указаниям и. о. министра торговли и промышленности Страсбургера, должна была заключаться главным образом в сборе информационных материалов, касающихся советской экономики («Документы и материалы...», т. IV. М., 1966, стр. 219).

⁸ Там же, стр. 220.

отозвать обратно уже прибывшую в Москву делегацию, «оставляя вопрос о дальнейшем обсуждении этой проблемы открытым»⁹. Это означало новую оттяжку. Как свидетельствует Кнолль, «Ганецкий горячо запротестовал против возможного отъезда делегатов и предложил, чтобы мы согласились на расширение наших полномочий»¹⁰. Кнолль обещал Ганецкому передать своему правительству советское пожелание. Он действительно в осторожной форме, в донесении МИД выразил свое положительное отношение к вопросу о расширении полномочий польской делегации с одновременным усилением ее состава путем включения чиновников соответствующего ранга. Однако это пожелание Кнолля не было принято во внимание.

Переговоры о торговом договоре возобновились лишь 9 марта. Советскую делегацию возглавлял П. Л. Войков, работавший в то время членом коллегии Народного комиссариата внешней торговли РСФСР. С польской стороны участвовали: представитель министерства промышленности и торговли В. Фабержевич, торговый советник польской миссии в Москве Лонцкий и торговый советник в Харькове Ружицкий.

В течение марта состоялись четыре заседания, прошедших в дискуссиях о программе работ конференции и обсуждении в общих чертах вопросов товарообмена и транзита. Причем, как лаконично сообщали «Известия» об итоге почти месяца работы, «...обе стороны обменялись проектами, касающимися этих вопросов»¹¹.

Советская печать, желая создать для переговоров спокойную обстановку и тем способствовать их успеху, старалась не выпячивать трудностей, с которыми встретились делегации. Так, «Известия» сообщали 29 марта, что «работа конференции протекает в деловых тонах... Некоторое замедление в работах конференции объясняется как не полным составом польской делегации, так и необходимостью получения ею дополнительных инструкций из Варшавы».

Необходимо отметить, что возглавлявший польскую дипломатическую миссию в Москве пилсудчик Р. Кнолль

⁹ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 219.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Известия», 21.III 1923.

не только не способствовал успеху торговых переговоров, но даже стремился к их срыву.

В письме министру Г. Страсбургеру от 23 марта 1923 г. Р. Кнолль рекомендовал не слишком ввязываться в переговоры, «результат которых является весьма сомнительным», и советовал проявлять сдержанность и осторожность¹².

В ходе переговоров возникли серьезные разногласия по вопросу о транзите, а также о применении принципа наибольшего благоприятствования¹³, т. е. по тем же вопросам, которые были предметом разногласий и во время переговоров 1922 г. В результате через месяц после начала, в апреле 1923 г., переговоры опять были прерваны.

Изменения в составе польского правительства, происшедшие в конце мая 1923 г., в частности, приход к руководству внешней политикой лиц, близко стоявших к торгово-промышленным кругам, создавали определенные предпосылки для пересмотра политики относительно СССР в области экономических связей.

И действительно, 19 июня министр иностранных дел М. Сейда направил поверенному в Москве Р. Кноллю секретную инструкцию, ориентировавшую на некоторое смягчение прежнего жесткого курса. Польскому поверенному поручалось нанести визит Г. В. Чичерину и высказать ему пожелание о возобновлении торговых переговоров.

Основной же целью визита должно было быть требование ускорить выполнение советской стороной ее обязательств, вытекающих из Рижского договора.

Кнолль встретился с Чичериным 18 июня и изложил польские предложения в соответствии с инструкцией своего министра. Польша хотела побыстрее получить от Москвы золото и драгоценности, отправка которых была задержана Советским правительством в связи с возобновившимися весной и летом 1923 г. набегами на пограничные советские районы контрреволюционных банд, поддерживаемых польскими властями¹⁴. Этой мерой Совет-

¹² AZNP, Sygn. 261/1—2, k. 104.

¹³ «Годовой отчет НКВД за 1923 год II съезду Советов СССР». М., 1924, стр. 64.

¹⁴ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 239.

ское правительство стремилось вынудить польское правительство покончить с поддержкой и вооружением антисоветских банд, наносивших своими налетами значительный материальный ущерб Советскому государству и населению пограничных районов.

Чичерин заявил Кноллю, что Советское правительство готово лояльно выполнить свои обязательства и готово приступить к окончательному расчету, но с учетом советских контрпретензий и при условии готовности Польши к компенсации за нанесенный бандами ущерб. В ответ он услышал заявление Кнолля, что польское правительство отвергает встречные претензии СССР¹⁵. Неделю спустя состоялась встреча польского поверенного членом коллегии НКВД В. Я. Коппом, который передал мнение Советского правительства о желании возобновить торговые переговоры, связав этот вопрос с вопросом о реализации обеими сторонами обязательств по Рижскому договору¹⁶. В случае согласия польского правительства на такие переговоры, их ведение с уполномоченным Польши поручалось полномочному представителю СССР в Польше Л. Оболенскому. Это предложение, с помощью которого можно было выйти из тупика, также было отвергнуто Кноллем.

Таким образом, по вине Польши предварительный обмен мнениями обеих сторон не привел к началу переговоров летом 1923 г.

Удобным поводом для развития экономических связей могла быть Всероссийская сельскохозяйственная выставка в Москве, открытие которой намечалось на осень 1923 г. Приглашение на участие в выставке, направленное польским фирмам, было принято ими с удовлетворением. Однако, воспользовавшись делом польских ксендзов, польское правительство приняло решение бойкотировать выставку¹⁷. Этот бойкот вызвал недовольство в польских торгово-промышленных кругах, связывавших

¹⁵ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 239.

¹⁶ Там же, стр. 238.

¹⁷ В ответ на антисоветскую кампанию, развернутую в Польше в связи с делом ксендзов, Главный выставочный комитет со своей стороны принял решение о запрещении польским фирмам участвовать в выставке. Однако, учитывая просьбу ряда польских фирм, запрет вскоре был снят (см.: «Известия», 15 VIII 1923).

с участием в выставке надежды на установление торговых связей с Советской страной.

Вернувшийся в Москву в начале августа советский торгпред в Польше Федоров в беседе с корреспондентом «Известий» отмечал:

«Нам все время приходится работать при полном недоброжелательстве со стороны польского правительства. Под влиянием такого недоброжелательства пришлось прервать нашу подготовительную работу по привлечению польских промышленников к участию на сельскохозяйственной выставке. Однако, несмотря на запрещение польского правительства участвовать в выставке, многие местные фирмы стремятся попасть на нее. В некоторых отдельных случаях по соглашению с Главным выставочным комитетом мы разрешаем польским фирмам высылать свои экспонаты»¹⁸.

Действительно, ряд польских фирм обратился с просьбой о разрешении участвовать во Всероссийской сельскохозяйственной выставке. В Главный выставочный комитет поступили телеграммы с такой просьбой от заводов Штейнберга, Фогельместа, Суходневского, Ясиньского, Серковского и др.

Главный выставочный комитет, приняв во внимание просьбы фирм, счел возможным допустить польские фирмы к участию в выставке¹⁹.

21 августа торгпред СССР в Польше Федоров направил председателю Совета министров Польши, министру торговли и промышленности, министру иностранных дел и некоторым другим государственным и общественным деятелям приглашения в качестве почетных гостей посетить выставку в Москве²⁰.

В Варшаве торгпредством было открыто Бюро выставки, дававшее подробные консультации относительно оформления поездки. Для членов крестьянских организаций предоставлялись льготы²¹. Приглашались все

¹⁸ «Известия», 4.VIII 1923.

¹⁹ см.: «Известия», 15.VIII 1923.

²⁰ см.: «Известия», 1.IX 1923. Однако никто из членов польского правительства выставку не посетил. Секретарь личной канцелярии министра иностранных дел Сейды прислал в советское торгпредство письмо с выражением благодарности за приглашение.

²¹ «Tygodnik Robotniczy», 29.IX 1923.

хозяйственные, торговые и другие организации. Участникам поездки предоставлялась возможность посетить не только Москву, но и ряд губерний.

Выставка открылась 19 августа. В ней приняли участие фирмы прибалтийских стран, Польши, а также Германии, Австрии, Голландии, Англии, Франции, Швеции, Дании, США.

По той причине, что вопрос о допуске польских фирм на выставку был положительно решен польскими властями лишь незадолго до ее открытия, польские экспонаты прибыли в Москву с некоторым опозданием. Это вызвало спешку, и польские фирмы не смогли в полном объеме представить образцы своей продукции. Характеризуя участие своих фирм на Всероссийской выставке, польская миссия в Москве сообщала 14 октября 1923 г. в МИД, что «ни одна из серьезных фирм не участвовала на выставке как самостоятельное целое...» и что «...все польские экспонаты производили впечатление случайно собранного разнородного товара и свидетельствовали не о мощи польской промышленности, а о том, чем торгует товарищество «Дава-Бритополь» и другие торговые товарищества. Стоя на почве возможно более широкого поддержания торговых отношений с Россией, можно не сомневаться, что такого рода экспонирование товаров польской промышленности будет нам только во вред»²².

Всего на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве участвовало девять польских фирм. Наиболее крупным экспонентом было смешанное варшавско-гданьское акционерное общество «Дава-Бритополь». Оно экспонировало товары тех фирм, представительства которых имелись в СССР. Благодаря этому на выставке были неплохо представлены фабрика Серковского, производившая и реализовавшая на советском рынке лампы, примусы, железное литье, фирма «Франашек» — обои и бумагу для печатных машин, акционерное общество «Церата» — обои, клеенку, акционерное общество «Аарон из Томашева» — ручные сверлильные станки, фирма «Британия» — металлические ложки, ножи и вилки, фирма «Прошавер» — оковы для дверей и окон, гродненский

²² Archiwum Akt Nowych (далее — AAN), Ambasada RP w Moskwie, t. 52.

завод сельскохозяйственных машин Фейнгольда — веялки, плуги, конные приводы. Кроме того, общество «Дава-Бритополь» экспонировало товары, которые само вывозило из Польши в советские республики: образцы бумаги в бобинах Мирковской фабрики, железные повозки Сосновецкой фабрики, чай фабрики Эвига, карандаши фабрики Маевского и т. д.²³

Об интересе, который проявляли деловые круги Польши к торговле с СССР, свидетельствуют старания организаторов Львовской ярмарки привлечь на нее советские товары. Как сообщал торгпред Федоров, его посетил один из директоров ярмарки и обещал отвести советским экспонатам лучшие места в главном павильоне²⁴.

В беседе с представителями советской печати председатель Львовской ярмарки М. Турский заявил: «Львовская ярмарка строилась в расчете на торговлю с Советской Украиной. Львов по своему географическому положению как бы создан быть сухопутным портом между Западом и Востоком. Львовская и Киевская ярмарки должны взаимно дополнять друг друга и в дальнейшем будут работать в полном контакте... Отсутствие до сих пор торгового договора между Россией и Польшей, само собой разумеется, отражается отрицательно на торговых взаимоотношениях стран, в частности на Львовской ярмарке. Ошибка дипломатов, оттягивающих заключение договора, заключается в том, что они склонны из мелочей создавать крупные проблемы. На самом деле, к полному урегулированию взаимоотношений никаких препятствий нет. Польские промышленники и торговцы должны в собственных интересах желать скорейшего устранения всех недоразумений между нашими государствами. Я уверен, что необъятная Россия скоро станет могущественным потребителем и экспортером. Тот, кто раньше сумеет укрепить свое торговое влияние в России, тот, конечно, выиграет. Об этом я уже заявил на контрактной ярмарке в Киеве и впоследствии писал на страницах польских газет»²⁵.

²³ Там же.

²⁴ см.: «Известия», 4.VIII 1923. Федоров беседовал, по-видимому, с М. Турским, который являлся горячим поборником расширения торговых связей между Польшей и СССР.

²⁵ «Известия», 7.IX 1923.

Большую работу по развитию торговых связей с Польшей проводило советское торгпредство в Варшаве. В июле 1923 г. советский торгпред Федоров выезжал в Познань в связи с открывшейся там сельскохозяйственной выставкой. В Познани он встречался с представителями фирм, ранее поставлявших свою продукцию на русский рынок. «Заинтересованность этих фирм в установлении с нами торговых отношений весьма велика», — писал Федоров в своем отчете об этой поездке²⁶.

Работники советского торгпредства летом 1923 г. выезжали в Катовице, где тоже обнаружили стремление промышленников Верхней Силезии наладить поставку руды из Советской страны. Особенный интерес здесь проявляли к высококачественной криворожской руде. Советское торгпредство предложило дирекции металлургического завода «Гута Бисмарк» поставить пробную партию криворожской руды — 15 тыс. т²⁷. Предложение было принято. Все это, несомненно, во многом способствовало созданию атмосферы, благоприятствующей торговым переговорам.

Заинтересованность Советского правительства в переговорах диктовалась еще и тем, что благоприятное развитие экономических связей с Польшей и другими соседними государствами могло бы стать мощным фактором упрочения мира в Восточной Европе.

Это приобретало особенно важное значение в обстановке обострения франко-германских отношений и в связи с назреванием революционных событий в самой Германии. Тот факт, что Советский Союз являлся самым сильным государством в Восточной Европе, накладывал на него и особую ответственность за сохранение мира.

Можно было не сомневаться, что контрреволюционные силы в Германии в случае развития революции попытаются прибегнуть к помощи империалистов, в частности Франции. В этом случае Польша, связанная с Францией военным союзом, тоже не осталась бы в стороне.

²⁶ Архив Министерства внешней торговли СССР (далее — АМВТ СССР), ф. «Экономика Польши», оп. 11049, д. 7, л. 2. В отчете отмечалось также, что «некоторые из этих фирм выражали сожаление по поводу своего неучастия во Всероссийской сельскохозяйственной выставке».

²⁷ Там же.

В связи с событиями в Германии польское правительство снова стало чинить всевозможные препятствия попыткам СССР урегулировать вопрос о транзите. Летом 1923 г. советский Внешторг заключил с правительством Германии соглашение о продаже ей 20 млн. пудов зерна, основную часть которого предполагалось транспортировать по железным дорогам Польши. 17 июля 1923 г. советский полпред в Германии Н. Н. Крестинский вел переговоры с польским посланником в Берлине А. Ольшевским, пытаясь через него добиться согласия на свободный транзит зерна и на подписание общего соглашения о транзите²⁸. Однако польское правительство не дало определенного ответа²⁹.

Нечего и говорить, что такие действия вызывали в СССР беспокойство.

«Мы становимся на ноги в значительной мере благодаря восстановлению нашего товарооборота с границей,— писала «Правда».— При международных потрясениях не исключены попытки блокады, которая для нас представляла бы существенную экономическую опасность. Прежде всего от этого страдал бы крестьянин, который не мог бы вывозить своего хлеба на европейские рынки. В особенности важным поэтому является здесь вопрос о транзите наших товаров через Польшу в Германию и обратно, из Германии в Россию. Без такого транзита экономическому благосостоянию у нас... был бы нанесен крупнейший удар. Само собою разумеется, что без мира нет и транзита. Поэтому мы должны решительно отстаивать дело мира... Вот почему мы с особой настойчивостью должны требовать реальных

²⁸ ААН, Р. III, т. 347, к. 4.

²⁹ ААН, Akta St. Kauczika, т. 11, к. 4. В записке министерства промышленности и торговли о транзитной политике Польши говорилось, что ввоз зерна в Германию увеличил бы ее боеспособность. Согласно же пункту 4 статьи XXII Рижского договора, Польша при произвольном толковании его может все продовольственные грузы, следующие из Советской страны через Польшу, квалифицировать «с точки зрения политико-экономической конъюнктуры». 28 августа 1923 г. Сейда писал Кноллю в ответ на его сообщение о настоящих Советского правительства разрешить транзит через Польшу в Германию продовольственных грузов, что Польша должна остерегаться всего того, что способствовало бы «советизации Германии», так как «советизация... сомкнула бы вокруг Польши кольцо большевизма» (АЗНР, 261/1—2, к 23).

гарантий мира, добиваться того, чтобы Польша сохраняла основы мира по отношению к Германии и по отношению к нам. Война Польши с Германией создала бы для нас чрезвычайные трудности. Она не только наносила бы удар революционному пролетариату Германии, но она закрыла бы выход крестьянскому хлебу в Европу и сделала бы невозможной доставку иностранного плуга к нам»³⁰.

В Польше и прибалтийских государствах считали, что Советский Союз не останется в стороне от германских событий и придет на помощь германскому революционному пролетариату.

У Советского правительства тоже существовало опасение, что Польша под предлогом предупреждения советского выступления совершила бы вторжение в пределы Германии. Требовалось предпринять такие шаги, которые рассеяли бы подозрения о намерении СССР вооруженным путем вмешаться в германские дела, и одновременно сделать все возможное для локализации военного пожара, могущего вспыхнуть в Европе. «Мы думаем,— говорилось в отчете НКВД за 1923 год,— что если мы дадим Польше и другим лимитрофам надлежащие заверения, что мы будем до конца миролюбивы, если и они проявят такое же миролюбие, то они отбросят от себя опасные подозрения и, во всяком случае, лишатся удобного предлога для нарушения мира вообще»³¹.

В начале октября член коллегии НКВД В. Копп в предварительном порядке беседовал с польским поверенным в Москве Р. Кюллем, интересуясь возможностью заключения с Польшей соглашения о транзите, и по другим важным для обеих сторон вопросам.

По поручению правительства СССР во второй половине октября 1923 г. Копп выехал в столицы прибалтийских государств. Ему поручалось в личных беседах с руководителями внешней политики выяснить, будут ли они готовы пойти с Советским Союзом на соглашение, обеспечивающее мир в случае кризиса в Германии. Речь шла об обязательстве сохранять нейтралитет по

³⁰ «Правда», 17.XI 1923.

³¹ «Отчет НКВД за 1923 год II съезду Советов СССР». М., 1924, стр. 41.

отношению к Германии и предоставлять друг другу свободный транзит через свою территорию из Германии и в Германию³². Как видим, Советское правительство не предлагало своим соседям брать на себя никаких новых обязательств, кроме тех, которые уже содержались в заключенных ранее двусторонних мирных договорах. Предлагая это своим прибалтийским соседям, Советское правительство давало гарантию, что и оно будет сохранять точно такой же режим³³.

В отчете НКВД о результатах поездки Коппа в столицы прибалтийских государств говорится: «Успех миссий Коппа, казалось, превзошел все ожидания: в Ревеле, Риге и Ковне он встретил самый радушный прием и получил сразу принципиальное согласие на нашу формулу со стороны соответствующих министров иностранных дел»³⁴.

Следует сказать, что со стороны Польши предпринималась попытка если не сорвать переговоры Коппа в государствах Прибалтики, то по крайней мере не допустить принятия ими какого-либо согласованного решения без ее ведома. Как только в Варшаве стало известно о поездке Коппа в Прибалтику, МИД Польши дал указание своим дипломатическим представительствам в Ревеле и Риге внушить эстонским и латвийским дипломатам «быть осторожными» во время переговоров с Коппом. 27 октября польский поверенный в делах в Риге встретился с министром иностранных дел Мееровицем, который сообщил, что Советское правительство поручило Коппу добиться от прибалтийских государств заверения об их невмешательстве во внутренние дела Германии, а также «точного выполнения договора о транзите, так как осуществление прибалтами экономической блокады Германии Советское правительство рассматривало бы как «казус белли». Мееровиц сказал, что «нейтралитет Латвии само собой разумеется, тран-

³² Там же, стр. 43.

³³ Польское правительство было в курсе переговоров Коппа с представителями прибалтийских государств. Как сообщал, например, посланник Польши в Риге, Копп заверил правительство Латвии, что Россия не хочет войны, и категорически опроверг слухи о том, что якобы Россия сконцентрировала войска у польской границы (*K Kumaniecki. Odbudowa państwowości polskiej...*, стр. 729).

³⁴ «Отчет НКВД за 1923 год II съезду Советов СССР», стр. 43.

зит регулируется мирным договором, а что касается пакта о ненападении, то Латвия занимает солидарную позицию прибалтийских государств, принятую на Московской конференции, и если Копп намерен расколоть Балтийский союз, то это дело безнадежное». Со своей стороны польский поверенный заявил Мееровицу, что «всякие эвентуальные попытки Коппа делать какой-либо нажим мы пресечем решительно»³⁵.

Правительство Польши хотело создать у западных держав искаженное представление о позиции и намерениях правительства СССР. Так, министр иностранных дел Сейда писал своему поверенному в Лондоне Цехановскому 11 октября 1923 г., что якобы Москва в связи с событиями в Германии «ведет соответствующую подготовку для нажима на Латвию и Эстонию для получения свободного сообщения через территории этих государств с Восточной Пруссией»³⁵.

Однако в Лондоне не приняли всерьез этих фантастических измышлений. Цехановский сообщил Сейде 13 октября, что «Форин Оффис не имеет подтверждений наших опасений»³⁷. Несколько позже посланник Англии в Варшаве М. Мюллер сообщал своему правительству, что «на днях в Варшаву прибывает Копп, который перед тем заедет в Ригу и Ковно». Мюллер подчеркивал значение этих визитов в создавшейся обстановке. «Я убежден,— писал М. Мюллер,— что опасения польского правительства в связи с поездкой Коппа и эвентуальными предложениями, которые он везет в Варшаву, являются искренними, но еще нельзя выяснить, насколько они обоснованы»³⁸.

Тем не менее министерство иностранных дел Англии вело в Польше интриги против СССР. В дни, предшествовавшие приезду Коппа в Варшаву, начальник Восточного отдела Форин Оффис пригласил польского поверенного на беседу и от имени своего министерства предупредил, что переговоры с Коппом будут «трудными» и «потребуют много осторожности и даже решительности» со стороны Польши. Вместе с польским поверенным он

³⁵ AAN, P III, t. 417, k. 67.

³⁶ AAN, P. III, t. 416, k. 8.

³⁷ Там же, л. 9.

³⁸ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 258, k. 20,

изучил статью XXII Рижского договора и нашел возможность ее обойти. Он посоветовал «не допустить транзита российских товаров под предлогом отсутствия вагонов либо по другим техническим причинам, связанным с железнодорожными перевозками»³⁹.

В тот же день Сейда вновь писал Цехановскому, для сообщения правительству Англии, что, «учитывая скрытые цели СССР, правительство Польши, не уклоняясь от переговоров с ним, будет так их вести, чтобы можно было в любой момент прервать их без позитивного результата»⁴⁰. В заключение польский министр излагал позицию Польши на переговорах с советским представителем: затягивать переговоры, «продуктивность которых исключена», и в то же время поддерживать теснейший контакт с Западом, в первую очередь с правительством Англии⁴¹.

Об этих директивах Сейды Цехановский немедленно информировал правительство Англии. 29 октября он доносил в Варшаву, что вновь был принят в Форин Оффис, и там ему сообщили мнение Керзона: Польша правильно наметила тактический план на предстоящих переговорах с Коппом⁴². Одновременно в английском МИД посоветовали правительству Польши «проявить решительность и твердость в переговорах с Коппом»⁴³.

Англия стремилась добиться согласия правительств прибалтийских государств действовать заодно с Польшей. В эти дни в Лондоне дипломатических представителей Литвы, Латвии, Эстонии то и дело приглашали для бесед⁴⁴.

Советник советского полпредства в Германии С. Раевский в начале октября 1923 г. ездил в Варшаву с целью выяснения позиции польского правительства относительно предстоящих переговоров Коппа. Раевский имел встречу с находившимся в то время в Варшаве польским послом в Риме А. Залесским и через него

³⁹ Там же, л. 20.

⁴⁰ Там же, л. 13.

⁴¹ Там же, л. 15.

⁴² AAN, P. III, t. 47, k. 74.

⁴³ Там же, л. 72.

⁴⁴ Там же, л. 74. Цехановский сообщал, что посланнику Литвы Т. Нарушевичу в Форин Оффис советовали вообще уклониться от переговоров с советскими представителями по этим вопросам.

попытался прозондировать вопрос о принципиальном согласии польской стороны на эти переговоры.

Как говорится по этому поводу в одном из документов польского МИД, речь шла «о свободном транзите зерна для германского пролетариата». Залесский, выяснив вопрос у министра, сообщил Раевскому, что «Польша готова на этой основе вести переговоры»⁴⁵.

Тем временем в Москве имели место новые встречи Коппа с Кноллем. Кнолль подробно информировал свое правительство о предстоящем визите Коппа и о вопросах, которые будут составлять предмет переговоров. Польский МИД в свою очередь информировал обо всем МИД Франции, в тенденциозном свете изображая намерения Советского правительства. Так, 20 октября Сейда сообщал посланнику Польши в Париже Замойскому о якобы имевшей место концентрации советских войск в «Литовском коридоре» и что якобы «Советы угрожают Польше и Франции тем, что хотят соединиться с Германией»⁴⁶.

«Эти планы опасны не только Польше, но и державам Антанты, — писал далее Сейда. — Советские предложения польское правительство оставило без ответа. Однако предложения относительно транзита основаны на статье XXII Рижского договора и без оговорок оставляют за Советами право транзита в Германию через Польшу всяких товаров (кроме оружия), а значит и зерна... Поэтому трудно вообще уклониться от переговоров с Россией на эту тему, даже официальных». Однако, «отдавая себе отчет в том, какое значение будет иметь снабжение Германии продовольствием, особенно в решающий момент, польское правительство будет как можно дольше играть на проволочке и выполнение своего обязательства... будет ставить в зависимость от выполнения Советами обязательств по Рижскому договору»⁴⁷. Сейда поручал

⁴⁵ ААН, Р III, т. 47.

⁴⁶ ААН, Ambasada RP w Paryżu, т. 258, к. 8—12. Сведения, поступившие в Париж из Польши о росте мнимой «советской угрозы», были настолько фантастичными, что МИД Франции счел нужным успокоить польское правительство, сообщая Замойскому для передачи в Варшаву, что «непосредственной опасности вооруженного выступления Советов в настоящее время не существует» (там же, л. 16).

⁴⁷ Там же, л. 10.

посланнику сообщить обо всем этом в МИД Франции, а затем передать его мнение в Варшаву.

Польша надеялась и на то, что развитие событий в Германии ускорит окончательное решение Франции о предоставлении Польше военного кредита в сумме 400 млн. франков. Сейда поэтому поручил Замоискому «поторопить Францию с предоставлением кредита». Кроме того, Польша просила Францию «выслать эскадру в Гданьск в целях демонстрации» и «сделать нажим на чехов, не желающих пропускать оружие, идущее транзитом в Польшу»⁴⁸.

Накануне приезда Коппа в Варшаву там состоялось специальное заседание политического комитета Совета министров. На заседании была выработана директива, которой должна была придерживаться польская делегация на переговорах с Коппом. Предвидя постановку Советским правительством вопроса о транзите, директива предписывала дать согласие Польши на выполнение статьи XXII Рижского договора под условием «взаимного выполнения обязательств по договору»⁴⁹. Относительно возможного предложения Коппа заключить пакт о ненападении директива предписывала заявить советскому представителю, что «мы стоим на позиции, занятой нашей делегацией на Московской конференции по разоружению, а потому, поскольку у нас имеется с Россией мирный договор, считаем заключение подобного пакта излишним»⁵⁰. Решение политического комитета было сообщено в Бухарест, Лондон, Париж, Ревель и Ригу с целью скоординировать действия правительства Польши с правительствами перечисленных государств. При этом имелось в виду прежде всего одобрение позиции Польши Лондоном и Парижем.

В конце октября 1923 г. В. Копп прибыл в Варшаву. 28 октября состоялась первая беседа его с уполномоченным польского правительства М. Сейдой, который перед этим стал вице-министром иностранных дел, уступив министерское кресло лидеру той же партии эндеков Р. Дмовскому⁵¹. Советский представитель начал беседу

⁴⁸ Там же, лл. 11—12.

⁴⁹ AAN, P. III, t. 417, k. 51.

⁵⁰ Там же, л. 52.

⁵¹ В беседе принимали участие: с польской стороны — директор Политического департамента МИД Кузьмицкий, с советской — пол-

с вопросов выполнения Рижского договора. Коппом были выделены четыре вопроса, наиболее актуальных и важных для обеих сторон: торговый договор, транзит, финансовые расчеты, персональный обмен. Обсуждение этих вопросов должно было завершиться подписанием специального протокола, проект которого В. Копп и представил польской стороне во время второй встречи с Сейдой 29 октября.

Проект протокола состоял из краткой преамбулы, трактовавшей о необходимости взаимного невмешательства во внутренние дела договаривающихся сторон и во внутренние дела других государств, и шести пунктов. Первый пункт касался важнейшего из еще неурегулированных вопросов — о транзите. «В развитие заключающихся в статье XXII Рижского мирного договора положений о праве транзита, — говорилось в нем, — договаривающиеся стороны соглашаются немедленно предоставить друг другу... свободный транзит по железнодорожным и водным путям через все пограничные пункты, по которым и через которые совершается перевозка их собственных товаров в страны назначения»⁵². Проект предусматривал немедленное подписание особого транспортного соглашения, составляющего неразрывное целое с протоколом и имеющего чисто экономический характер. Это соглашение должно «гарантировать обеим сторонам свободный транзит, совершенно независимо от внутренних политических условий в странах назначения их обоюдного экспорта»⁵³.

Что касается финансовых обязательств правительства СССР, то в соответствии со статьей XIII Рижского договора проектом (пункт III) предусматривалось заключение особого финансового соглашения, составляющего неразрывную часть протокола и «устанавливающего конкретный срок уплаты правительством СССР причитающейся с него суммы в золотых рублях»⁵⁴.

Исходя из предположения, что в скором времени будет заключен советско-польский торговый договор, в про-

номочный представитель СССР в Польше Л. Оболенский (CAMSU. W—w, 34/2, к. 170).

⁵² «Документы и материалы...», т. IV, стр. 251.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, стр. 252.

екте протокола (пункт IV) подчеркивалось, что торговый обмен будет основываться на принципе «...наибольшего благоприятствования по отношению к таможенному обложению товаров обоюдного экспорта и чтобы еще до заключения упомянутого торгового договора на обоюдные товары был распространен таможенный режим, применяемый к странам, относительно которых действует принцип наибольшего благоприятствования»⁵⁵.

Далее проектом (пункт V) предусматривалось осуществление в самое ближайшее время персонального обмена, причем правительство СССР соглашалось включить в полный список всех лиц, осужденных по делу Цепляка.

Протоколом не отменялись никакие существующие между подписавшими его сторонами договорные соглашения. Что же касается прочих, не вошедших в данный протокол взаимных обязательств по Рижскому договору, то относительно них предусматривалось заключение в ближайшее время особого соглашения.

Польский представитель вначале на словах положительно отнесся к советскому проекту. Однако при детальном обсуждении пунктов проекта он пытался заменить точные и исключающие недоразумения формулировки расплывчатыми и неопределенными. Так, вместо всеобъемлющего торгового договора Сейда предпочел составить вначале некий «малый торговый договор», охватывающий «срочные и важные вопросы», а остальные вопросы пока отложить⁵⁶. По вопросу о транзите Сейда ставил выполнение статьи XXII Рижского договора в зависимость от урегулирования польско-германских отношений. Он отказался также от принятия ясного и четкого заявления об обеспечении транзита независимо от внутренних политических условий в странах назначения советского экспорта⁵⁷.

Сейда неоднократно отмечал, что Польша не намерена вмешиваться во внутренние дела Германии и разрывать, таким образом, экономические и политические связи между СССР, Польшей и Центральной Европой. В то же время он отказался письменно закрепить это

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, стр. 249.

⁵⁷ Там же, стр. 249—250.

заявление, объясняя нежеланием польского правительства вносить в экономический вопрос политический момент⁵⁸.

Советское правительство, разумеется, не могло ограничиться включением в протокол расплывчатых формулировок, не заключающих в себе действительных гарантий упрочения мирных отношений. Подписание протокола, таким образом, не состоялось. Переговоры вновь были прерваны.

Как впоследствии стало известно, Польша все время держала в курсе переговоров правительства западных держав и внимательно прислушивалась к их советам⁵⁹.

Колебание и двусмысленная позиция, занятая Польшей, оказали воздействие и на правительства прибалтийских государств. Одна лишь Литва целиком была согласна с точкой зрения правительства СССР, хотя и не решалась подписать протокол одна.

Однако переговоры не были совершенно бесполезными. Советское правительство еще раз продемонстрировало свои искренние стремления к миру и сотрудничеству с соседями.

Несмотря на препоны, предложения Советского правительства проникали к трудящимся Польши, что способствовало росту симпатий к Советской стране. «О наших мирных предложениях знает теперь вся рабочая и вся крестьянская Польша, что вовсе не безразлично для польского правительства», — писала «Правда»⁶⁰.

В ходе переговоров наметилась возможность достижения соглашения по некоторым важным вопросам советско-польских отношений. Польское правительство согласилось в принципе на формальное признание Союза ССР и, кроме того, изъявило желание немедленно после урегулирования этого вопроса приступить к переговорам о торговом договоре и заключению железнодорожной конвенции, в которой бы нашли конкретное разрешение и технические вопросы транзита⁶¹.

Совет министров Польши, заслушав сообщение министра иностранных дел о переговорах с В. Коппом, при-

⁵⁸ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 253.

⁵⁹ «Отчет НКВД за 1923 г II съезду Советов», стр. 43.

⁶⁰ «Правда», 17 XI 1923.

⁶¹ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 254.

нял его к сведению и утвердил коммюнике МИД Польши по поводу переговоров, подлежащее опубликованию⁶².

17 ноября 1923 г. вопрос о ходе торговых переговоров обсуждался в сеймовой комиссии по иностранным делам.

Во время дискуссии «левые» воспользовались поводом, чтобы обвинить министра-эндека Дмовского в «мягкости» на переговорах с советским представителем, и требовали проведения по отношению к СССР более жесткой политики⁶³. В ходе дискуссии один из лидеров ППС, Перль, упрекнул правительство за упущение инициативы в торговых переговорах, а также за то, что оно, отвечая на нотификацию НКИД об образовании СССР, не выдвинуло условием признания СССР полное выполнение советской стороной, разумеется в одностороннем порядке, всех статей Рижского договора⁶⁴.

Выступивший в заключение дискуссии министр иностранных дел Р. Дмовский, коснувшись советско-польских переговоров, заявил: «Мы должны стремиться как можно быстрее заключить торговый договор с Советами». Он отметил также, что в адрес МИД раздавались упреки, якобы правительство Польши совершило ошибку, не приступив к переговорам о торговом договоре во время пребывания Коппа в Варшаве. Дмовский отклонил эти упреки, говоря, что цель приезда Коппа была иной: «Когда он не добился согласия по политическому вопросу, то потерял интерес к другим вопросам»⁶⁵.

На заседании комиссии ввиду резких разногласий никакого решения не было принято. «Левые», в том числе из ППС, продолжали настаивать на жестком курсе по отношению к СССР.

17 ноября 1923 г. правительство СССР опубликовало заявление о советско-польских переговорах. Исходя из факта напряжения в Центральной Европе и возможности

⁶² AAN, PPRM, t. 24, k. 59. Полный текст коммюнике, см.: *K. Kumaniecki*. Указ. соч., стр. 729—730.

⁶³ CAMSW, W—w, 34/2, k. 128.

⁶⁴ Там же. Выступивший затем эндек Строньский пытался защитить кабинет эндеков от нападок «слева». Что касается позиции Польши в отношении СССР, то он заметил, что «нынешняя обстановка в Европе не является подходящей для того, чтобы выдвинуть весь комплекс вопросов, связанных с выполнением Рижского договора» (там же, л. 130).

⁶⁵ См.: *K. Kumaniecki*. Указ. соч., стр. 733.

военных конфликтов, которые могли бы повлиять и на советско-польские отношения, Советское правительство, сочувствуя трудящимся массам Германии «в их стремлении обеспечить независимость своего внутреннего и внешнего развития», в то же время главные свои усилия направляет на то, «чтобы обеспечить от каких-либо неожиданных потрясений государственные взаимоотношения восточной части Европы... Руководствуясь этой целью, Народный комиссариат по иностранным делам счел целесообразным рассмотрение частных спорных вопросов советско-польских отношений, связанных с отдельными статьями Рижского договора и фактом образования Союза Советских Социалистических Республик, связать с выработкой в соответствии со всей создавшейся международной обстановкой новых взаимных гарантий мирных и нормальных взаимоотношений между Советским Союзом и Польшей»⁶⁶.

Советское правительство исходило из того, что эта цель может быть достигнута лишь при готовности отказаться от вооруженного вмешательства во внутренние дела третьих государств и обеспечении друг другу полной свободы транзита, «независимо от развития событий в Центральной Европе». К сожалению, констатировалось в заявлении, «стремление представителя Наркоминдела дать двум означенным пунктам совершенно точную, исключающую недоразумения формулировку, не встретило необходимой поддержки со стороны представителя Польши... В вопросе о невмешательстве во внутренние дела соседей польское правительство не согласилось пойти дальше совершенно неопределенной и потому недостаточной формулы, гласящей о стремлении сохранения мира в Средней и Восточной Европе»⁶⁷.

В заявлении указывалось на несоответствие деклараций польского представителя на переговорах о твердом решении польской стороны не вмешиваться во внутренние дела Германии с отказом его от включения в протокол взаимных обязательств по сохранению мира, по организации свободного транзита. Вопрос о транзите, подчеркивалось в заявлении, равносильный для СССР со свободным выходом на европейский рынок, «не может

⁶⁶ ДВП СССР, т. VI, стр. 505.

⁶⁷ Там же.

быть разрешен иначе, как действительным обеспечением мирных отношений как по восточным, так и по западным границам Польши»⁶⁸. Советское правительство выражало надежду на то, что вопросы, по которым на этот раз не удалось достигнуть соглашения, будут все же разрешены мирным путем. Оно охотно принимало предложение польского правительства, сделанное на упомянутых переговорах, о том, чтобы после достижения соглашения об оформлении отношений Польши с Союзом ССР немедленно приступить к переговорам о торговом договоре и железнодорожной конвенции, так как эти предложения отвечали стремлениям народов Советского Союза развивать и укреплять экономические отношения с другими странами⁶⁹.

Новый министр иностранных дел Р. Дмовский в выступлениях в комиссии по иностранным делам сейма и сената, последовавших уже после перерыва переговоров Сейды с Коппом, видимо, желая оправдаться в глазах общественного мнения, неоднократно заявлял о миролюбии Польши вообще и по отношению к СССР, в частности. «Мы не находимся в состоянии войны с Советами,— заявил он в сенатской комиссии 22 ноября,— ведь мы заключили в Риге договор, который постепенно, хотя и с трудностями, но реализуется»⁷⁰.

Атмосфера переговоров, заявления членов правительства оказали влияние на усиление в польских торгово-промышленных кругах стремления, своего рода соревнования, за овладение позициями в торговле с Советским Союзом⁷¹. В этих кругах появилось убеждение в том, что торговый договор скоро все же будет заключен. Поэтому купцы и промышленники стремились, не опасаясь репрессий со стороны правительства, установить контакт с

⁶⁸ Там же, стр. 507.

⁶⁹ Там же, стр. 506. Заявление НКИД было помещено в польском офицозе «Монитор польски» и снабжено комментарием.

⁷⁰ «Kurier Warszawski», 23.XI 1923.

⁷¹ Опасение потерять советский рынок возросло в связи с поездкой в Советский Союз группы французских сенаторов осенью 1923 г. с целью выяснить возможности установления экономических связей между Францией и СССР. Во время дискуссии в польском сенате по вопросам внешней политики 22 ноября 1923 г. сенатор Познер потребовал от правительства разъяснений по поводу советско-французских отношений вообще и, в частности, о поездке в СССР делегации французских сенаторов.

советскими торговыми организациями и начать заключение сделок.

Как раз в те дни, когда в Варшаве ждали приезда Коппа и начала польско-советских переговоров, недавно назначенный торгпредом СССР в Польше К. Т. Мясков вел переговоры в Лодзи с представителями крупных текстильных фирм Шайблера, Громана, Гейера и др., поставлявших до войны свою продукцию на рынки России. В результате переговоров было принято решение о создании советско-польского смешанного общества с участием Наркомвнешторга для экспортирования в СССР изделий лодзинской промышленности и назначена комиссия для выработки соглашения. В конце октября Лодзь посетила советская торговая делегация, что вызвало весьма положительный отклик в торгово-промышленных кругах Польши.

Переговоры с лодзинскими фабрикантами закончились на том, что последние обещали нанести визит в советское торгпредство в Варшаве, а затем отправиться в Москву для заключения сделок с Внешторгом.

Советская делегация посетила лодзинский магистрат и сделала предложение о продаже муки. Магистрат охотно согласился, так как Лодзь в то время переживала продовольственные трудности, особенно в снабжении хлебом. В конце октября в Польшу был отправлен первый транспорт украинской пшеничной муки высокого качества по цене, значительно ниже американской муки, закупавшейся до этого Польшей. Советская мука появилась на рынках Лодзи, Варшавы, Вильно⁷².

Совершались сделки и с другими польскими фирмами. В середине декабря 1923 г., например, торговое представительство СССР в Польше заключило соглашение с варшавскими оптовыми складами медикаментов Б. Герцека о закупке Наркомвнешторгом ряда аптекарских товаров на общую сумму в полмиллиона долларов⁷³.

В конце 1923 г. в Москву прибыла делегация союза польских текстильных фабрикантов во главе с директо-

⁷² «Экономическая жизнь», 14.XI 1923. «Следует отметить большой интерес,— писала газета,— который проявляют в Польше к нашей муке. В настоящее время получен ряд предложений и твердых запросов через торгпредство от польских фирм на покупку нашей муки».

⁷³ см.: «Известия», 18.XII 1923.

ром Павловским. Делегация вела переговоры с членом коллегии НКВТ Ганецким. Была достигнута принципиальная договоренность о том, что польские фирмы будут экспортировать в СССР текстиль и вывозить оттуда сырье, в котором нуждалась Польша или за которое она смогла бы достать иностранную валюту. Эти переговоры были предварительными. Делегация возвратилась в Польшу удовлетворенной. «Мы надеемся, что наши переговоры с Советами приведут к хорошим результатам, — заявил Павловский по возвращении в Варшаву. — Для нашей текстильной промышленности открывается в России широкий рынок, тем более что Россия уже привыкла к нашим товарам и потребитель опять требует лодзинские товары, которые он знает с довоенного времени»⁷⁴.

Возросший интерес польских промышленных кругов к СССР в конце 1923 г. был вызван углубившимся хозяйственным застоем в Польше и кризисом сбыта, а также неустойчивостью польской валюты — стремительным обесцениванием польской марки и ростом цен на товары⁷⁵.

Эти причины плюс резкое сокращение экспорта в страны с высокой валютой (Англия, США) вследствие закрытия кредитов вынуждали польских промышленников лихорадочно искать новых рынков сбыта. Большую роль сыграла также деятельность Внешторга и торгпредства СССР в Польше. Все это, как заявил корреспонденту «Правды» торгпред в Польше Мясков, «пробило брешь в прежнем недоверии к нам, и польские промышленники идут уже теперь на заключение с нами длительных сделок»⁷⁶.

30 июля 1923 г. Наркомвнешторг подписал в Варшаве договор с польским товариществом «Ллойд кресовы» об учреждении смешанного «Русско-польского акционерного общества» («Росполь»). Общество ставило своей целью экспорт из СССР и реализацию за границей отходов текстильного производства, конского волоса, копыт, рогов, сухих фруктов, лекарственных трав, икры, пера,

⁷⁴ АМВТ СССР, ф секретариата, д. 78, лл. 24—25.

⁷⁵ Только в декабре 1923 г. польская марка упала на 350% («Документы и материалы . . .», т IV, стр. 258)

⁷⁶ Там же.

пуха, смолы, скипидара, спирта и хрустальных изделий⁷⁷, импорт в СССР и реализацию технического оборудования, вспомогательных материалов и сырья⁷⁸.

Основной капитал общества определялся в 300 тыс. золотых рублей и распределялся на 300 акций стоимостью по 1 тыс. золотых рублей в равных долях между Внешторгом и товариществом «Ллойд кресовы». Обществу «Росполь» предоставлялось право открывать в СССР, Польше и за границей свои конторы, отделения и склады⁷⁹. «Росполь» мог сбывать товары на иностранных рынках; чистая прибыль, за вычетом отчислений в запасный капитал, делилась поровну между НКВТ и товариществом «Ллойд кресовы».

Политика правительства, сдерживавшего развитие экономических связей с Советской страной, неудовлетворительные итоги переговоров с Коппом вызвали недовольство и в сеймовых кругах. Поводом явилось обсуждение в сейме отчета промышленно-торговой комиссии, состоявшееся 4—5 декабря 1923 г. Обсуждение вылилось в жаркую дискуссию о внешнеторговой политике правительства, в адрес которого с трибуны сейма посыпался град упреков за препятствия, чинимые в торговле с СССР. Депутат Щерковский (ППС), например, обрисовав мрачную картину застоя промышленности в Польше, особенно в текстильной, фабрики которой работают лишь три-четыре дня в неделю, указал, что главная причина — в отсутствии русского рынка. «По нашему мнению, — заявил он, — вина правительств прежних и нынешних в том, что до сих пор не заключен торговый договор с Советской Россией. Такое положение дальше продолжаться не может»⁸⁰. С такими же речами выступили и другие депутаты, представлявшие круги, заинтересованные в развитии торговли с СССР.

⁷⁷ Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (далее — ЦГАНХ СССР), ф. 413, оп. 19, д. 337, л. 137.

⁷⁸ Там же, л. 138. Согласно договору, общее количество ежегодно импортируемых товаров не должно было превышать 80% всех экспортируемых.

⁷⁹ Для ввоза и вывоза товаров «Росполь» всякий раз обязан был получать лицензии в НКВТ или его местных органах. Правление общества находилось на территории СССР.

⁸⁰ «Sejm Ustawodawczy Rzeczypospolitej Polskiej, Sprawozdania stenograficzne (далее — «Sejm Ustawodawczy...»), 84 pos., 4 i 5 grudnia 1923, lam. 55.

Однако и в дальнейшем развитие польско-советских горговых связей продолжало наталкиваться на препятствия со стороны правящих кругов Польши, которые этот вопрос использовали в качестве инструмента политической игры.

2

Реализация материальных обязательств

Рижским мирным договором предусматривалось возвращение Советским правительством промышленного оборудования и другого имущества, эвакуированного с польской территории в восточные губернии России во время первой мировой войны. Советское правительство обязалось также возратить Польше культурные ценности польского народа, захваченные русским царизмом во время разделов Речи Посполитой.

Возвращение промышленного оборудования и другого имущества было самой важной частью работы, осуществлявшейся смешанной российско-украинско-польской реэвакуационной комиссией, советскую делегацию в которой возглавлял П. Л. Войков.

Польские претензии на имущество, подлежащее реэвакуации (статья XV Рижского договора), выражались в сумме 75 млн. довоенных рублей⁸¹.

Как оказалось в ходе работы комиссии, эти претензии были сильно преувеличены⁸². Трудность состояла в том, что отсутствовал точный учет эвакуированного имущества, значительная часть которого погибла еще во время эвакуации, а многое из вывезенного затерялось в пути следования.

Эвакуация имущества производилась в условиях войны, нередко при отступлении царской армии. Видимо, этим в значительной мере объясняется отсутствие точного

⁸¹ П. Л. Войков. Два года работы российско-украинской делегации в смешанных российско-украинско-польских реэвакуационной и специальной комиссиях по исполнению Рижского мирного договора. Доклад. М., 1923, стр. 8.

⁸² Там же, стр. 30—32. По определению советской делегации, фактическая сумма должна была составлять примерно 30—35 млн. рублей. К концу 1923 г. было погашено 106 претензий из 650 на сумму 7 млн. рублей. Остальные претензии в большинстве были отклонены, с чем польская делегация согласилась.

его учета. Оборудование предприятий и другое имущество вывозились в самые различные места страны. Нередко имущество одной и той же фабрики оказывалось в различных городах России. Это еще более затрудняло его учет и охрану. Нужна была кропотливая работа по выявлению этого имущества⁸³. Однако польская делегация, не желая принимать во внимание сложность дела по выявлению имущества, подлежащего реэвакуации, постоянно торопила советскую сторону и не скупилась на упреки в ее адрес за якобы умышленное затягивание работ.

Нужно отдать должное советской делегации и ее председателю П. Л. Войкову, стоявшему твердо на страже интересов Советского государства. Советская делегация, писал Войков, твердо взяла за правило «не спешить с решениями, пока не собран материал, позволяющий по каждому требованию в отдельности иметь исчерпывающее суждение. Ни одна копейка не должна быть выдана, пока не установлены все фактические обстоятельства, влекущие за собой необходимость выдачи»⁸⁴. Между тем сроки, установленные Рижским договором, были явно недостаточны, так как при согласовании текста статей, трактующих о реэвакуации, не было принято во внимание отсутствие по ряду объектов документации. Правда, польская сторона тоже не уложились в установленный Рижским договором годичный срок подачи обоснованных документами требований на реэвакуацию имущества, так что здесь возможен был компромиссный выход.

Из 650 требований польской стороны 350 было предъявлено после истечения годичного срока⁸⁵. Уступая просьбе о продлении срока до 26 августа 1923 г. (просьба была удовлетворена), советская сторона имела основания и для некоторой задержки реэвакуации до момента обнаружения документов.

⁸³ Как пишет П. Л. Войков, по некоторым претензиям в распоряжении советской делегации не имелось «никаких материалов, ни одной бумажки в буквальном смысле слова...», нередко приходилось основываться на том, «что говорят поляки» (П. Л. Войков. Указ. соч., стр. 12).

⁸⁴ П. Л. Войков. Указ. соч., стр. 13.

⁸⁵ «Dokumenty dotyczące akcji delegacji Polskiej w komisjach mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej w Moskwie» (далее — «Dokumenty...»). Warszawa, 1922, zesz. 5, str. 33.

Польская делегация принимала заявления собственников на возврат имущества и на их основании требовала у советской стороны возврата, не обращая внимания на то, что законность этих требований не была подтверждена документально. Так, например, польская сторона предъявила требования о безотлагательном возвращении имущества фабрикантов Шерешевского, Днестровского и Харина, не представив документов, которые бы подтверждали законность их требований. В данном случае нужны были документы, подтверждающие их польское гражданство. По имевшимся у советской стороны данным, все трое являлись не польскими, а российскими гражданами. Дальнейшее уточнение требовало времени, однако глава польской делегации в смешанной комиссии Ольшевский не хотел считаться с этим и настаивал на немедленной реэвакуации⁸⁶.

Другой пример: польская сторона потребовала реэвакуации имущества радомского фабриканта И. Кона только лишь на основании составленного самим владельцем списка (оборудование фабрики гнутой мебели), ничем официально не подтвержденного. При этом оставалось невыясненным, какая часть имущества была в действительности перевезена на восток от границы, установленной по Рижскому договору⁸⁷.

Советская сторона могла вообще не возвращать имущество Кона как реквизированное у австрийского подданного, т. е. подданного государства, находившегося тогда в состоянии войны с Россией. Несмотря на это, решение о реэвакуации имущества Кона было принято. Дело задерживалось только из-за отсутствия официальных подтверждений относительно его объема, так как требование самого владельца значительно превышало наличие имущества на складе, находившемся на Ходынском поле в Москве. И вновь советская сторона пошла навстречу Польше. Оказавшееся в наличии оборудование фабрики Кона было реэвакуировано раньше установленного договором срока.

Уместно привести еще один пример исключительно доброжелательного отношения советской стороны к выполнению своих обязательств по мирному договору и

⁸⁶ Там же, т. 1, стр. 11, 18.

⁸⁷ Там же, стр. 22.

того, насколько необоснованными на этот счет были польские обвинения в адрес Советского правительства. Промышленная подкомиссия, учитывая просьбу Польши, признала срочным вывоз имущества акционерного общества жирардовских предприятий и еще 19 ноября 1921 г. приняла решение о реэвакуации. Однако выполнение затянулось, так как польская сторона не представила вовремя конкретной заявки с указанием объема имущества, подлежащего возвращению. Только в конце декабря 1921 г. польская делегация передала советской записку, из которой вытекало, что для составления такой заявки потребуется обследование свыше 30 предприятий, разбросанных по всей территории РСФСР. Снова, идя навстречу желанию польского правительства как можно быстрее восстановить и пустить в ход жирардовские предприятия, советская сторона предложила немедленно приступить к реэвакуации того имущества, которое было обнаружено и учтено, несмотря на то, что в акционерное общество входили многие германские граждане и что невыясненными оставались сложные взаимоотношения между акционерным обществом и российской казной⁸⁸.

Аналогичным доказательством благожелательности является позиция советской делегации при решении вопроса о реэвакуации фабрики, принадлежавшей акционерному обществу «Гершович», и цементных заводов акционерного общества «Воынь». Несмотря на то что у представителей этих фабрик не было достаточных полномочий, российско-украинская делегация, чтобы не затягивать реэвакуацию, удовлетворилась получением заверения польской стороны, что она представит дополнительные полномочия. В момент обсуждения вопроса оказалось, что польская сторона не может представить всех документов об объеме предприятий. Признав это, польская делегация тем не менее спустя две недели обрушилась с упреками в адрес советской стороны, обвиняя ее в затягивании реэвакуации упомянутых фабрик⁸⁹.

И уж явно недоброжелательным шагом польской стороны, рассчитанным на дезинформацию общественности,

⁸⁸ «Dokumenty...», zes. 1, str. 23.

⁸⁹ Там же, стр. 26.

был меморандум, направленный в адрес советской делегации и одновременно в редакции польских газет, в котором содержались упреки в непредставлении документов об объеме предприятий акционерного общества «Во-лынь», тогда как (это вскоре выяснилось) документы находились у польской стороны (точнее, у собственников предприятий)⁹⁰ и стоило только их представить, как можно было начать реэвакуацию. Этот маневр явно был сделан не в интересах ускорения реэвакуации, а чтобы найти лишний повод для антисоветской пропаганды, дать материал для новых выпадов в адрес Советского правительства.

Несмотря на большие трудности и нелояльную позицию польской делегации, дело реэвакуации продвигалось вперед. Лучшим опровержением упреков польской стороны является тот факт, что уже через два месяца после начала работы смешанной комиссии, до конца декабря 1921 г., были рассмотрены дела 34 польских предприятий⁹¹, являвшихся самыми крупными из подлежащих реэвакуации объектов и имевших важное значение для восстановления экономики Польши.

Реэвакуация промышленного оборудования началась в декабре 1921 г. и продолжалась в нарастающем темпе⁹².

Вопрос о реэвакуации имущества имел и другую сторону, которую польская делегация старалась игнорировать. Требуя возврата вывезенного во время войны имущества или возмещения за утраченное (хотя бы и не по вине советской стороны!), польская делегация старалась обходить вопрос о встречных претензиях, которые могли быть заявлены советской стороной на основании статьи XV Рижского договора. Это — вопрос о полученных предприятием кредитов и других субсидий от правительства и государственных банков царской России, а также расходах, понесенных государством при осуществлении

⁹⁰ Там же, стр. 26.

⁹¹ Там же, стр. 27.

⁹² По польским данным, до 17 мая 1924 г. было отправлено в Польшу оборудование 23 заводов («Документы и материалы.», т. IV, стр. 305). После 17 мая 1924 г. и до конца месяца было возвращено Польше оборудование пяти заводов, эвакуированных в г. Орел, а также 46 вагонов оборудования из г. Екатеринослава, 2 вагона — из Москвы (там же, стр. 307).

резьвакуации. Достаточно привести лишь один пример, относящийся к вопросу о резьвакуации заводов акционерного общества «Рудзский и К^о». Часть оборудования, принадлежавшего этому обществу, не удалось разыскать⁹³. Однако польская делегация настаивала на незамедлительной отправке в Польшу всего имущества, до последнего станка. Не отказываясь от дальнейших поисков утерянной части имущества, советская делегация поставила вопрос о возмещении взятого владельцами заводов кредита, который составил в ценах 1915—1916 гг. 2,5 млн. рублей⁹⁴. Эта сумма превышала стоимость всего эвакуированного предприятия, и Польше, действуя по справедливости, пришлось бы не только оставить его в России, но и доплатить значительную сумму. Недаром, получив советскую контрпретензию, польская делегация предложила «перечеркнуть взаимные претензии»⁹⁵.

Приведенный выше пример ярко показывает, насколько сложным и запутанным был вопрос о взаимных расчетах. Ведь сюда входили, кроме перекрестных претензий, касавшихся эвакуированного имущества фабрик и заводов, расчеты с Польшей по фондам и капиталам польских граждан, общественных, культурных, религиозных и благотворительных учреждений, находившихся на хранении или на счетах в государственных кассах или кредитных учреждениях бывшей Российской империи; по специальным капиталам и фондам, а также по общеимперским капиталам социального обеспечения, находившимся в заведовании отдельных ведомств и связанным по своему происхождению и предназначению с территорией или гражданами Польши до 1 января ст. ст. 1916 г.⁹⁶; расчеты по вкладам, депозитам и залогам, сделанным польскими гражданами или же учреждениями в кредитных учреждениях, а также в государственных учреждениях и кассах царской России, которые после

⁹³ В начале 1924 г. в Польшу было отправлено 29 вагонов с имуществом акционерного общества «Рудзский и К^о» («Документы и материалы...», т. IV, стр. 305).

⁹⁴ AMSZ, zesr. 6, w. 2, t. 7.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ В смешанную расчетную комиссию входили по пять представителей с каждой стороны и необходимое число экспертов. Место пребывания комиссии была Варшава («Документы внешней политики СССР» (далее—ДВП СССР), т. III, стр. 637).

революции были национализированы либо ликвидированы.

Для производства взаимных расчетов всех видов (по имуществам, фондам и капиталам, согласно статьям XIV, XV, XVI и XVII Рижского договора) была образована смешанная расчетная комиссия, которая должна была рассматривать соответствующие претензии и принимать по ним решения⁹⁷.

Дело осложнялось тем, что в смешанную расчетную комиссию продолжали поступать многочисленные заявления от отдельных лиц и учреждений, хотя сроки, установленные мирным договором, давно прошли. Каждая претензия требовала тщательной проверки по документам, но последние нередко вообще отсутствовали. Наконец Советское правительство было вынуждено назначить окончательный предельный срок — 1 марта 1924 г. для предъявления сторонами дальнейших взаимных претензий. Впоследствии Советское правительство в связи с тем, что претензии с польской стороны продолжали поступать, пошло еще раз на уступку, выразив готовность продлить окончательный срок еще на один месяц — до 1 апреля⁹⁸.

Для выхода из создавшегося тупика НКВД СССР предложил правительству Польши нотой от 23 января 1924 г. следующее решение вопроса: «Руководствуясь желанием ускорить ход работ смешанной расчетной комиссии в Варшаве, — говорилось в ноте НКВД, — правительство СССР делает настоящим правительству Польской республики следующее предложение: правительство СССР отказывается от проверки уже заявленных польской стороной в смешанной расчетной комиссии претензий и выражает готовность оплатить таковые немедленно. . . После того как будет произведен расчет с польской стороной по заявленным ею претензиям, таковые будут считаться окончательно погашенными и прекращенными»⁹⁹.

⁹⁷ Там же, стр. 639.

⁹⁸ Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 188, оп. 7, д. 9, л. 200.

⁹⁹ АВП СССР, ф. 122, оп. 7, д. 8, л. 5. Общая сумма претензий, заявленных польской стороной, составляла 181 442 709 рублей наличными и 6 109 255 рублей в процентных бумагах. Согласно приложению № 7 к Рижскому мирному договору, расчеты долж-

Советское правительство выражало согласие и даже обязывалось уплатить всю причитающуюся сумму либо в польских марках, либо в золоте или в твердой валюте правительству Польши не позднее 2 февраля 1924 г.¹⁰⁰

Не получив ответа на свое предложение, но будучи уверенным в том, что польское правительство не может не согласиться со справедливым и обоснованным выходом из тупика, Советское правительство через свое полпредство в Варшаве направило два чека на общую сумму 11 081 120 185 польских марок «в погашение полностью претензий, заявленных до 23 января с. г. польской стороной в смешанной расчетной комиссии»¹⁰¹.

Наконец, спустя более месяца МИД Польши прислал ответ на ноту НКВД от 23 января. Из ответа явствовало, что польское правительство отвергает советское предложение решить вопрос дипломатическим путем, мотивируя тем, что это явилось бы нарушением компетенции смешанной расчетной комиссии¹⁰².

Советское правительство, разумеется, не согласилось на перенос вопроса о расчетах снова в расчетную комиссию. В ноте полпредства СССР в Польше от 10 марта

ны были производиться в русской бумажно-денежной единице образца, имевшего хождение в 1915 г. Ценные же бумаги возвращались в натуре, а в случае их утраты должны были выдаваться соответствующие удостоверения (ДВП СССР, т. III, стр. 653) Позднее, 19 февраля 1922 г., было принято решение о замене процентных бумаг или удостоверений денежным эквивалентом.

Для расчетов было установлено постоянное соотношение русской и польской валют: один бумажный рубль образца, имевшего хождение в 1915 г., равен пяти польским маркам. Подлежащие выплате наличные суммы выдавались Польше польскими марками. При этом принималось во внимание падение покупательной силы рубля с 1 октября 1915 г. по день расчета в размере 1000%, т. е. в 10 раз

Общий итог польских претензий после пересчетов составил сумму 11 081 120 185 польских марок.

В ноте НКВД указывалось, что «если бы польская сторона выразила пожелание о передаче ей исчисленного итога в золотой или твердой валюте, то итог одних наличных сумм составил бы по пересчету его, согласно официальному курсу Варшавской биржи, на 24 января 1924 г., 1852 золотых рубля, или 940 долларов, общий же итог как наличных сумм, так и процентных бумаг определялся бы в 2195 золотых рублей, или 1114 долларов» (АВП СССР, ф. 122, оп. 7, д. 8, л. 6).

¹⁰⁰ АВП СССР, ф. 122, оп. 7, д. 8, л. 6.

¹⁰¹ Там же, д. 25, л. 178.

¹⁰² Там же, ф. 188, оп. 7, д. 25, л. 183.

1924 г. указывалось, что Советское правительство сделало максимум возможного, признав полностью заявленные польской стороной претензии, отказавшись требовать оплаты своих претензий, по существу не оспоренных польским правительством, а следовательно, имеющих законную силу, и оплатило претензии польской стороны по установленным в Рижском договоре нормам. В заключение в ноте заявлялось, что Советское правительство «...остается при сообщенном в ноте от 23 января с. г. за № 114 решением более не возвращаться к этому вопросу»¹⁰³.

Вместо того чтобы прислушаться к советским предложениям, правительство Польши продолжало настаивать на решении всех вопросов о претензиях в расчетной комиссии. В то же время МИД Польши, с целью дискредитировать Советское правительство в глазах поляков и мирового общественного мнения, составил крайне тенденциозную записку для прессы по вопросу о взаимных расчетах с СССР¹⁰⁴. В этой записке МИД Польши обвинял Советское правительство в умышленном затягивании работ смешанной расчетной комиссии в ожидании наибольшего падения польской марки. А когда якобы стало ясно, что польская марка стабилизируется, советская сторона сочла момент подходящим для того, чтобы осуществить «фикцию расчетов»¹⁰⁵.

Тем временем в смешанную расчетную комиссию продолжали поступать все новые претензии, несмотря на то что прошло три года с момента подписания Рижского договора и что советская сторона дважды, по просьбе польской, продлевала окончательный срок предъявления претензий и объявила 1 апреля 1924 г. последним сроком. В заявлении советской делегации в смешанной расчетной комиссии от 28 апреля 1924 г. по этому вопросу напоминалось о списке встречных требований советской стороны, сообщенном польской делегации, значительно превышающем весь итог польских претензий¹⁰⁶. В нем

¹⁰³ Там же, ф. 122, оп. 7, д. 8, л. 42.

¹⁰⁴ AAN, Przegląd informacyjny «Polska i zagranica», t. XX, 1924.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ АВП СССР, ф. 188, оп. 7, д. 9, л. 200. «Одно лишь вознаграждение за земли, составлявшие собственность крестьянского поземельного банка,— говорилось в заявлении,— достигает почти 24 млн. рублей золотом, что значительно превышает весь итог претензий с польской стороны».

подчеркивалось также, что, желая устранить препятствия к скорейшему окончанию затянувшейся работы смешанной расчетной комиссии, делегация СССР «не ставила до сего времени на рассмотрение расчетной комиссии своих встречных требований». Это, конечно, был намек на возможность возвращения к этому вопросу, если дело будет затягиваться.

Польское правительство продолжало придерживаться в вопросе о расчетах прежней своей позиции. Советскому правительству пришлось дать своей делегации указание «прекратить переписку по расчетам до тех пор, пока польская сторона не изменит своей точки зрения и не вернется к предусмотренным в Рижском трактате основам работы расчетной комиссии»¹⁰⁷.

Следующим большим объектом работы смешанной реэвакуационной и расчетной комиссий была реализация статьи XIV Рижского договора. Правительство Советского Союза с пониманием отнеслось к тому, что Польша нуждалась в подвижном железнодорожном составе, и, хотя Советская страна испытывала острую нужду в паровозах и вагонах, решило поделиться со своим соседом тем, что сохранилось, — железные дороги бывшего Королевства Польского входили в единую железнодорожную сеть Российской империи. Российско-украинская делегация на мирной конференции в Риге согласилась на то, что сверх имевшихся уже в Польше 255 паровозов, 435 пассажирских и 8859 товарных вагонов с железных дорог Советской страны Польше будут переданы в натуре или в эквиваленте 300 паровозов, 260 пассажирских и 8100 товарных вагонов, а также некоторое другое железнодорожное имущество¹⁰⁸. До-

¹⁰⁷ АВП СССР, ф. 188, оп. 7, д. 25, л. 210. В ноте полпредства СССР в Варшаве в МИД Польши от 9.IX 1924 г., в частности, говорится: «Отказ польской стороны принять чеки на сумму, базирующуюся на расчете, согласно точному смыслу Рижского мирного договора является ничем не оправдываемым уклонением польской делегации в расчетной комиссии от постановлений Рижского трактата. Уклонение это уничтожает фактически базис для дальнейшей совместной работы, и Правительство Союза ССР дало своей делегации указание прекратить всякую переписку по расчетам до тех пор, пока польская сторона не изменит своей точки зрения и не вернется к предусмотренным в Рижском трактате основам работы расчетной комиссии».

¹⁰⁸ ДВП СССР, т. III, стр. 633—634.

полнительным соглашением было определено, что часть железнодорожного имущества, подлежащего эвакуации в Польшу, будет оставлена на месте за соответственный эквивалент, общая сумма которого предварительно устанавливалась в 27 млн. золотых рублей¹⁰⁹.

Для уплаты эквивалента Советским правительством был выделен особый фонд драгоценностей (золотые монеты, драгоценные камни, ювелирные изделия), из которого оно обязалось передать правительству Польши в размере суммы эквивалента равными частями в три срока¹¹⁰. Польское правительство в течение двух лет должно было реализовать эти драгоценности на мировом рынке, удержав 27 млн. золотых рублей за железнодорожное имущество¹¹¹.

Как уже упоминалось, Советское правительство в связи с поддержкой польским правительством антисоветских банд и белогвардейских организаций задержало уплату эквивалента. После подписания Протокола от 7 октября 1921 г. (о котором также была речь выше) оно дало распоряжение приступить к отбору драгоценностей, и 22 ноября 1921 г. первый взнос был передан польскому правительству. Второй взнос поступил 10 марта 1922 г.¹¹² Вслед за этим советская сторона подготовила следующую партию драгоценностей для уплаты последнего, третьего взноса. Однако при приемке польскими экспертами последней партии драгоценностей, среди которых преобладали жемчуг и бриллианты, выявилось резкое расхождение в их оценке: польские эксперты определяли стоимость драгоценностей почти наполовину меньше по сравнению с советскими. Так, например, одна из партий жемчуга, оцененная советскими экспертами в 75 375 золотых рублей, была оценена польскими экспертами только в 32 733 рубля.

¹⁰⁹ Там же, стр. 656.

¹¹⁰ Первый срок передачи драгоценностей наступал по истечении двух месяцев со дня ратификации мирного договора, второй — не позднее двух месяцев по истечении первого срока, третий — не позднее двух месяцев по истечении второго срока (там же).

¹¹¹ Излишек Польша обязалась возвратить Советскому правительству. В случае же если бы выручка не дала суммы 27 млн. рублей золотом, то Советское правительство должно было покрыть эту сумму драгоценностями (там же, стр. 657).

¹¹² «Документы и материалы...», т. IV, стр. 153.

Относительно партии жемчуга, предложенной советской делегацией в счет уплаты третьего взноса и оцененной советскими экспертами в 900 тыс. золотых рублей, председатель польской делегации А. Ольшевский заявил Войкову, что это сумма «фантастическая» и что она якобы в шесть раз превышает подлинную стоимость¹¹³.

Так не по вине советской стороны выплата последнего взноса эквивалента за железнодорожное имущество задержалась. Те же драгоценности, которые были переданы Польше по истечении двухлетнего срока, установленного Рижским договором¹¹⁴, были реализованы польским правительством на мировом рынке за сумму в 12 млн. рублей, т. е. по сильно заниженной цене, намного меньшей их фактической стоимости¹¹⁵.

Получив ноту польского МИД от 13 марта 1924 г. с извещением о продаже драгоценностей, полпредство СССР 20 марта сообщило МИД Польши, что правительство СССР считает цену, за которую были реализованы драгоценности, «крайне низкой и не соответствующей уровню цен мирового рынка» и просит польское правительство продать драгоценности «путем принятого в таких случаях соревнования, которое, несомненно, принесет более выгодные предложения»¹¹⁶.

О справедливости упрека в адрес польской стороны за продажу драгоценностей по слишком низкой цене говорит сохранившийся в польском архиве документ. Это — справка, подготовленная директором таможенного департамента МИД Польши Хенгелем. Из этого документа видно, что продажа была поручена дельцам, нажившимся на этой операции. В справке говорится, что для продажи была выделена комиссия из трех членов, «из которых ни один не имеет ни малейшего понятия о торговле драгоценными камнями», а «всем делом руководил из-

¹¹³ «Dokumenty...», zes. 5, str. 15.

¹¹⁴ В дополнительном соглашении относительно выплаты эквивалента Польше был установлен обязательный двухлетний срок для реализации драгоценностей (считая со дня ратификации мирного договора), после которого Польша имела право самостоятельно, не спрашивая согласия Советского правительства, реализовать драгоценности по высшим ценам мирового рынка ко дню продажи (ДВП СССР, т. III, стр. 657).

¹¹⁵ АВП СССР, ф. 122, оп. 7, д. 28, л. 1.

¹¹⁶ Там же, л. 8.

за кулис некий ювелир Рутштейн, который, будучи экспертом при приеме сокровищ от большевиков, один только и знал точную стоимость товара». Не утруждая себя поисками серьезного покупателя, комиссия передоверила дело Рутштейну, который «поехал за границу и драгоценности продал» (они были проданы международной группе банкиров-армян «Гам Пардзюмя», в которой Рутштейн был своим человеком). Польское правительство получило «едва половину той суммы, на которую сокровища были заложены»¹¹⁷. Хенгель требовал вмешательства «высших сфер», которые бы исправили дело «с привлечением в качестве консультантов нескольких видных местных специалистов, не ограничиваясь одним Рутштейном». Любопытно, что в это же время прибывший в Варшаву из Амстердама глава известной фирмы по торговле алмазами Ф. Фридман предлагал министру финансов Польши реализовать драгоценности на комиссионных началах за сумму в 14 500 000 золотых рублей¹¹⁸. С таким же предложением он обращался и в полпредство СССР в Варшаве, обещая реализовать драгоценности по цене минимум на 25% выше той, за которую отдавало их польское правительство¹¹⁹.

В ответной ноте МИД Польши полпредству СССР в Варшаве заявлялось, что «ввиду неиспользования Советским правительством предложения польского правительства от 13-го сего месяца приобрести драгоценности, внесенные до сего времени... как часть эквивалента за железнодорожное имущество, польское правительство тем самым считает вопрос о реализации этих ценностей исчерпанным»¹²⁰.

Во время отступления царской армии из Польши осенью 1915 г. на восток двинулись огромные массы польского населения, главным образом крестьян, спасавших себя и свое имущество от приближавшихся германских войск. Сельское население стремилось увезти с собой имущество — домашний скарб, сельскохозяйственные

¹¹⁷ AAN, Akta St. Kauzika, t. 22, k. 18.

¹¹⁸ Там же, л. 20.

¹¹⁹ CAMSW, W—w, 37/1, k. 764.

¹²⁰ АВП СССР, ф. 188, оп. 7, д. 27, л. 172.

орудия и в первую очередь живой инвентарь — лошадей, коров, овец. Последние двигались самостоятельно и тем самым облегчали эвакуацию.

По самому приблизительному подсчету царской статистики, насколько это было возможно сделать в тех условиях, эвакуация коснулась сотен тысяч лошадей и другого скота. Какое количество скота перешло ту линию, которая стала впоследствии советско-польской границей, разумеется, определить было невозможно. Скот по дороге погибал от болезней, его продавали или бросали. Естественно, что в Рижском договоре вопрос реэвакуации скота не нашел конкретного отражения, за исключением казенного Яновского конного завода с его приплодом, реэвакуацию которого советская сторона обязалась осуществить в соответствии с дополнительным протоколом к мирному договору¹²¹.

Имущество Яновского конного завода, эвакуированного в Харьков, подверглось почти полному уничтожению в годы мировой, а затем гражданской войны¹²². Тем не менее обязательство было подписано, и советская делегация не могла игнорировать эту претензию польской стороны. Однако, помимо Яновского завода, польская делегация предъявила требование на 40 тыс. лошадей (в том числе 8 тыс. кровных) и приблизительно на такое же количество другого скота (в том числе 14 тыс. голов племенного рогатого скота, 9500 племенных овец) — всего на 6 с лишним млн. рублей золотом¹²³.

Но и этим не исчерпывались домогательства польской стороны. Польская делегация предъявила еще 723 претензии на общую сумму 15 млн. рублей на реэвакуацию имущества непромышленного характера. Это было

¹²¹ ДВП СССР, т. III, стр. 655.

¹²² Из 300 чистокровных лошадей Яновского завода советской делегации в смешанной реэвакуационной комиссии удалось обнаружить только восемь, являвшихся потомками яновских производителей (см.: *П. Л. Войков*. Указ. соч., стр. 41).

¹²³ Согласно данным ликвидационной комиссии по делам Королевства Польского, в 1918—1920 гг. на территории РСФСР находилось 270 лошадей, 843 голов крупного рогатого скота и 587 овец, принадлежавших польским беженцам. *П. Л. Войков* считал, что эти цифры могли бы служить основой для ликвидации всех претензий по скоту (там же, стр. 42). По его мнению, можно было бы «предложить полякам за скот 200—300 тыс. довоенных рублей» (там же, стр. 43).

главным образом имущество частных лиц, сданное в сейфы (120 требований на 5 млн. рублей), попавшее в ломбарды (22 требования на 2 млн. 260 тыс. рублей), оставленное владельцами на складах хранения различных фирм (289 требований на 6 млн. рублей)¹²⁴.

Понятно, что советская сторона не могла принять на себя ответственность за имущество польских граждан, находившееся в сейфах, ломбардах и т. д., подвергшихся уничтожению и расхищению во время гражданской войны и иностранной интервенции и к тому же никем не охраняемое. Другое дело, если речь заходила об имуществе сохранившемся. Советская делегация приняла претензии такого рода по 150 заявкам польских граждан¹²⁵.

Польская делегация предъявила преувеличенное требование к реэвакуации имущества польских представительств, существовавших в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Новороссийске и других городах (дипломатические миссии и консульства) на сумму 1 млн. 300 тыс. рублей. Имущество это, кроме Москвы и Петрограда, подверглось в основном уничтожению во время гражданской войны и иностранной интервенции¹²⁶.

3

Выполнение обязательств по статье XI Рижского договора

Большие трудности приходилось преодолеть советской делегации в смешанной специальной комиссии, занятой реализацией статьи XI Рижского мирного договора, содержащей обязательство Советской России и Советской Украины возвратить вывезенные русским царизмом после разделов Речи Посполитой библиотеки, произведения искусства, предметы древности, архивы и другие культурные ценности.

¹²⁴ См.: там же, стр. 43.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Советская делегация согласилась возвратить уцелевшее имущество польских миссий и их сотрудников (Венцовского, Ледницкого и Жарновского) в Петрограде и Москве и уплатить в виде эквивалента за исчезнувшее или уничтоженное имущество 200 тыс. рублей золотом (там же, стр. 45). Но польская делегация продолжала настаивать на полном удовлетворении ее требования.

Советское правительство, лично В. И. Ленин проявляли большую заботу о сохранении этих ценностей. Уже вскоре после свершения Октябрьской революции Советское правительство заявило о своей готовности при первой возможности вернуть их законному хозяину — польскому народу, исправив тем самым историческую несправедливость, допущенную русским царизмом.

В подписанном В. И. Лениным специальным декрете Совета Народных Комиссаров от 17 (30) января 1918 г. «Об охране памятников и предметов искусства, принадлежащих польскому народу» говорилось: «Предметы старины и искусства, библиотеки, архивы, картины и вообще музейные предметы, где бы они ни находились, принимаются, как национальная собственность польского народа, под охрану власти рабочего и крестьянского правительства... до передачи польским народным музеям»¹²⁷. Декрет предписывал повсеместно, где находятся эти ценности, брать их на учет и организовать надежное хранение.

Восстановление независимого Польского государства в ноябре 1918 г. сделало возможным возвращение ему этих культурных ценностей. Однако развязанная польскими реакционными кругами война против советских республик задержала выполнение этого акта. Приступить к этой работе оказалось возможным только после окончания войны. Обязательство Советского правительства было зафиксировано в Рижском мирном договоре¹²⁸. Часть этих ценностей, в том числе обстановка королевских замков в Варшаве и Кракове, многие скульптуры, картины, гобелены и т. д., была возвращена уже в декабре 1921 г. — через месяц после начала работы смешанной специальной комиссии¹²⁹.

В течение 1922—1924 гг. предметы старины и другие культурные ценности, по мере их обнаружения, определения принадлежности (в некоторых случаях даже

¹²⁷ Цит. по кн.: «Документы и материалы...», т. I, М., 1963, стр. 262

¹²⁸ ДВП СССР, т. III, стр. 629—632, 644—646.

¹²⁹ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 153—154. В беседе с польским поверенным Р. Кноллем 1 марта 1923 г. Чичерин подчеркнул, что «...в области культурных ценностей нами эвакуировано очень много, в других же областях дело подвигается настолько, насколько при чрезвычайной трудности задачи это возможно» (там же, стр. 219).

частичной реставрации, как это было с картинами Каналетто), отправлялись в Польшу¹³⁰.

Эта работа была чрезвычайно сложной, так как некоторые предметы старины, картины и т. д., вывезенные царизмом еще в конце XVIII в., либо затерялись, либо перешли в частные руки. А то, что было вывезено в 1914—1915 гг., частью погибло в дороге, частью затерялось или бесследно исчезло во время гражданской войны, или же было разбросано по разным городам. Нужно было приложить много усилий, чтобы отыскать эти предметы и вернуть польскому народу. Здесь нельзя не отметить большие заслуги председателя советской делегации П. Л. Войкова, проявлявшего максимум энергии и настойчивости в организации поисков. Войков чрезвычайно рад был каждой новой находке и немедленно извещал об этом председателя польской делегации¹³¹.

Однако польская делегация не хотела замечать ни трудностей, с которыми были связаны поиски, ни усилий, прилагавшихся в этом направлении советской делегацией и государственными органами. А. Ольшевский буквально засыпал советскую делегацию записками, письмами и нотами, обвиняя ее в медлительности и затягивании работ¹³². Так, например, он обвинил советскую делегацию в умышленной задержке высылки коллекции картин Каналетто (22 картины), не желая принимать во внимание то, что причиной задержки были реставрационные работы. Создавалось впечатление, что председатель польской делегации умышленно искал повод для обвинения Советского правительства в нежелании возвращать Польше ее культурные ценности, чтобы дать материал для антисоветской пропаганды. Войков решительно отвергал несправедливые обвинения.

Отвечая Ольшевскому на его обвинения в задержке отправки картин Каналетто, Войков писал 4 апреля 1922 г.: «Считаю своим долгом заявить категорически и со всей силой, что принятие такого рода заявлений, подозревающих Российское правительство в отсутствии доброй воли, в любом случае считаю более чем невозможным, особенно в том, в котором российская сторона

¹³⁰ «Dokumenty...», zesz. 4, str. 133.

¹³¹ Там же, стр. 90.

¹³² П. Л. Войков. Указ. соч., стр. 49.

выявила максимум готовности, чтобы действительно доставить в Польшу принадлежавшие ей ценности. Решение о выдаче картин было принято специальной комиссией вне всяких сроков, которые могла бы использовать российская сторона в соответствии с Рижским договором. Во время предварительного обсуждения вопроса в подкомиссии было решено, что картины будут отданы только после реставрации, так как Эрмитаж в лице его директора и экспертов не мог взять на себя ответственность за то, что картины не испортятся в дороге...»¹³³

Явно в недружественных целях было выдвинуто в адрес советской стороны обвинение в задержке отправки в Польшу коллекции Кросновского, использованное буржуазной печатью для антисоветской пропаганды. Между тем как раз этот случай может служить ярчайшим подтверждением особой благожелательности советской стороны, когда речь шла о возвращении культурного достояния польского народа. Проф. Кросновский составил свою коллекцию в 1917 г., приобретая в России произведения искусства — гобелены, картины, фарфор, скульптуру, стильную мебель и т. д. Всего набралось 507 ящиков, оцененных самим Кросновским в 15 млн. рублей (комиссия оценила коллекцию в 9 млн. рублей)¹³⁴. Есть все основания предполагать, что среди купленных Кросновским произведений искусства были такие, которые в свое время были вывезены из Польши в Россию, а затем попали в частные руки при царизме или же во время революции — взяты из музеев и других собраний — и стали предметом купли-продажи. Как пишет П. Л. Войков, Кросновский, житель Петрограда и владелец фабрики химических изделий, «...разбогатев на подрядях в армию, до 1917 г. успел наполнить свой дом массой редких и дорогих вещей и подарил его польскому народу под названием «музея имени Кросновских»»¹³⁵.

Польская делегация не представила никакого дарственного акта, ни даже списка имущества, находящегося в его коллекции. Сам же Кросновский находился в это время за границей, а его коллекция — в частных руках,

¹³³ «Dokumenty...», zes. 4, str. 133—134.

¹³⁴ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 303.

¹³⁵ П. Л. Войков. Указ. соч., стр. 51.

возможны были злоупотребления. Однако, идя навстречу польской делегации, советская сторона удовлетворилась ее заявлением о том, что данное имущество действительно было подарено, и приняла решение о передаче коллекции правительству Польши.

Почти по каждому объекту возникали трудности, иногда совершенно неожиданные, например, в вопросе о возвращении колоколов. Ввиду отсутствия точных данных о количестве вывезенных колоколов комиссия осматривала их в местах складирования¹³⁶. Весьма трудно было определить, из какой местности были вывезены колокола, так как адреса на колоколах стали отливать только в XIX в., а надписи, сделанные краской, со временем стерлись. Колокола вывозились со всех угрожаемых территорий западных губерний, тогда как возвращению подлежали только те, которые вывезены из местностей, отошедших к Польше по Рижскому договору. Поэтому советская делегация должна была тщательно следить за тем, чтобы не отправить в Польшу колокола, принадлежавшие церквям и костелам Советской Белоруссии и Советской Украины. Не обошлось при этом без недоразумений и курьезов¹³⁷. И все же значительная часть колоколов была разыскана. К концу 1923 г. из общего числа обнаруженных 19 848 было отправлено в Польшу 5874 колокола (13 974 колокола оказались не польскими, а были вывезены с территории восточных районов Украины, Белоруссии, Литвы)¹³⁸.

Насколько была сложной работа по возвращению культурных ценностей, свидетельствует, в частности, история с имуществом Варшавского политехникума, эвакуированного в Нижний Новгород в 1915 г. Временное правительство 19 июня 1917 г. вынесло постановление о

¹³⁶ Так, например, в Нижнем Новгороде было обнаружено 1373 колокола, которые и были отправлены в Польшу в конце сентября 1922 г. («Dokumenty...», zes. 6, str. 117). По утверждениям польской делегации, в Россию было вывезено 20 тыс. польских колоколов, однако эта цифра не была подкреплена документами. Размещены они были в 275 местах в различных районах страны.

¹³⁷ Там же, стр. 178. По требованию церковных общин и местных властей Белоруссии 9 ноября 1921 г. из Казани в Минск были отправлены по принадлежности 153 колокола. Тем не менее это вызвало протест со стороны польской делегации, утверждавшей, будто бы эти колокола принадлежат Польше.

¹³⁸ П. Л. Войков. Указ. соч., стр. 50.

ликвидации Варшавского политехникума и создании на его базе Нижегородского политехнического института. Через год он был ликвидирован, а имущество (лаборатории, библиотека и т. д.) перешло в распоряжение созданного в Нижнем Новгороде университета. В том же 1918 г. часть оборудования лабораторий была передана создававшимся тогда Московской горной академии и Иваново-Вознесенскому политехническому институту. Часть имущества Варшавского политехникума еще во время войны из Варшавы была вывезена в Петроград, где передана была на Обуховский военный завод. Ясно, что не все имущество сохранилось, и смешанная специальная комиссия вынесла постановление о возвращении лишь части его, за остальное польская сторона соглашалась получить эквивалент¹³⁹.

Еще более кропотливым делом было выявление имущества, входившего в частные коллекции, а такого рода требований польская делегация предъявила 406¹⁴⁰. Если упоминавшаяся выше коллекция Кросновского была создана недавно и с нею было не трудно разобраться, то предметы подавляющего большинства частных коллекций со времени их создания много раз переходили из одних рук в другие, частью попадали в русские государственные музеи, а частью терялись, и разыскивать их было весьма трудно.

Пожалуй, самым сложным делом оказалось возвращение Польше книжных собраний, вывезенных в Россию после 1 января 1772 г., а также архивов. Рижским договором устанавливалось, что «систематизированные, научно обработанные и представляющие законченное целое коллекции, являющиеся основой сокровищниц мирового культурного значения, не должны подлежать разрушению»¹⁴¹ и если изъятие какой-либо части могло нарушить целостность коллекции, то этот предмет «должен оставаться на месте за эквивалент в виде предмета равного научного или художественного значения»¹⁴². Это, казалось бы, предельно ясное постановление таило в себе источник разногласий между обеими делегациями в

¹³⁹ «Dokumenty ...», zes. 6, str. 320.

¹⁴⁰ П. Л. Войков. Указ. соч., стр. 50.

¹⁴¹ ДВП СССР, т. III. М., 1959, стр. 630.

¹⁴² Там же, стр. 631.

смешанной специальной комиссии из-за различного его толкования. Эксперты польской делегации изо всех сил стремились выдвинуть побольше всяких аргументов в пользу своей стороны и, увлекаясь, забывали иногда о необходимости действовать в духе постановления статьи XI Рижского договора. Так, польские эксперты, а за ними и члены делегации стали требовать возвращения Польше всех собраний бывшей библиотеки Залуских, вошедшей, как известно, в основной фонд Российской публичной библиотеки в Петрограде (ныне Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) и ставшей неразрывной частью этой мировой сокровищницы, а также библиотеки Варшавского университета, «Общества друзей науки» и др. На совместном заседании смешанной специальной комиссии 13 сентября 1922 г. заместитель председателя польской делегации Э. Кунце пошел на прямую ревизию Рижского договора и заявил буквально следующее: «Мы требуем возвращения собраний, которые были вывезены из Польши, в том качестве и в том объеме, в каком они были вывезены»¹⁴³. Поясняя свою мысль, Кунце добавил: «Короче говоря, за исходный пункт мы берем наши собрания, независимо от того, какая судьба постигла их после вывоза»¹⁴⁴.

Другие польские эксперты пытались применить более гибкую тактику в обход постановлений Рижского договора. Проф. Ст. Птасиньский, например, пытался доказать, что Российская публичная библиотека в Петрограде вовсе не является собранием мирового значения, что она якобы не упорядочена, а ее каталоги неполные, научно не обработанные¹⁴⁵.

В этом же духе высказался и другой польский эксперт — проф. М. Хандельсман, заявивший, что якобы Российская публичная библиотека «... в западноевропейском значении этого слова не имеет характера международного научного учреждения»¹⁴⁶. Председательствовавший на заседании П. Войков тщетно призывал к деловому обсуждению вопроса. «К большому моему со-

¹⁴³ «Dokumenty...», zes. 8, str. 124.

¹⁴⁴ Там же, стр. 125.

¹⁴⁵ Там же, стр. 159.

¹⁴⁶ Там же, стр. 177.

жалению, — сказал он, — я услышал в некоторых выступлениях слова и нотки, не могущие способствовать той деловой дискуссии, которая единственно должна здесь вестись»¹⁴⁷.

Эксперты российско-украинской делегации горячо отстаивали постановления статьи XI Рижского договора. В пылу полемики было высказано мнение о некомпетентности данного состава смешанной комиссии решать вопрос большого научного значения¹⁴⁸. В выступлении эксперта российско-украинской делегации, неперменного секретаря Российской академии наук С. Ольденбурга, было выражено, в частности, сожаление, что в Рижском договоре не было учтено предложение группы ученых Советской России о том, чтобы дела, связанные с культурными ценностями (когда речь идет об их международном значении), рассматривались смешанной комиссией, состоящей из ученых различных стран. Это предложение польской стороной было отвергнуто, и вопрос о культурных ценностях остался в компетенции комиссий, решающих и остальные вопросы, связанные с выполнением Рижского договора. С. Ольденбург высказался за неразрушимость собраний Российской публичной библиотеки. Что же касается других собраний, то, по его мнению, надлежало «возможно дальше пойти навстречу польской стороне»¹⁴⁹. Советский эксперт А. Брауде также выступил против разрушения собраний Российской публичной библиотеки. Он выдвинул тот довод, что Залуские, создавая свою библиотеку главным образом в первой половине XVIII в., черпали средства на приобретение книг из доходов, получаемых с Киевского епископства, принадлежавшего долгое время этой семье. Эти доходы Залуских, по утверждению эксперта, равнялись примерно сумме, в которую оценивалась библиотека в конце XVIII в. — около 3 млн. злотых.

В комиссии шли ожесточенные споры о способе применения статьи XI Рижского договора. Доходило до того, что польские эксперты перестали являться на пленарные заседания комиссии, присылая свои письменные рефераты. Их содержание, как заметил П. Л. Войков,

¹⁴⁷ «Dokumenty...», zesz. 8, str. 152.

¹⁴⁸ Там же, стр. 101.

¹⁴⁹ Там же, стр. 104.

«уже почти не касалось существа дела», а «было ядовитыми ответами на заявления советских экспертов»¹⁵⁰. Был период, когда происходили лишь встречи председателей делегаций, а то и вообще встреч не было, потому что, по словам П. Л. Войкова, польская делегация «так сформулировала свою точку зрения, что пришлось бы отдать все книги из Российской публичной библиотеки, пойдя на разрушение сложившихся коллекций»¹⁵¹.

В результате длительной дискуссии, в ходе которой немало было взаимных упреков, точки зрения сблизилась: обеими сторонами было признано, что при рассмотрении вопроса следует исходить из пункта 7 статьи XI Рижского договора, не настаивая на пункте I этой статьи.

Сложным был путь к взаимопониманию и в вопросе о выполнении тех пунктов статьи XI Рижского договора, которые касались возвращения польскому правительству архивов, относящихся к территории Польской республики (вывезенных начиная с 1 января 1772 г.).

И здесь источником разногласий явилось различное толкование делегациями пунктов 4 и 5 этой статьи. Польская делегация толковала их слишком расширенно, особенно пункт 5, гласивший о передаче Польше архивов, возникших после разделов Польши и вплоть до момента образования возрожденного Польского государства (до 9 ноября 1918 г.), т. е. «во время российского управления землями, входящими в состав Польской республики»¹⁵². Что касается архивов польских учреждений, не находившихся полностью на польской территории, то они подлежали разделу по согласованию сторон, а те, которые не могли быть разделены, возвращались Польше.

Расширенно толкуя пункт 5, польская делегация требовала выдачи правительству Польши архивов Государственного секретариата Королевства Польского, императорской Канцелярии по делам Королевства Польского и Комитета по делам Королевства Польско-

¹⁵⁰ Там же, стр. 314.

¹⁵¹ Там же, стр. 313

¹⁵² ДВП СССР, т. III, стр. 630.

го¹⁵³. Но ведь названные учреждения являлись российскими¹⁵⁴.

Советская делегация не оспаривала большой ценности этих архивов для Польши, но в то же время она подчеркивала важность их для Советского государства, так как документы этих архивов, особенно отложившиеся после событий 1831 г., отражали политику русского царизма в отношении Польши¹⁵⁵.

Советская делегация сочла необоснованным требование о передаче Польше «Литовской метрики» — архива Великого княжества Литовского, относящегося в основном к территориям Украины, Белоруссии и Литвы, входивших со второй половины XVI в. и до разделов Речи Посполитой в состав упомянутого княжества, а не польских земель. Документы «Литовской метрики» лишь в малой степени имели отношение к польским землям.

Советская сторона не согласилась также на удовлетворение требования польской делегации о выдаче архивов бывших Виленской и Гродненской губерний, так как, согласно советско-литовскому договору от 12 июля 1920 г., Виленщина и Гродненщина отходили к Литве, и после этого не было принято какого-либо государственного акта, которым бы признавалось вхождение этих территорий в состав Польши¹⁵⁶. Не были переданы Польше части архивов, содержащие материал о борьбе царских властей с революционным движением в Польше после 1876 г. В тексте Рижского договора относительно этих архивов сказано, что они остаются в России «... впредь

¹⁵³ «Dokumenty...», zes. 4, str. 269.

¹⁵⁴ Ведомство государственного секретаря (статс-секретаря) было лишь референтурой при императоре. Польша манифестом от 14 февраля 1832 г. была превращена в провинцию России. Правда, пост статс-секретаря сохранился, но без прав министра. Это учреждение существовало до 1866 г., затем была образована Канцелярия по делам Королевства Польского, которая по-прежнему не имела законодательных прав, была чисто российским учреждением. Созданный в 1864 г. Комитет по делам Королевства Польского также был лишь совещательным органом при царе. Польская делегация требовала и выдачи архива статс-секретариата Княжества Варшавского, однако этот архив не был вывезен из Варшавы, а лишь проследовал через территорию Польши транзитом из Дрездена, где он возник, в Петербург.

¹⁵⁵ «Dokumenty...», zes. 4, str. 275.

¹⁵⁶ ДВП СССР, т. III, стр. 29—30.

до особого соглашения договаривающихся сторон о возврате их Польше»¹⁵⁷.

Остались не переданными и архивы кредитных и финансовых учреждений, так как они были необходимы для предъявления Наркомфином претензий Польше по другим статьям Рижского договора. Польша не получила административных архивов, вывезенных во время войны из Галиции, но уже по другой причине. Эти архивы просто не были обнаружены. По предположению советской делегации, они погибли во время эвакуации, проводившейся в большой спешке под натиском наступающих германских войск в 1915 г.¹⁵⁸

Длительное обсуждение вопроса о выполнении статьи XI Рижского договора завершилось принятием специальной смешанной комиссией решения от 30 октября 1922 г. выдать польскому правительству рукописи и книги из Российской публичной библиотеки в Петрограде, собраний графики из Академии художеств в Петрограде (графический кабинет бывшей Публичной библиотеки в Варшаве, графические собрания Варшавского общества друзей наук, графические собрания князя К. Сапеги)¹⁵⁹. Было учтено желание польской стороны вернуть в первую очередь рукописи как наиболее ценное достояние. Таким образом, Польше передавалось около 15 тыс. рукописей. Было решено признать неразделимой коллекцию славянско-русских рукописей; из латинских рукописей передавались те, которые написаны польскими авторами либо относились по своему содержанию к Польше, либо были переписаны и обработаны поляками до вывоза в Россию, либо принадлежали варшавскому «Обществу друзей науки». В составе Российской публичной библиотеки после выдачи осталось 1400 латинских рукописей по теологии, каноническому праву и юриспруденции. Оставлено также 400 французских и 700 итальянских рукописей. Из этой же библиотеки Польше передавались все документы и книги государственного архива Речи Посполитой, архив короля Станислава Августа, архивы, касающиеся восстания Костюшки, а также документы, относящиеся к Волынскому лицу, Олькушским копиям и др.

¹⁵⁷ Там же, стр. 630.

¹⁵⁸ П. Л. Войков. Указ. соч., стр. 61.

¹⁵⁹ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 178—184.

Для определения количества книг и рукописей, вошедших в состав Российской публичной библиотеки и подлежащих выдаче Польше, было назначено по два представителя от обеих делегаций. Они же должны были установить размер эквивалента за оставленные на месте книги, рукописи и т. д.¹⁶⁰ Для возвращения книг и рукописей устанавливался шестимесячный срок.

Таким образом, осталась сравнительно небольшая задолженность советской стороны частью в натуре, частью в деньгах, образовавшаяся по той причине, что некоторые требования польской стороны были представлены в смешанные комиссии с опозданием либо не были в достаточной степени обоснованы. Требовалось время для дополнительного оформления документации, а в некоторых случаях — для поисков требуемого имущества.

Все эти неудовлетворенные претензии были погашены советско-польским соглашением о реэвакуации и компенсации имущества, подписанным 25 августа 1924 г. правительственными делегациями СССР и Польши¹⁶¹.

Оставшиеся неудовлетворенными претензии польской стороны по статье XIV Рижского договора, а также советские обязательства и встречные претензии советской стороны по статье XV были взаимно погашены с тем, что Советское правительство должно было выплатить польской стороне 60 тыс. рублей золотом и реэвакуировать железнодорожный подвижной состав на сумму 450 тыс. рублей¹⁶².

Кроме того, советская сторона должна была уплатить эквивалент за имущество машиностроительного завода Чеслава Свицерского в сумме 50 тыс. рублей и завершить реэвакуацию в натуре некоторых предприятий.

Реэвакуация имущества должна была завершиться к 1 октября 1925 г. Денежные платежи — в январе 1925 г.¹⁶³

Подписание соглашения от 25 августа 1924 г. было

¹⁶⁰ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 179.

¹⁶¹ Со стороны СССР соглашение подписал председатель делегации П. Л. Войков, со стороны Польши — Ю. Пекарский. Текст соглашения см.: ДВП СССР, т. VII, М., 1963, стр. 636—643.

¹⁶² Там же, стр. 641.

¹⁶³ Там же, стр. 642, 643.

весьма важным событием в советско-польских отношениях, так как подводило итог выполнению материальных обязательств, являвшихся одной из важнейших составных частей Рижского мирного договора. Соглашение подводило итог длительной и кропотливой работе реэвакуационной комиссии. Оно внесло ясность в весьма запутанные взаимные расчеты, положило конец бесчисленным обвинениям в адрес Советского правительства и разоблачило клевету о том, якобы оно уклоняется от выполнения Рижского договора.

Советское правительство постаралось быстрее рассчитаться с Польшей по оставшимся платежам. Раньше назначенного срока, 2 декабря 1924 г., через советское полпредство в Варшаве было передано правительству Польши 102 913 долларов как эквивалент суммы 200 тыс. золотых рублей в соответствии с соглашением от 24 августа 1924 г.¹⁶⁴

Еще на заседании смешанной специальной комиссии 30 октября 1922 г. было принято решение о передаче правительству Польши архивов Государственного секретариата (статс-секретариата) по делам Королевства Польского за период с 1815 по 1866 г., Канцелярии по делам Королевства Польского за период с 1865 по 1876 г.¹⁶⁵, президента Варшавы И. Закревского, Непрерывного совета и связанных с ним учреждений, Эдукационной комиссии и других польских архивов, вывезенных в Россию после 1772 г.

30 октября комиссия приняла постановление о передаче Польше книг бывшей Плоцкой мужской гимназии, хранившихся в библиотеке Академии наук в Петрограде¹⁶⁶, а также о реэвакуации находившейся в Ростове-на-Дону библиотеки Варшавского университета.

Таким образом, к началу 1924 г. обязательство Советского правительства по реэвакуации промышленного оборудования, железнодорожного и другого имущества, а также культурных ценностей в основном было выполнено¹⁶⁷.

¹⁶⁴ АВП СССР, ф. 122, оп. 7, д. 9, л. 70.

¹⁶⁵ В 1876 г. Канцелярия была ликвидирована.

¹⁶⁶ «Dokumenty...», zes. 8, str. 400. Библиотека Плоцкой гимназии в количестве 6466 томов была передана Польше в апреле-мае 1924 г. (Архив АН СССР, ф. 2, д. 5, л. 41).

¹⁶⁷ «Документы и материалы»..., т. IV, стр. 302—307.

Вследствие чрезвычайной трудоемкости работы по отбору книг и рукописей, а также литературы, передаваемой в виде эквивалента, выполнение ее затянулось на годы. 16 ноября 1927 г. между СССР и Польшей было подписано Генеральное соглашение, окончательно разрешавшее все без исключения требования, заявленные смешанной специальной комиссией в соответствии со статьей XI Рижского мирного договора¹⁶⁸. В соглашении перечислялись еще не завершенные работы по выдаче рукописей, книг, эквивалента и содержалось постановление о разделе между СССР и Польшей архивных фондов Минской и Волынской губерний, относящихся к территории Польши, а также архивных материалов Минской и Волынской губерний, находившихся на территории Польши. Ввиду того что работы по передаче рукописей, книг и прочих предметов из Российской публичной библиотеки, а также по выдаче и разделу архивных фондов требовали длительного времени, стороны согласились точно не устанавливать срок их окончания.

Дополнительным соглашением, принятым также 16 ноября 1927 г., устанавливалось, что Польше будет предоставлена полная возможность пользоваться «на самых льготных основаниях» материалами бывших российских центральных учреждений дореволюционного периода, которые касаются Польши, но не подлежат выдаче¹⁶⁹.

Что касается материальных обязательств Советского правительства, то задержалось лишь выполнение статьи XIII Рижского договора об уплате Польше советскими республиками — Российской и Украинской — 30 млн. золотых рублей за «активное участие земель Польской республики в хозяйственной жизни бывшей Российской империи»¹⁷⁰.

Советское правительство вовсе не имело намерения отказываться от выполнения этого своего обязательства. Но в то время Советская страна переживала невероятные финансовые и валютные трудности. Золотой запас России был истощен мировой войной. Из оставшегося огромные суммы в виде золотых монет, слитков

¹⁶⁸ «Документы и материалы ..», т. V. М., 1967, стр. 223.

¹⁶⁹ Там же, стр. 226.

¹⁷⁰ ДВП СССР, т. III, стр. 633.

и драгоценностей были захвачены белогвардейскими генералами, руководителями различных контрреволюционных правительств и оказались в руках банкиров буржуазных государств Запада. Значительное количество советского золота было, как известно, захвачено восставшими против Советской власти чешскими легионерами.

Та часть золота и драгоценностей, которые Советской власти удалось спасти от разграбления, была мизерной по сравнению с довоенными запасами.

И все же при скудости своей казны Советское правительство большое количество золота и драгоценностей, не колеблясь, передало Польше в порядке выполнения материальных обязательств по мирному договору.

Что же касается обязательств по статье XIII, то здесь нельзя было не считаться с одним весьма серьезным фактором. Титул, по которому Советское правительство обязалось уплатить Польше 30 млн. рублей, возник как раз из наличия в прошлом прочных экономических связей между польскими землями, входившими в состав Российской империи, и остальной ее территорией. Значит, Советское правительство имело все основания рассчитывать на содействие своего контрагента в создании возможностей для уплаты по этому титулу. Причем, оказывая это содействие, Польша только выполняла бы свое обязательство, вытекающее из того же Рижского договора. Это — заключение торгового договора (статья XXI) и предоставление свободного транзита (статья XXII).

Одним из важнейших источников создания золотого запаса является внешняя торговля. Следовательно, для накопления золотого запаса (в данном случае его восстановления) Советской стране необходимы были нормальные экономические связи с другими странами, в первую очередь восстановление традиционных торговых связей с довоенными партнерами. Это означало транзит через польскую территорию и, конечно же, нормальный товарообмен с Польшей. Оба эти положения, как жизненно необходимые для обеих стран, вошли в Рижский мирный договор в виде двустороннего обязательства.

Однако энергично настаивая на выполнении Советским правительством своих обязательств, правительство Польши уклонялось от заключения торгового договора,

всячески ограничивало транзит. Постоянные усилия в этом направлении, прилагаемые Советским правительством в 1921—1923 гг., не привели к желаемым результатам.

Подобным образом и транзит, который мог бы стать одной из важных статей дохода для Польши, по вине ее правительства осуществлялся в мизерных размерах в ущерб обеим странам. Уклоняясь от выполнения XXI и XXII статей Рижского договора, правительство Польши не имело оснований настаивать на выполнении Советским правительством статьи XIII.

Советское правительство делало все для того, чтобы Рижский мирный договор стал прочной основой добрососедских отношений между нашими двумя государствами. Оно стремилось лояльно выполнять свои обязательства, пытаясь склонить к этому и своего польского партнера. По-иному смотрело на Рижский мирный договор правительство Польши. С его стороны наблюдалось постоянное уклонение от выполнения своих обязательств, особенно в области экономических отношений. Польша в ущерб своим жизненным интересам не желала устанавливать и развивать торгово-экономические связи с Советской страной, отсутствие которых придавало советско-польским отношениям непрочный, неустойчивый характер.

Но и в этих условиях Советское правительство продолжало последовательно проводить в отношении Польши политику, направленную на стабилизацию отношений в политической и экономической областях. Эта политика находила поддержку со стороны прогрессивных слоев польского народа, а также значительной части ее торгово-промышленных кругов.

4

Выполнение статьи VII Рижского договора

По Рижскому миру к Польше отошли западная часть Белоруссии, на которой проживало 2,6 млн. белорусов (поляки на этой территории составляли около 10% всего населения), и западная часть Украины — Волынь и Восточная Галиция, где украинцев проживало 70—90%,

10—11% на этих землях составляло еврейское население¹⁷¹.

Отрицательные последствия искусственного разделения украинского и белорусского народов в некоторой степени должны были смягчаться обязательством правительства Польши, взятым им на себя по Рижскому договору, предоставить украинскому и белорусскому населению «все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов»¹⁷².

Однако это обязательство, вошедшее в статью VII Рижского мирного договора, польским правительством не выполнялось с самого начала.

Правящие круги Польши задались целью полонизировать украинцев и белорусов и с первого дня господства на восточных окраинах — «кресах» — систематически проводили в жизнь эту политику.

Целям полонизации и превращения восточных окраин в антисоветский форпост должно было служить осадничество.

Правительство Польши еще 17 декабря 1920 г. приняло закон о наделении землей солдат, отличившихся в польско-советской войне. В конце войны был выработан широкий план колонизации восточных окраин и размещения осадников. По этому плану намечалось уже в 1921 г. разместить на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 8 тыс. семей военных осадников¹⁷³. А к концу 1922 г. на восточных окраинах было поселено их около 25 тыс. семей¹⁷⁴. Если учесть, что средний надел на каждого осадника был определен в 15 гектаров, то для их устройства требовались сотни тысяч гектаров земли. Созданный же для этих целей земельный фонд включал только земли бывших русских помещиков, а также земли, принадлежавшие ранее царской казне. Основное бремя, таким образом, падало на крестьян, ощущавших и без того большой земельный голод. Польское правительство, не задумываясь, посягнуло и на

¹⁷¹ «Mały rocznik statystyczny». Warszawa, 1959, str. 10—11.

¹⁷² ДВП СССР, т. III, стр. 626—627.

¹⁷³ «Sejm Ustawodawczy...», 244 pos., 29.VII 1921, łam. 34.

¹⁷⁴ Polska. Sejm. Spr. sten. 30 pos., 23.III 1923, łam. 37.

земельные наделы украинских и белорусских крестьян, эвакуированных в годы войны на восток, а после заключения Рижского мира возвращавшихся в родные места. Согласно специальному закону, принятому в конце 1920 г., земельные наделы, владельцы которых не возвратились к 1 апреля 1921 г., отчуждались в пользу государства. Эта земля затем отдавалась в собственность военных поселенцев. Официально репатриация развернулась в массовом порядке после заключения Рижского мира. А мирный договор был ратифицирован 30 апреля 1921 г. Таким образом, многие тысячи крестьян, эвакуированные во время войны в глубь России и не сумевшие возвратиться до заключения мира с Польшей, становились безземельными.

Действие этого закона распространялось только на 22 повята восточных окраин, значит, он обрушивался всей своей тяжестью почти исключительно на украинских и белорусских крестьян.

Жестокая эксплуатация крестьян помещиками, кулаками и осадниками, земельный голод, национальный гнет и бесправие — в таком положении очутилось население Западной Украины и Западной Белоруссии. Польские власти стремились лишить белорусов и украинцев возможности учить своих детей на родном языке, сделав школу одним из важнейших средств ополячивания. Так, с 1919 по 1923 г. в Восточной Галиции было закрыто польскими властями 1300 украинских школ. К концу 1923 г. там сохранилось только 7 украинских средних школ и 2645 начальных, зато польских начальных школ стало 7211, средних — 53¹⁷⁵.

В Западной Белоруссии только к 1923 г. было закрыто 150 белорусских школ, а вместо них были открыты польские. К 1924 г. на всей территории Западной Белоруссии сохранилось лишь 28 начальных школ с обучением на белорусском языке да две гимназии, содержавшиеся на частные средства¹⁷⁶.

В таком же тяжелом положении очутилось и русское население, которое было сосредоточено главным образом на Волини. Так, по имевшимся сведениям, из действовав-

¹⁷⁵ См.: «Известия», 4.I 1924.

¹⁷⁶ См.: «Правда», 27.III 1924.

ших там в 1920 г. 40 русских средних школ в 1924 г. осталось 10, да и те были под угрозой закрытия¹⁷⁷.

Преследованиям подвергалась также белорусская и украинская печать. В выступлениях депутатов в сейме приводился такой факт: по распоряжению министра просвещения эндека Гломбиньского (ярого сторонника политики насильственной колонизации населения восточных окраин) власти 17 раз конфисковывали единственную белорусскую легальную газету, издававшуюся в Вильно. За период с 1 января по 15 октября 1923 г. правительственным комиссаром г. Вильно было конфисковано 18 номеров белорусских газет «Наш сцяг» и «Вольны сцяг» и один номер «Крыніцы»¹⁷⁸.

14 апреля 1924 г. политический комитет Совета министров Польши утвердил разработанное министром народного просвещения и религиозных культов Б. Миклашевским «Положение о школьной политике среди национальных меньшинств». В нем говорилось, что начальные школы могут открываться лишь в тех округах, в которых это меньшинство составляет не менее $\frac{1}{3}$ всего населения, да и то только по просьбе родителей¹⁷⁹.

Министр внутренних дел Польши Скульский однажды хвастливо заявил депутату сейма — члену белорусского сеймового клуба Тарашкевичу, что «в Польше через 50 лет нигде не найдете белоруса даже со свечой»¹⁸⁰.

Совершенно по-иному относилось к выполнению статьи VII Рижского договора Советское правительство. Оно стремилось создать все условия и возможности для развития национальной культуры польского населения, проживавшего на территории советских республик. Основная масса поляков находилась на территории Украины и Белоруссии, однако в первые годы после революции значительное число поляков жило в Петрограде, Москве и некоторых других городах.

В 1921 г. в Минске имелось 16 польских средних учебных заведений, в том числе два педагогических, готовив-

¹⁷⁷ Sejm RP, Spr. sten. 128 pos., 12.VI 1924, łam. 4.

¹⁷⁸ Там же, 69 зас. 12.X 1923, кол. 35.

¹⁷⁹ AAN, Protokoły posiedzeń Komitetu Politycznego Rady Ministrów za rok 1924—1926.

¹⁸⁰ Sejm RP, Spr. sten. 10 pos. 23.I 1923, łam. 32.

ших учителей для польских школ. В Гомельской губернии функционировали 54 польские школы. В Петрограде — 12 школ ¹⁸¹.

Советское правительство не раз указывало правительству Польши на нарушение постановлений мирного договора относительно национальных меньшинств и требовало предоставления украинцам и белорусам возможностей для развития культуры, языка и отправления религиозных обрядов в соответствии со статьей VII договора.

В ноте НКИД РСФСР поверенному в делах Польши в Москве Стефаньскому 27 июля 1922 г. ¹⁸² приводилось большое количество фактов гонений и притеснений православного населения в Польше.

Напомним, что статья VII Рижского договора содержала двусторонние обязательства. НКИД РСФСР подчеркивал, что «правительство Советской России, ни на иоту не нарушая статьи VII Мирного договора, применяло на деле к лицам польской национальности католического вероисповедания существующие декреты в одинаковой мере, как и к лицам других национальностей и вероисповеданий, в то время как правительство Польской республики, торжественно провозгласив равноправие и свободу всех вероисповеданий, в действительности предоставляет широкие преимущества и привилегии римско-католической церкви, подвергая неслыханным гонениям и преследованиям национальные меньшинства других вероисповеданий» ¹⁸³.

Правительство Советской Белоруссии 21 августа 1921 г. тоже указало в специальной ноте правительству Польши на невыполнение им статьи VII Рижского договора. В этой ноте был приведен ряд фактов: закры-

¹⁸¹ ДВП СССР, т. IV, стр. 525. В 1921—1923 гг. многие поляки выехали в Польшу. Это были главным образом беженцы. В числе репатрировавшихся находилось много учителей, что послужило причиной закрытия некоторых школ в Петрограде, Москве и других городах. Этот факт был использован польскими правящими кругами для обвинений Советского правительства в невыполнении им статьи VII Рижского мирного договора (там же).

¹⁸² Там же, т. V, стр. 521—529. Нота, подписанная членом коллегии НКИД Я. Ганецким, и была ответом на польскую ноту, содержащую обвинения в адрес Советского правительства в невыполнении статьи VII Рижского договора.

¹⁸³ Там же, стр. 529.

тие белорусских школ, культурных учреждений, запрещение создавать общества и кооперативы¹⁸⁴.

Права населения Западной Украины и Западной Белоруссии Советское правительство постоянно отстаивало и впоследствии.

Особо стоял вопрос о Восточной Галиции (Западной Украине), захваченной польскими войсками в 1918—1919 гг.

Советское правительство последовательно отстаивало национальные интересы украинского населения Восточной Галиции, его право самостоятельно решать свою судьбу.

Еще во время мирных переговоров в Риге в заявлении ВЦИК от 23 сентября 1920 г. об основах соглашения между РСФСР и Польшей подчеркивалось, что одной из основ мира должно быть признание независимости Восточной Галиции. Советское правительство настаивало на проведении плебисцита, который бы и решил вопрос о государственной принадлежности этого края, а также вопрос о форме государственной власти¹⁸⁵. Правительство Польши не пошло на это, и окончательное решение вопроса о Восточной Галиции взял на себя Верховный совет держав Антанты. Последний передал Восточную Галицию Польше сроком на 25 лет при условии предоставления ей автономии¹⁸⁶. Это решение Польша не выполнила. Не осмеливаясь, однако, полностью игнорировать решение Антанты и добиваясь окончательного закрепления Восточной Галиции за Польшей, правительство Польши приняло 26 сентября 1922 г. закон о введении самоуправления для Львовского, Тернопольского и Станиславского воеводств в рамках учреждения воеводского самоуправления по всей Польше, лишь введя в этот закон несколько статей, отражавших национальную специфику упомянутых трех воеводств. Эти статьи определили компетенцию воеводских самоуправлений. Например, воеводские сеймики здесь стали состоять из двух палат, одну из которых составляла «русинская» (украинская) курия. В учреждениях и судах этих воеводств,

¹⁸⁴ Там же, т. IV, стр. 290.

¹⁸⁵ Там же, т. III, стр. 205.

¹⁸⁶ «История Польши», т. III. М., 1958, стр. 178.

как и во всей Польше, официальным языком являлся польский¹⁸⁷.

Фактически даже это куцее «самоуправление» так и не было введено. Вместо этого на всей территории Западной Украины проводилась усиленная полонизация.

Украинское население Восточной Галиции решительно протестовало против аннексии ее Польшей. Ярким проявлением этого протеста было массовое уклонение от службы в польской армии¹⁸⁸.

Одной из форм протеста против включения Западной Украины в состав Польского государства был бойкот выборов в сейм в 1922 г. По трем западноукраинским воеводствам — Львовскому, Тернопольскому и Станиславскому — из 2 млн. человек, имевших право голоса, участвовало в выборах только 763 943 человека (37,2%)¹⁸⁹. И это — несмотря на почти повсеместное принуждение к голосованию. После выборов все три восточногалицийские воеводства были объявлены на военном положении¹⁹⁰.

Бойкот выборов сопровождался борьбой крестьян против помещичьего гнета. По данным, сообщенным корреспондентом РОСТА из Варшавы, осенью 1922 г. на территории Восточной Галиции было сожжено более 90 помещичьих имений¹⁹¹.

15 марта 1923 г. конференция послов держав Антанты удовлетворила просьбу Польши о «суверинитете» над Восточной Галицией, а также утвердила всю восточную границу Польши, включая ее границу с Литвой. За Польшей закреплялась захваченная ею часть литовской территории с древней столицей Литвы Вильно (Вильнюсом).

Советское правительство не признало этого акта. Еще до принятия решения конференцией послов, 13 марта 1923 г., правительство Украинской ССР обратилось к правительствам Франции, Великобритании и Италии с нотой, в которой подчеркнул, что «акт оккупации... где

¹⁸⁷ К. *Kumaniecki*. Указ. соч., стр. 629.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ CAMSW, W—w, 65, k. 591—592, 643.

¹⁹⁰ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 244, k. 2, 38.

¹⁹¹ «Правда», 25.X 1922.

3/4 населения составляют украинцы, является в глазах правительства Украины актом насилия». Оно заявило, что «будет считать недействительным всякое установление какого бы то ни было режима в Восточной Галиции без его предварительного согласия и без опроса самого населения»¹⁹².

Это заявление, как мы уже видели, отражало точку зрения правительства РСФСР, неоднократно высказываемую Польше и державам Антанты. В ноте на имя премьер-министра Польши Сикорского от 5 апреля 1923 г. Чичерин писал, что правительство РСФСР не признает за господствующими в Лиге Наций державами «права распоряжаться чужими территориями и судьбой других народов»¹⁹³. Год спустя на англо-советской конференции в Лондоне 12 августа 1924 г. советская делегация сделала заявление о Восточной Галиции, повторив требование о сохранении за ней права на национальное самоопределение¹⁹⁴.

Социальный и национальный гнет в Западной Украине и Западной Белоруссии, полное бесправие украинцев и белорусов, в то время как недалеко, за кордоном, существовали советские республики, где единокровные братья пользовались всеми правами, а власть принадлежала рабочим и крестьянам, не могли не вызвать движения за воссоединение с советскими республиками. Это движение вскоре стало выливаться в стихийные выступления крестьян с оружием против помещиков, осадников и местных властей.

Резкое ухудшение экономического положения Польши в 1923 г., падение марки особенно тяжело отразились на жизни трудящихся восточных окраин страны и вызвали рост недовольства, охватившего широкие слои населения.

Это движение достигло высокого уровня к осени 1923 г. Классовые бои пролетариата в Центральной Польше, краковские события октября 1923 г. находили широкий отклик и на восточных окраинах. В ряде городов Западной Украины и Западной Белоруссии рабочие провели

¹⁹² ДВП СССР, т. VI, стр. 225—226.

¹⁹³ Там же, стр. 241—242.

¹⁹⁴ Там же, т. VII, стр. 425.

ряд забастовок. В Вильно, например, длительное время не работали все предприятия¹⁹⁵.

Революционное движение трудящихся Восточной Галиции и Волыни возглавляла Коммунистическая партия Восточной Галиции (КПВГ), образовавшаяся в феврале 1919 г. Орган партии «Галицкий коммунист» в начале 1921 г. призывал трудящихся взять власть в свои руки, изгнать помещиков и капиталистов и соединиться со своими братьями на востоке. «Если мы хотим благополучия и освобождения,— писала газета,— мы должны соединиться с Советской Украиной»¹⁹⁶.

В июле 1921 г. Компартия Восточной Галиции после переговоров с представителями КРПП вошла в состав Коммунистической рабочей партии Польши как территориальная организация¹⁹⁷. В 1923 г. КПВГ была переименована в Компартию Западной Украины (КПЗУ).

В коммунистической газете Восточной Галиции в апреле 1921 г. говорилось: «Наша партия хочет уничтожить существующий строй в Восточной Галиции и... создать рабоче-крестьянское правительство, построить свободную от всяких панов и независимую от всяких буржуев Галицийскую социалистическую республику»¹⁹⁸.

В июле 1921 г. ЦК КПВГ обратился к рабочим и крестьянам Восточной Галиции с манифестом, в котором содержался призыв ко всем национальностям Польши к объединению в борьбе против общего врага — помещиков и капиталистов, провозглашалась здравица в честь советских республик России и Украины¹⁹⁹.

Большую работу среди населения восточных окраин развернула КРПП в период кампании по выборам в польский сейм в 1922 г. Созданный КРПП легальный избирательный «Союз пролетариата города и деревни»,

¹⁹⁵ О размахе забастовочной борьбы в Западной Белоруссии в 1923 г., например, говорят такие данные: за 1923 г. здесь было зарегистрировано 590 коллективных конфликтов рабочих с предпринимателями, в которых участвовали 126 тыс. рабочих («Революционный путь КПЗБ». Минск, 1966, стр. 59).

¹⁹⁶ «Галицкий коммунист», 1921, № 1.

¹⁹⁷ В КПВГ в 1922 г. было 515 членов. К концу 1936 г. она насчитывала 4719 человек. («Очерки истории Коммунистической партии Украины». Киев, 1964, стр. 477).

¹⁹⁸ «Наша правда», 9.IV 1921.

¹⁹⁹ «Під прапором Жовтня». Львів, 1964, стр. 57—58.

наряду с другими социально-политическими требованиями (8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель с передачей их без выкупа крестьянам и т. д.), выдвинул требование равноправия всех национальностей и ликвидации всякого национального гнета.

В предвыборном воззвании к трудящимся Польши «Союз» призвал трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии «к совместной борьбе рука об руку с трудящимися всей Польши за социализм», подчеркивая, что только на этой основе они завоюют возможность самоопределения²⁰⁰.

Борясь с революционным движением, польские власти обрушивали на население все новые еще более свирепые репрессии. Они ликвидировали и те жалкие остатки прав, которыми пользовались трудящиеся Западной Белоруссии и Западной Украины.

Советское правительство было вынуждено поднять свой голос в их защиту и указать еще раз польскому правительству на обязательства, взятые Польшей по статье VII Рижского договора. В ноте Советского правительства от 10 мая 1924 г. говорилось: «Все гарантии, предусмотренные Рижским договором по отношению к национальным меньшинствам, польскими властями систематически нарушаются и сводятся к нулю»²⁰¹.

В ноте приводилось множество новых фактов закрытия украинских и белорусских школ, издевательств над населением Западной Украины и Западной Белоруссии, фактов избиений и даже убийств ни в чем не повинных людей, гонений на православную церковь. «Совершенно очевидно,— отмечалось в ноте,— что во всех областях национальной жизни украинцев и белорусов, находящихся в пределах Польской республики, польские власти совершенно открыто показали нежелание выполнять обязательства, взятые на себя Польшей по Рижскому миру», и что «строгое и неуклонное соблюдение статьи VII Рижского договора является необходимым условием для установления добрососедских отношений, столь необходимых обоим народам»²⁰².

²⁰⁰ «КРР. Uchwały i rezolucje», t. I. Warszawa, 1953, str. 291,

²⁰¹ ДВП СССР, т. VII, стр. 260.

²⁰² Там же, стр. 267.

Глава пятая

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В ЕВРОПЕ И СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1924 г.)

I

Признание СССР западными державами и внешнеполитический курс Польши

Год 1924-й ознаменовался дальнейшим укреплением позиций Советского государства на мировой арене.

В резолюции XIV съезда РКП(б) в связи с этим отмечалось:

«В области международных отношений налицо закрепление и расширение «передышки», превратившейся в целый период так называемого мирного сожительства СССР с капиталистическими государствами»¹.

В основе равновесия сил, обусловившего мирное существование, лежала внутренняя слабость мировой капиталистической системы, с одной стороны, и усиление Советского государства — с другой. Наступивший после 1923 г. спад революционной волны хотя и спас капиталистическую систему от гибели, но не усилил ее. Необходимость мирного сосуществования и привела к так называемой полосе признаний Советского государства де-юре целым рядом капиталистических государств.

Первой из великих держав Запада вступила на этот путь Великобритания, что было связано с приходом к власти лейбористского правительства Макдональда. Опасаясь потери доверия членов лейбористской партии, оно было вынуждено выполнить обещание, данное рабо-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. III. М., 1970, стр. 244.

чим массам Англии, которые выдвинули признание СССР условием поддержки правительства.

1 февраля 1924 г. правительство Великобритании заявило о признании СССР де-юре. Вслед за этим состоялся обмен дипломатическими представителями в ранге поверенных в делах и были начаты переговоры о заключении экономических соглашений. Италия 7 февраля 1924 г. также признала СССР де-юре и даже опередила Великобританию, заключив с Советским правительством договор о торговле и мореплавании. Вскоре их примеру последовали Китай, Норвегия, Австрия, Греция, Швеция, Дания, Мексика, Венгрия и другие страны. К концу 1924 г. Советский Союз имел дипломатические отношения уже с 21 государством капиталистического мира².

Столь радикальное изменение позиции западных держав в отношении СССР произвело большое впечатление в политических и хозяйственных кругах Польши, усилившееся после того, как стало известно, что и Франция — союзница Польши и ее главный протектор и покровитель — после прихода к власти правительства «левого блока» во главе с Эррио приступила к переговорам с Советским правительством о признании СССР³.

Озабоченность сторонников продолжения жесткого курса в отношении СССР усилилась и в связи с тем, что сколачиваемый Польшей антисоветский блок прибалтийских государств в изменившейся обстановке стал давать новые трещины и находился на грани распада.

Это показала очередная Балтийская конференция, состоявшаяся в середине февраля 1924 г. Ее участникам предстояло выработать совместную платформу в отношении Лиги Наций, а также обсудить вопросы об экономическом сотрудничестве прибалтийских государств и Польши, включая вопросы транзита. Центральным был, однако, вопрос об «общей платформе в отношении СССР»⁴.

Уже в своей речи при открытии конференции польский министр иностранных дел М. Замойский сказал,

² См.: «История КПСС», т. 4, кн. 1. М., 1970, стр. 264.

³ Archiwum Akt Nowych (далее — ААН), Ambasada RP w Moskwie, t. 52.

⁴ «Известия», 17.II 1924.

что конференция «явится дальнейшим этапом на пути, которым мы идем уже четыре года»⁵. На первое место он выдвинул именно политический вопрос. Однако, как ни старалась польская делегация, ее планы потерпели неудачу, так как вопрос об «общей платформе», ввиду отрицательного отношения к нему делегаций Латвии и Финляндии, вообще не стал обсуждаться⁶.

Конференция ограничилась принятием решений о дальнейшем укреплении экономических связей между четырьмя государствами путем заключения соответствующих конвенций и о сотрудничестве по вопросам, касающимся Лиги Наций⁷.

Оценка итогов Варшавской конференции 1924 г. даже со стороны польских правительственных кругов была весьма сдержанной. Выступая в сенатской комиссии по иностранным делам, Замойский вынужден был признать, что конференция не дала каких-либо существенных результатов⁸. Отвечая на вопросы о политических итогах конференции, Замойский весьма туманно сказал, что на ней «были определены принципы политического соглашения по общим вопросам, в особенности разоружения, сотрудничества прессы, сближения в целях взаимного ознакомления друг с другом»⁹.

Отрицательной была оценка конференции левыми группировками и даже либеральными кругами буржуазии. Так, «Курьер польски» отметил, что «ни один из предложенных Польшей пунктов не был принят конференцией»¹⁰.

Советская общественность с удовлетворением констатировала тот факт, что прибалтийские государства не хотят больше оставаться орудием антисоветской политики правящих кругов Польши.

⁵ «Rzeczpospolita», 16.II 1924.

⁶ см.: «Известия», 26.II 1924.

⁷ «Известия», 21.II 1924. Польское правительство предлагало включить в повестку дня конференции вопрос о разоружении. Под такой вывеской намечалось, по настоянию польского генштаба, обсудить вопрос о военном союзе («Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (далее — «Документы и материалы...»), т. IV. М., 1966, стр. 274). Однако делегации прибалтийских государств отказались обсуждать этот вопрос, и он был снят.

⁸ см.: «Известия», 1.III 1924.

⁹ «Rzeczpospolita», 28.II 1924.

¹⁰ «Kurier Polski», 20.II 1924.

«Балтийские государства,— писала по этому поводу газета «Известия»,— после 3-летнего мирного сожительства с СССР и после перемены в Европе курса в отношении СССР начали ревизовать свою линию политики, навязанную им Польшей»¹¹.

Не было достаточно прочным и другое звено антисоветской цепи, создаваемой Польшей. Это проявилось особенно ярко, когда Польша осенью 1923 г. попыталась вынудить Румынию заявить о своей готовности оказать военную помощь Франции в случае вооруженного вмешательства последней в германские внутренние дела. Румыния предпочла уклониться от каких-либо заверений на этот счет, несмотря на то что польское правительство многократно добивалось положительного ответа. На румынских руководителей теперь уже не производило впечатления напоминание об опасности, якобы грозящей Румынии со стороны Советского Союза или каких-либо неожиданных шагов со стороны Венгрии или Болгарии¹².

В том, что Румыния заняла такую позицию, польское правительство пыталось обвинить СССР, который якобы «стремится к политической изоляции Польши» и «ослаблению ее системы оборонительных союзов»¹³.

Прилагавшее много усилий к тому, чтобы не допустить урегулирования спорных вопросов между Румынией и СССР, польское правительство еще больше было обеспокоено, узнав о положительном ответе Румынии на советское предложение от 5 декабря 1923 г. начать переговоры¹⁴.

Неудачи с созданием Балтийского союза, кажущаяся склонность Румынии к мирным переговорам с СССР— все это способствовало усилению в Польше

¹¹ «Известия», 26.II 1924.

¹² «Документы и материалы...», т. IV, стр. 276.

¹³ AAN, Protokół Posiedzeń Komitetu Politycznego Rady Ministrów, 1924—1926, k. 23.

¹⁴ «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР), т. VI, М., 1962, стр. 531. Переговоры происходили в Вене с 27 марта по 2 апреля 1924 г. и закончились безрезультатно из-за отказа правительства Румынии провести в Бессарабии референдум. Тем самым румынскими правительственными кругами, опасавшимися результатов голосования, фактически признан насильственный характер «присоединения» Бессарабии.

позиций сторонников нормализации отношений с Советским государством и заставляло польское правительство более определенно высказаться за экономические связи со своим восточным соседом.

В беседе с советским полпредом Л. Оболенским, состоявшейся 4 января 1924 г. по случаю вручения им верительных грамот, президент Польши С. Войцеховский затронул этот вопрос и, как свидетельствует запись беседы, «...говорил о необходимости скорейшего экономического сближения и хозяйственного сотрудничества» между Польшей и СССР¹⁵.

Вопрос этот оживленно дебатировался и в сейме. Открывшееся 14 февраля заседание комиссии по иностранным делам сейма почти полностью было посвящено польско-советским отношениям.

В своем докладе министр иностранных дел М. Замойский особо подчеркнул, что одним из важнейших событий в Европе является изменение позиции европейских государств в отношении СССР. «Вслед за признанием,— сказал он,— начинается развитие экономических связей СССР с Западом, в котором Польша намерена принять участие»¹⁶.

Представители эндеков с одобрением отнеслись к речи Замойского. Выступления лидеров ППС были сдержаннее, однако и они не высказали возражений по той части речи, в которой министр касался вопроса о признании Англией и Италией СССР и позиции Польши.

Немаловажным фактом явилось решение польского правительства направить в Москву нового дипломатического представителя в ранге посланника (до этого при Советском правительстве были аккредитованы представители Польши в ранге поверенных в делах). Многообещающим был и сам выбор кандидатуры Л. Даровского на этот пост.

Л. Даровский — экономист по образованию, занимавший до этого в Польше министерские посты. Он хорошо знал дореволюционную Россию, продолжительное время жил в Москве и Петрограде, занимаясь вопроса-

¹⁵ Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych (далее — CAMSW), W—w, 37, t.11, dok. 11.

¹⁶ «Известия», 15.II 1924.

ми промышленности в качестве директора экспортных обществ и различных промышленных объединений.

В своей речи при вручении верительных грамот председателю ЦИК СССР М. И. Калинину 8 марта 1924 г. Л. Даровский подчеркнул, что одной из главных целей его деятельности будет «создание условий для экономического сближения между Польшей и Союзом Советских Социалистических Республик в необходимой для этого атмосфере мира»¹⁷.

Новый дипломатический представитель, в отличие от своих предшественников, не был близко связан с лагерем пилсудчиков. Уже одно это позволяло ожидать от него не только заверений, но и практической деятельности, направленной на развитие добрососедских отношений между Польшей и СССР.

Даровский, по-видимому, имел искреннее намерение ускорить заключение торгового договора, соглашения о транзите, консульской конвенции и других соглашений, которые бы положили конец отчужденности между Польшей и СССР.

5 апреля 1924 г. Советское правительство через НКВД возобновило официальное предложение Польше в ближайшее время начать переговоры о торговом договоре при одновременном рассмотрении вопросов, связанных с выполнением материальных обязательств по Рижскому договору¹⁸.

Ответ Даровского, датированный 11 апреля, был, однако, не слишком обнадеживающим. Сообщая, что «предложение начать в ближайшее время предварительные ориентировочные переговоры по выработке основных положений торгового договора, при одновременном обсуждении способов реализации материальных обязательств Рижского договора, получило одобрение польских руководящих органов», он вместе с тем отмечал, что приезд в Москву директора департамента торговли Г. Тенненбаума, которому поручалось вести переговоры, в данный момент невозможен из-за его занятости¹⁹. Не оставалось сомнений в том, что противники развития

¹⁷ ДВП СССР, т. VII. М., 1963, стр. 141.

¹⁸ Там же, стр. 177.

¹⁹ Там же, стр. 178.

торговых связей с Советской страной в Варшаве вновь предприняли шаги, чтобы сорвать торговые переговоры. Вскоре стало известно, что Г. Тенненбаум подал в отставку, поводом для которой явилось его несогласие с политикой правительства в области внешней торговли²⁰.

Так и на этот раз переговоры о торговом договоре и по другим экономическим вопросам не состоялись.

О том, сколь глубоки были различия между интересами торгово-промышленных кругов и политикой правительства, свидетельствовало, в частности, обсуждение в польском сенате вопроса о бюджете министерства промышленности и торговли 24 июля 1924 г. В ответ на выступление сенатора Трускера, заявившего, что Польше необходим торговый договор с Советским Союзом, министр промышленности и торговли Ю. Кедронь отметил, что торговые договоры с Россией, Германией и Чехословакией не заключены потому, что, «помимо вопросов чисто экономических, играют большую роль соображения политические». Признав, что из-за отсутствия нормальных экономических связей с Советской страной «изделия текстильной промышленности некуда девать, так как внутренний рынок не в состоянии все их потребить, и нужно будет сокращать производство, пока завоеем соответствующие заграничные рынки», министр не произнес ожидаемых от него слов о торговле с СССР. «Русский рынок, на который вы, господа, делаете сильное ударение, — заявил он, — может быть теперь заменен другими рынками — турецким, персидским и т. д. — одним словом, весь Восток может частично заменить потерю русского рынка»²¹.

Чтобы оправдать в глазах общественного мнения такую политику, ряд буржуазных газет высказывался скептически относительно ближайших перспектив торговли с СССР. Влиятельный орган эндеков, «Газета варшавска» писала, что советский рынок еще долго не будет представлять «никакого интереса для промышленных кругов Польши»²². В таком же духе высказался и «Курьер польски», уверявший, что «нечего строить иллюзий относительно торговли с СССР в ближайший пе-

²⁰ CAMSW. W—w, 37/1, k. 708.

²¹ Senat RP, Sprawozd. stenogr., 68 pos., 24.VII 1924, szp. 16.

²² «Gazeta Warszawska», 21.III 1924.

риод»²³. Близкий к пилсудчикам «Курьер поранны» старался убедить своих читателей в том, что якобы советский рынок не представляет интереса для Польши по причине существования в СССР монополии внешней торговли. Газета утверждала, что к тому же при установлении экономических связей с Польшей Советское правительство руководствуется главным образом «политическими соображениями»²⁴.

Подобный тон ряда влиятельных польских газет, инспирируемых правительственными кругами, вызывал беспокойство той части польской буржуазии, которая реалистически подходила к вопросам торговли с Советской страной. Орган лодзинских промышленников «Република» в статье «Торговля с Россией» отмечал по этому поводу, что в польской печати уже вошло в систему «умышленно умалчивать ту истину, что заключение торгового договора с СССР является для Польши вопросом жизни» и что «пора правительству Польши перейти к реальной торговой политике»²⁵.

Активную борьбу за развитие экономических связей между Польшей и СССР вели польские коммунисты.

Депутаты-коммунисты Ст. Ланцуцкий и С. Круликовский, выступая от имени сеймовой фракции «Союза пролетариата города и деревни», внесли в конце января 1924 г. в сейм проект резолюции, гласивший: «Поручить правительству в месячный срок представить на рассмотрение сейма проект торгового договора с Союзом Советских Социалистических Республик»²⁶.

Однако с резолюцией коммунистических депутатов поступили так же, как и с их другими предложениями: она даже не обсуждалась. Маршал сейма передал проект в торгово-промышленную комиссию, затем он попал

²³ «Kurier Polski», 21.III 1924.

²⁴ «Kurier Poranny», 1.VII 1924.

²⁵ «Republika», 27.III 1924. Эта же газета в следующем номере поместила статью под заголовком «Польша и СССР», в которой говорилось: «Если бы ежедневно все органы печати повторяли и все министры и товарищи министров кричали благим матом, что Россия нам не нужна, что экономические отношения с СССР являются лишь праздной затеей и что можно не заключать торгового договора с СССР, то это никого не убедило бы, а лишь скомпрометировало нас в глазах Запада».

²⁶ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 265.

в комиссии по иностранным делам, где и был похоронен²⁷.

ЦК КРПП дал указание партийным организациям на местах разъяснять рабочим, что «условием развития промышленности в будущем является заключение торгового договора с СССР... Тесное экономическое сотрудничество и прокладывание пути к непосредственным сношениям с рабочими советских республик вызовет хозяйственное оживление, усилит роль и влияние рабочего элемента в производстве»²⁸.

Рабочие массы оказывали поддержку КРПП, так как понимали, что ее требования полностью отвечают интересам польского пролетариата, делу пролетарского интернационализма и укрепления дружбы с трудящимися Советской страны. В конце января 1924 г. состоялась конференция профсоюзов Лодзи по вопросам борьбы с безработицей. Конференция приняла резолюцию, требующую немедленного заключения торгового договора с СССР²⁹.

Даже на заседании ЦК профсоюзов, находившегося в руках ППС, был принят проект резолюции с аналогичным требованием, но большинством руководства ЦК проект был отклонен³⁰.

Вечером 28 января центральную площадь Лодзи заполнили тысячи безработных. Здесь состоялся большой митинг, на котором выступил депутат сейма коммунист Ст. Ланцуцкий. Он обратился с призывом бороться за развитие торговли с Советским государством. С полным одобрением была принята предложенная Ланцуцким резолюция, в которой содержалось требование заключить торговый договор с СССР. Резолюцию поддержали также члены местной организации ППС³¹.

Выступая на дискуссии в сейме по государственному бюджету 13 июня 1924 г., Ст. Ланцуцкий заявил, что самым реальным путем к улучшению экономического положения страны является установление экономических связей с Советским Союзом. Он осудил нежелание пра-

²⁷ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 266.

²⁸ «Głos komunistyczny», 15.II 1924.

²⁹ CAMSW, W—w, 34/2, t. 1, dok. 96.

³⁰ Там же, док. 30.

³¹ Там же, док. 130.

вящих кругов стать на этот путь в угоду узкоклассовым интересам. «Русская революция обойдется и без помощи польского капитализма,— сказал Ланцуцкий, —тогда как польский капитализм умрет, как астматическая кляча, без российских рынков»³². В том, что правительство Польши было вынуждено не чинить препятствий в установлении рядом польских фирм торговых сделок с советскими внешнеторговыми организациями (это в какой-то мере сдерживало рост безработицы и служило делу улучшения положения рабочих масс), тоже большая заслуга принадлежала КРПП. Ее агитация в массах, выступления ее депутатов с трибуны сейма помогали преодолевать сопротивление противников сближения с СССР, укреплять доверие к Советскому Союзу, разоблачать антисоветскую клевету польской буржуазной печати.

Уже осуществлявшийся товарооборот между Советским Союзом и Польшей, пусть не очень значительный с точки зрения имевшихся объективных возможностей, но все же имевший с начала 1924 г. тенденцию к расширению, требовал неотложного урегулирования вопроса о нормальном железнодорожном сообщении, т. е. заключения предусмотренной Рижским мирным договором железнодорожной конвенции.

31 декабря 1923 г. НКВД направил польской миссии в Москве ноту, в которой указывалось на необходимость скорейшего обсуждения этого вопроса. Советская инициатива нашла отклик в хозяйственных кругах Польши. 16 января 1924 г. польская миссия сообщила НКВД, что правительство Польши согласно начать переговоры и со своей стороны предлагает, чтобы местом переговоров была Варшава³³. Переговоры начались 31 марта 1924 г., а 24 апреля была подписана конвенция о прямом пассажирском и товарном железнодорожном сообщении³⁴.

Важной особенностью конвенции явилось урегулирование вопроса о тарифах. Отсутствие соглашения позволяло железнодорожным властям Польши произвольно

³² «Posłowie rewolucyjni w sejmie». Warszawa, 1961, str. 80.

³³ АВП СССР, ф. 122, оп. 7, д. 7, л. 60.

³⁴ Полный текст конвенции см.: «Собрание распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР», отд. 11, № 68, М., 1928, стр. 280,

завышать тарифы на перевозку советских грузов по польским железным дорогам, нанося тем самым ощутимый ущерб советской внешней торговле.

В соответствии с конвенцией устанавливались тарифы для советских товаров, следующих транзитом через Польшу, не превышающие тарифов, применяемых в Польше по внутренним перевозкам³⁵.

Впредь до урегулирования вопроса о взаимных денежных расчетах по перевозкам в прямое железнодорожное пассажирское сообщение включались станции: в СССР — Ленинград, Москва, Харьков, Тифлис, Минск, Киев, Одесса, а в Польше — Белосток, Варшава, Вильно, Краков, Познань, Лодзь, Катовице и Гданьск³⁶.

Польская сторона согласилась на введение в действие ряда пунктов конвенции, не ожидая ее ратификации правительствами³⁷.

21 марта 1924 г. начались переговоры о заключении консульской конвенции, а 18 июля она была подписана³⁸.

Подписание консульской конвенции явилось важным актом в деле стабилизации советско-польских отношений. Это было первое соглашение принципиального характера, заключенное с Польшей после подписания Рижского мирного договора.

Соглашением предусматривалось открытие консульской сети в обеих странах. Обменом нот, состоявшимся одновременно с подписанием консульской конвенции, устанавливалось, что Польша открывает свои консульства в Ленинграде, Киеве, Хабаровске и Тифлисе, кроме того, сохранялись консульства в Харькове и Минске, открытые ранее. Правительство СССР получало право на открытие консульств во Львове, Гданьске и Лодзи³⁹.

³⁵ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 286.

³⁶ В прямое советско-польское грузовое сообщение, согласно статьи 1 конвенции, включались все станции СССР и Польши (там же, стр. 312—313).

³⁷ Конвенция была утверждена Советом Народных Комиссаров СССР 15 июля 1924 г., советом министров Польши — 25 июля 1924 г.

³⁸ Со стороны СССР конвенцию подписали В. Копп и Б. Штейн, с польской стороны — поверенный в делах К. Вышиньский и директор консульского департамента МИД К. Познаньский («Документы и материалы...», т. IV, стр. 314).

³⁹ Там же, стр. 315. Польша получала на одно консульство больше, учитывая обширность территории СССР и разбросанность тех пунктов, которые подлежали охвату консульской сетью.

Было установлено, что консульская сеть в обеих странах в дальнейшем может быть расширена: СССР получил право на открытие в будущем консульства в Кракове, а Польша — в Ново-Николаевске (Новосибирск)⁴⁰.

Консульская конвенция создавала хорошие предпосылки для установления прочных торгово-экономических связей. Для Советского государства очень важно было иметь консульства во Львове и Гданьске, так как через Львов осуществлялись торговые связи со странами Юго-Восточной Европы и Балканского полуострова. Гданьск имел большое значение как морской порт, через который шли торговые пути в страны Западной Европы.

Советская общественность с большим удовлетворением встретила подписание консульской конвенции, которая, как писали «Известия», «несомненно послужит дальнейшему укреплению и развитию дружественных и добрососедских отношений между обеими странами»⁴¹.

Положительный отклик вызвал этот акт и в польской печати. Даже такая газета, как «Курьер поранны», признавала, что факт подписания консульской конвенции «имеет важное значение для обеих сторон, поскольку ведет к нормализации и оживлению взаимоотношений между Польшей и Советской Россией...»⁴²

Однако последовавшее вскоре ухудшение отношений между СССР и Польшей, которое произошло по вине польского правительства, задержало чуть не на два года проведение консульской конвенции в жизнь⁴³.

Важным этапом в упрочении советско-польских отношений было уточнение линии государственной границы. 31 июля 1924 г. состоялось заключительное заседание смешанной пограничной комиссии, на котором был подписан «Общий окончательный протокол прохождения государственной границы между СССР, с одной стороны, и Польской республикой, с другой»⁴⁴.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Известия», 19.VII 1924.

⁴² «Kurier Poranny», 28.VII 1924.

⁴³ Консульская конвенция была ратифицирована ЦИК СССР и президентом Польши одновременно — 27 марта 1926 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Варшаве 1 апреля 1926 г.

⁴⁴ См.: «Сборник законов СССР», отд. II, № 26. М., 1933, стр. 186, 216, 245.

В первой половине 1924 г. была закончена репатриация польских граждан на родину, осуществлявшаяся в соответствии с соглашением о репатриации от 24 февраля 1921 г. и Рижским мирным договором. 25 июня в Москве состоялось заключительное заседание смешанной советско-польской репатриационной комиссии, на котором были подведены итоги более чем двухлетней работы, отнявшей у обеих сторон много сил, энергии и материальных средств. Достаточно сказать, что с 1 апреля 1921 г. по апрель 1924 г. было репатрировано 1,1 млн. человек⁴⁵.

Стороны договорились, что дальнейшая репатриация будет осуществляться через дипломатические службы⁴⁶.

Требовал быстреего разрешения и вопрос о почтово-телеграфной связи между обеими странами, так как обмен разного рода корреспонденцией, в том числе личной, а также телеграфное сообщение осуществлялись от случая к случаю. Польские власти чинили препятствия в пересылке даже личных писем, не говоря уже о телеграммах и особенно советских периодических изданиях, которые вообще в Польшу не пропускались. Почтово-телеграфная конвенция была подписана еще 24 мая 1923 г., но правительство Польши затягивало ее ратификацию, поэтому долгое время после подписания конвенции регулярная почтовая связь между СССР и Польшей отсутствовала. Что касается произведений печати, то они могли попадать в Польшу только окольными путями, главным образом через Латвию. Вначале этот вид корреспонденции не пропускался польскими властями под тем предлогом, что Советское государство не является участником международной мадридской почтовой конвенции. Но в 1924 г. СССР присоединился к этой конвенции. Тогда министерство внутренних дел Польши избрало новый способ борьбы с «большевистской пропагандой». 19 июля 1924 г. оно издало циркуляр воеводам, предписывавший конфисковывать советские печатные издания под предлогом наличия в них «клеветы в адрес Польши». А поскольку, как указывалось в циркулярах воевод, разосланных на места в соответствии с цирку-

⁴⁵ «Документы и материалы. .», т. IV, стр. 307—308.

⁴⁶ Там же. стр. 308.

ляром министерства, «заранее известно, что почти каждый экземпляр советских газет и журналов содержит черты преступлений, предусмотренных уголовным кодексом»⁴⁷, то конфискации подлежали все советские издания, а их нелегальное распространение влекло за собой тяжелое наказание. Положение несколько улучшилось лишь после ратификации конвенции обеими сторонами — в феврале 1925 г.

Заключением конвенций, предусмотренных Рижским мирным договором, был сделан шаг вперед в отношениях между СССР и Польшей. После этого можно было ожидать, что польское правительство сделает следующий шаг — начнет переговоры по восстановлению экономических связей и заключению торгового договора. Однако этого не произошло. В польских правящих кругах в это время опять упрочили свои позиции крайне реакционные группировки во главе с пилсудчиками, которые всеми средствами стали препятствовать наметившемуся улучшению отношений с СССР.

2

Усиление западной ориентации Польши. Активизация пилсудчиков

Экономический кризис, охвативший ряд ведущих отраслей польской экономики в предыдущие годы, еще более углубился в конце 1923 — начале 1924 г. Из-за отсутствия сбыта готовой продукции предприятия металлургической промышленности работали неполную неделю. Особенно страдала из-за этого текстильная промышленность, многие фабрики работали только два-три дня в неделю либо вовсе закрывались. Такое же положение наблюдалось в цементной, машиностроительной и других отраслях. Количество безработных к середине 1924 г. превысило 100 тыс. человек. Расстройство экономики породило жестокую инфляцию. Польская марка продолжала стремительно падать.

Эти процессы вызвали обострение внутривнутриполитического положения в стране. Борьба между группировками правящего лагеря привела в декабре 1923 г. к падению

⁴⁷ Государственный архив Львовской области (далее — ГАЛО), ф. 1, оп. 51, д. 9, лл. 5—6.

правительства Хьена-Пяста. Сформированный после отставки кабинета Витоса «надпартийный» кабинет Вл. Грабского в качестве своей основной задачи поставил «оздоровление» финансов и стабилизацию валюты. Однако и правительство Грабского не пошло по пути нормализации и максимального расширения торговли с СССР, что было бы реальным выходом из тупика, в который завели польскую экономику ее недалековидные политики. Все надежды Грабский возлагал на иностранные займы, что неизбежно должно было повлечь за собой увеличение зависимости Польши от западноевропейских капиталистических монополий — в первую очередь английских и американских, поскольку на Францию было мало надежды ввиду отсутствия у нее соответствующих средств.

Английские финансовые магнаты тоже стали проявлять повышенный интерес к Польше, которая могла пригодиться английским империалистам как плацдарм для будущей агрессии против Советского Союза и для конкурентной борьбы с Францией за влияние в Восточной Европе.

В октябре 1923 г. в Польшу прибыл английский финансовый эксперт Х. Юнг. Однако в польском правительстве еще было сильным влияние сторонников французской ориентации во главе с премьером эндеком Вл. Грабским. Замысел кругов, направивших в Варшаву Юнга, был быстро разгадан. Он состоял в том, чтобы не только поставить Польшу в финансовую зависимость от Англии, но и оказывать влияние на всю ее внешнюю политику⁴⁸.

Премьер Вл. Грабский, надеявшийся осуществить финансово-денежную реформу за счет мобилизации внутренних ресурсов (повышение налогов, в основном на трудовые слои населения, увеличение рабочего дня в промышленности до 10 часов и т. д.), а также не желая ослаблять союза с Францией, постарался отправить обратно английских финансовых экспертов. Юнгу было предложено побыстрее сделать польскому правительству доклад о его наблюдениях, предложениях и выводах. Затем премьер-министр заявил комиссии Юнга, что в

⁴⁸ Centralne Archiwum KC PZPR (далее СА KC PZPR). Teka osobowa St. Grabskiego, k. 178.

дальнейшем он не считает нужным пользоваться ее услугами.

Но сторонники английской ориентации, среди которых имели большое влияние пилсудчики, не оставили своих планов. Этому способствовало то, что проведенная Вл. Грабским валютная реформа — введение польского злотого — не имела большого успеха и экономическое положение Польши продолжало оставаться тяжелым. Рабочий класс ответил на усиление эксплуатации подъемом стачечной борьбы⁴⁹.

Польское же правительство не прислушалось к голосу прогрессивной общественности во главе с коммунистами, предлагавшими единственно реальный и не грозивший Польше иностранной кабалой путь выхода из финансового и экономического кризиса — расширение экономических связей с Советским Союзом.

Польские правящие круги все более тяготились союзом с Францией, имевшим не экономическую, а военную основу. Заем в 400 млн. франков, выделенный Польше и вызвавший много восторга, совершенно не оправдал надежд, так как был предназначен исключительно на военные цели. Этот заем разочаровал даже военные круги, потому что в счет займа Франция стала поставлять давно устаревшее вооружение. Экономическая конвенция, вошедшая в силу после ее ратификации в феврале 1922 г., тоже оказалась выгодной лишь для одной Франции⁵⁰.

Приход к власти в Англии лейбористов, несколько неприязненно встреченный кругами народной демократии, вызвал восторг у польских социалистов, отчасти людовцев и других «левых» группировок. Лидеры ППС сразу же по сформировании правительства Макдональда обратились к Вл. Грабскому с требованием незамедлительно начать экономические переговоры с Англией и предложили свои услуги в установлении контактов с Макдональдом и его окружением. Вскоре в Лондон отправился один из членов руководства ППС Роникер. Зондаж дал ожидаемые результаты: правительство Макдональда благосклонно выразило согласие на учреждение

⁴⁹ В 1924 г. в забастовках участвовали 564 тыс. рабочих.

⁵⁰ «Przemysł i Handel», 1924, N 28.

англо-польского банка, предоставление Польше долгосрочного кредита. Взамен за это Польша должна была, как показывают секретные материалы переговоров, пойти на картелизацию всей промышленности, чтобы облегчить зависимость ее от английского финансового капитала, ослабить связи с Францией и начать постепенное сближение с Германией⁵¹.

Вскоре после этого, в марте 1924 г., в Лондон прибыли лидеры ППС и депутаты сейма З. Жулавский и М. Недзялковский. Их визит и переговоры с Макдональдом способствовали сближению между правительствами Англии и Польши, а главное — еще большей активизации пилсудчиков, которых роднила с английским империализмом общая концепция ослабления СССР путем его расчленения⁵².

Не заставили себя ждать и первые результаты начавшегося англо-польского сближения. 17 апреля 1924 г. английский консорциум «Сентюри зуропеен Тамбер корпорейшн лимитед» подписал с польским правительством договор на эксплуатацию лесных богатств Польши, в частности Беловежской пуши, с годовой вырубкой 720 тыс. кубометров древесины в течение десяти лет. На протяжении этого срока консорциум обязался уплатить Польше до 3 млн. фунтов стерлингов⁵³. Англичане получали также на этот срок в аренду находившиеся в Беловежской пуше предприятия⁵⁴.

С усилением влияния сторонников проанглийской ориентации связаны и происшедшие летом 1924 г. перемещения в правительстве, особенно в аппарате МИД, не предвещавшие перемены к лучшему в польско-советских отношениях.

В июле 1924 г. был отозван из Москвы посланник Польши Л. Даровский. Почти одновременно с этим получил отставку министр иностранных дел М. Замойский, являвшийся сторонником профранцузской ориентации. Представители «левых» группировок в сейме обвиняли Замойского в том, что он не проявлял стараний в сбли-

⁵¹ См.: *H. Jabłoński. Z tajnej dyplomacji Władysława Grabskiego w 1924 r.* «Kwartalnik Historyczny», 1956, N 4-5, str. 448.

⁵² Там же, стр. 449.

⁵³ «Экономическая жизнь», 23.IV 1924.

⁵⁴ «Rzeczpospolita», 17.IX 1924.

жени с Англией, которую они хотели видеть теперь во главе коалиции, направленной против СССР.

«Если кто может обеспечить польский фронт с этой стороны, то это прежде всего Англия,— заявил в сейме Я. Домбский — лидер группы людовцев, отколовшейся летом 1923 г. от партии Витоса ПСЛ-«Пяст»⁵⁵. Он потребовал передачи руководства внешней политикой Польши в руки пилсудчика Ст. Патека. Тем не менее эндекам пришлось уступить. На пост министра был назначен англофил А. Скшиньский, который, будучи представителем Польши в Лиге Наций, сумел установить близкие контакты с финансовыми кругами Англии и США⁵⁶.

Польские дипломаты, аккредитованные при правительствах западных держав, вели интриги против признания СССР и установления с ним деловых отношений. Об этом свидетельствует, в частности, донесение польского посланника в Вашингтоне В. Врублевского в Варшаву от 11 июля 1924 г. Из этого документа выясняется, что польские дипломаты, разумеется с ведома и по указанию своего правительства, старались не допустить признания СССР де-юре Соединенными Штатами⁵⁷. Такие же интриги вел польский посол в Лондоне К. Скирмунт⁵⁸.

С меньшим рвением польская дипломатия отговаривала от признания СССР Францию. Любопытна в этом отношении беседа, состоявшаяся 24 июня 1924 г. между премьер-министром и министром иностранных дел Франции Э. Эррио и посланником Польши в Париже А. Хлаповским. Последний старался выяснить, насколько серьезны намерения правительства Франции признать СССР де-юре и установить с ним нормальные политические и экономические отношения. Но Эррио заявил, что он «не верит в близкий конец Советской власти в России, поэтому нужно примириться с существующим фактическим положением...» и что «признание России де-юре будет даже выгодно для Польши»⁵⁹.

⁵⁵ Sejm RP, Sprawozd. stenogr., 131 pos., 17.VI. 1924, łam. 156.

⁵⁶ Там же, 154 зас., 31.VII 1924, стр. 2.

⁵⁷ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 313—314.

⁵⁸ См.: «Известия», 25.I 1924.

⁵⁹ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 286.

Между тем пилсудчики продолжали укреплять свои позиции в правящем лагере. Они мечтали о возвращении Пилсудского к руководству вооруженными силами Польши первоначально хотя бы на пост начальника генерального штаба, который Пилсудский покинул с приходом кабинета Витоса⁶⁰.

9 марта 1924 г. руководство люблинской организации ППС устроило лекцию для актива партии, на которой выступил Венява-Длугошевский, превознося заслуги Пилсудского перед Польшей. Находившиеся в зале 800 активистов ППС дружно провозгласили здравицу в честь Пилсудского⁶¹.

Несколько раньше, 23 февраля 1924 г., люблинская организация «Союза бывших легионеров» организовала в зале магистрата торжественное собрание в честь Пилсудского. В зале, где происходило собрание, был демонстративно снят висевший здесь портрет президента Польши и вместо него водворен портрет Пилсудского⁶².

Собравшийся 10 августа в Люблине съезд бывших легионеров принял резолюцию, требовавшую от президента и правительства обеспечить Пилсудскому «надлежащее положение в государстве». Эта резолюция была немедленно переслана президенту Польши Ст. Войцеховскому, премьер-министру Вл. Грабскому и военному министру генералу Сикорскому.

Кстати, в английском правительстве старания пилсудчиков видеть своего лидера вновь у руководства вооруженными силами не только были встречены благожелательно, но даже, по некоторым данным, Англия оказывала на правительство Польши соответствующее давление⁶³. Об этом говорит и то, что в 1924 г. английское посольство в Варшаве установило непосредственный контакт с Пилсудским, частыми гостями которого стали многие сотрудники посольства, а также военный атташе полковник Клейтон. Пилсудского не раз посещал и вел

⁶⁰ CAMSW, W—w, 37, t. 1, dok. 60.

⁶¹ CAMSW, Sygn. 227, t. XV, k. 628—629.

⁶² Там же, л. 632.

⁶³ Г. Тенненбаум в беседе с сотрудником советского посольства в Берлине Раевским 12 декабря 1924 г. намекнул на «давление Англии на Польшу», в частности относительно «возвращения Пилсудского в армию» («Документы и материалы...», т. IV, стр. 344).

длительные с ним беседы сам английский посланник Макс Мюллер⁶⁴.

Повышенный интерес английских дипломатов к Пилсудскому диктовался весьма определенными мотивами. Несмотря на неудачу с миссией Юнга, английские монополистические круги не расставались с мыслью поставить польскую экономику под свой контроль и сделать Польшу своим орудием в создании широкого антисоветского фронта западных государств. Пилсудчикам, как одной из наиболее враждебных к СССР политических группировок, отводилась в этом весьма активная роль. А пока что от них требовалась поддержка разработанного западными монополиями так называемого плана Дауэса, предусматривавшего подчинение своему влиянию экономики СССР и многих европейских стран. Центральное место в этом плане занимало восстановление военно-экономического потенциала Германии, который можно было бы в будущем использовать против Советского Союза⁶⁵. Поскольку речь шла прежде всего о финансировании этого мероприятия путем предоставления кредитов Германии, Англия и Франция были вынуждены согласиться на участие в нем США.

Созданный в конце 1923 г. комитет экспертов во главе с американским банкиром Ч. Дауэсом представил летом 1924 г. план «финансового восстановления» Германии. Было решено предоставить Германии заем в 800 млн. марок золотом. Большая часть займа должна была быть размещена в США⁶⁶. Это означало завоевание США господствующего положения среди кредиторов Германии и усиленное проникновение американского капитала в германскую экономику. Продукция германской промышленности, возрожденной при помощи США, Англии и Франции, должна была, по замыслу авторов этого плана, хлынуть на советский рынок, захлестнуть его и таким образом подчинить экономику СССР иностранному капиталу.

Намерения международного империализма представляли опасность не только для СССР, так как скрыва-

⁶⁴ CAMSW, W—w, 37/1, к. 349.

⁶⁵ С. Ю. Выгодский. Внешняя политика СССР 1924—1929. М., 1963, стр. 89.

⁶⁶ «История дипломатии», т. III. М., 1965, стр. 372.

ли за собой стремление поставить под свой контроль экономику всех европейских стран.

Серьезную угрозу представлял «план Дауэса» для Польши. План ставил под вопрос экономическую независимость Польши, поскольку можно было не сомневаться, что Германия начнет усиленно наводнять польский рынок своими дешевыми товарами. Рост же военного потенциала Германии мог предвещать лишь насильственный пересмотр Версальской системы, а значит, и польских западных границ. «План Дауэса» был принят 16 августа 1924 г. на Лондонской конференции держав-победительниц. Сразу же после этого Германия усилила торговую активность на Востоке. В Польшу хлынули германские торговые агенты, которые предлагали выгодные сделки на поставку разнообразных товаров⁶⁷. Если раньше немцы продавали их только за наличные, то теперь предлагали их в рассрочку на год.

«Немцы начали плановую кампанию по завоеванию польского рынка, к тому же в самый невыгодный для нее период хозяйственного кризиса. Что же будет тогда, когда 800-миллионный кредит окажется в германских кассах и когда плановое восстановление Германии начнется в полном объеме?»—с тревогой вопрошала «Речь посполита»⁶⁸. Об этой же опасности предостерегала и «Газета варшавска»⁶⁹.

Орган эндеков «Курьер варшавски», посвятивший Лондонской конференции экспертов большую статью, полностью одобрял «допуск Германии в сообщество европейских народов». Газета утверждала, что «факт допуска Германии к сожительству с Европой следует принимать как одновременный отказ от договора в Рапалло, что, впрочем, Германия уже давно хотела сделать». Газета предсказывала, что с принятием «плана Дауэса» Англия откажется подписать торговый договор с Советским Союзом. Положительный результат лондонских решений газета видела в том, что Германия теперь откажется от сношения с «большевиками» и займет «решительно антикоммунистическую позицию»⁷⁰.

⁶⁷ «Rzeczpospolita», 29.VIII 1924.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ «Gazeta Warszawska», 20.VIII 1924.

⁷⁰ «Kurier Warszawski», 19.VIII 1924.

Что касается пилсудчиков, то они выражали полное одобрение «плану Дауэса»⁷¹. Их устраивала и та роль, которую готовили для Польши западные державы в системе «плана Дауэса», и то, о чем говорили представители военных кругов этих держав на межпарламентском совещании, созванном Лигой Наций в конце августа 1924 г. В дискуссии на этом совещании английский генерал Спирс предложил создать польско-германскую «демилитаризованную зону», чтобы все вооруженные силы Польши могли «служить защите Европы от Советов». Делегат Польши сенатор Бузек, людовец, но близкий по своим воззрениям к пилсудчикам, фактически выступил в поддержку этой идеи⁷².

Как видим, голоса сторонников перемены внешнеполитической ориентации Польши, тесного сближения с Англией и даже с Германией раздавались в Польше вполне отчетливо и все более усиливались. Это бросалось в глаза и иностранцам, посещавшим Польшу летом 1924 г. Так, приезжавший в Варшаву в августе 1924 г. один из лидеров английских лейбористов, член парламента Гаррисон, рассказывал, что из печати, а особенно из бесед с деятелями, близкими к министерству иностранных дел, он вынес впечатление «о повороте внешней политики Польши». В статье, опубликованной в «Дейли ньюс», Гаррисон писал, что «Польша отвернулась от Франции и ищет сближения с Англией и Германией»⁷³.

Гаррисон, разумеется, был посвящен далеко не во все тайны польской дипломатии и тем более он не был знаком с донесениями польского посла в Берлине Ольшовского, хранившимися в личном сейфе министра иностранных дел под грифом «совершенно секретно». Из этих донесений видно, что круги, близкие к пилсудчикам (к ним принадлежал и польский посол), ради борьбы с Советским государством готовы были объединиться с германским империализмом. Промышленные и финансовые магнаты Германии тоже не собирались пренебрегать таким союзником, как Польша.

⁷¹ «Kurier Poranny», 20.VIII 1924.

⁷² «Rzeczpospolita», 29.VIII 1924.

⁷³ «Daily News», 31.VIII 1924.

В одном из своих донесений, относящихся к весне 1924 г., польский посол сообщал, что на обеде у австрийского посла директор рейхсбанка Шахт завел «откровенную» беседу с ним о Советском Союзе. Вот что он сказал: «Что касается России, то многие симптомы указывают на то, что советский строй рухнет под влиянием экономической катастрофы, а когда придет окончательный момент, то, может быть, Германия вместе с Польшей соединят свои силы с целью введения в России нового порядка»⁷⁴. Несколькими месяцами позже, в сентябре 1924 г., польский посланник имел строго доверительную беседу с министром иностранных дел Германии Штреземаном, который обещал полякам «забыть о прошлом» в германо-польских отношениях и предлагал «создавать основы для урегулирования отношений в будущем» за счет «охлаждения отношений между Берлином и Москвой». Разоткровенничавшись, польский дипломат сказал на это Штреземану: «Борьба с распространяющимся коммунизмом является одной из важнейших частей вашей программы. Могу заверить Вас, что общественное мнение Польши единодушно солидаризируется с Вашим превосходительством в этой борьбе и желает Вам самым искренним образом победы»⁷⁵.

Снисходительно относясь к стремлению «левых» партий и группировок Польши достигнуть сближения с Англией, империалистические круги последней довольно откровенно выражали свое нежелание считаться с интересами Польши, как, впрочем, и Франции.

Возрождение экономической и военной мощи Германии отвечало планам антисоветской агрессии: их реализация была связана прежде всего с перспективой использовать для этих целей Германию. Поэтому на словах английские дипломаты поддерживали пацифистские шаги Лиги Наций, на деле же Англия отказалась поставить свою подпись под Женевским протоколом от 2 октября 1924 г., принятым Лигой Наций по инициативе Франции, стремившейся к созданию гарантии безопасности перед лицом усиления Германии в результате реализации «плана Дауэса».

⁷⁴ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 292, k. 98.

⁷⁵ Там же.

Таким образом, уже в конце 1924 г. четко определилась тенденция, получившая свое развитие год спустя в Локарнских соглашениях.

Польские политики не могли не заметить угрозы для безопасности Польши, вытекавшей из политики Англии. После отказа Англии подписать Женевский протокол польская печать забила тревогу. «Англия,— писала «Речь посполита»,— решительно отвергла гарантирование безопасности Польши, нанося тем самым «удар в спину Франции» и «оставляя Польшу на произвол судьбы»⁷⁶.

Газета исходила прежде всего из давней концепции о наличии «двух врагов», проводя знак равенства между Германией и СССР. Она обращалась к Англии с просьбой обеспечить безопасность Польши, находящейся «между двух огней».

В этот серьезный для Польши момент казалось бы естественным, если бы правительство Польши приступило к пересмотру своей политики в отношении СССР, со стороны которого всегда можно было найти поддержку в справедливой борьбе за безопасность в Европе. Советское правительство не скрывало своего отношения к плану возрождения германского милитаризма и военной мощи Германии, т. е. к пресловутому «плану Дауэса», антисоветская направленность которого была очевидной и который представлял собой шаг на пути к созданию единого антисоветского фронта с вовлечением в него Германии⁷⁷.

На деле же правящие круги Польши продолжали оставаться на позиции враждебности по отношению к СССР, сваливая вину за отсутствие добрососедских взаимоотношений между обеими странами на Советское правительство, у которого якобы отсутствует «готовность к мирному сожительству»⁷⁸.

В этих условиях большое значение имело разоблачение польскими коммунистами буржуазной лжи о мнимой агрессивности Советского государства в отношении Польши. Депутат-коммунист Ст. Круликовский, выступая в сейме с опровержением измышлений об «угрозе» Польше, идущей «с Востока», заявил: «Пока на террито-

⁷⁶ «Rzeczpospolita», 2.XII 1924.

⁷⁷ «История КПСС», т. 4, кн. 1, стр. 437.

⁷⁸ «Rzeczpospolita», 23.V 1924.

рии нынешнего Союза Социалистических Республик управляют рабочие и крестьяне, национальной независимости Польши ничто с их стороны не угрожает»⁷⁹.

Часть польской буржуазной печати, в том числе близкой к правительственным кругам, пыталась оправдать перед общественным мнением своей страны прежнюю политику правительства в отношении СССР. «Что касается торговли с Россией,— писала «Речь посполита»,— то ее экономическое положение таково, что нет и речи даже о скромной торговле с нею... Польша и ее заинтересованные общественные круги не склонны считать торговый договор с СССР вопросом столь срочным, чтобы он мог быть разрешенным в ущерб интересам Польши»⁸⁰.

Правительство Польши не прекращало своих интриг против Советской страны. Летом 1924 г. под его покровительством проходит новая кампания по поддержке антисоветской деятельности кавказских буржуазных националистов-эмигрантов, осевших в Турции и других странах Ближнего Востока, а также в самой Польше. Министерство иностранных дел не только поощряло то, что делалось генеральным штабом в этом направлении, но и само ориентировало своих дипломатических представителей, аккредитованных при правительствах Турции, Греции, Ирана и других государств, на проведение деятельности, направленной на сколачивание некоего подобия антисоветского блока в Малой Азии.

Стимулом к такого рода деятельности явился польско-турецкий договор о дружбе и торговле, подписанный представителями обоих государств в Лозанне в июле 1923 г. В дальнейшем представлялось возможным добиться ослабления экономических и политических связей Турции с СССР, проникновение в Иран и даже в Среднюю Азию, распространяя всюду не только свое влияние, но и вражду к СССР. Именно в таком духе были даны инструкции МИД Польши дипломатическим представителям⁸¹.

Широкую антисоветскую кампанию развернула польская реакционная печать в связи с решением Советского

⁷⁹ «Posłowie rewolucyjni w sejmie 1920—1935». Warszawa, 1961, str. 72.

⁸⁰ «Rzeczpospolita», 20.III 1924.

⁸¹ AAN, Ambasada RP w Paryżu, t. 3.

правительства отозвать из Варшавы Л. Оболенского и назначить вместо него полномочным представителем в Польше П. Л. Войкова. Так, «Речь посполита» клеветнически утверждала, будто Войков, будучи представителем российско-украинской делегации в реэвакуационной и специальной смешанных советско-польских комиссиях, «систематически саботировал все постановления Рижского договора»⁸².

Буржуазные газеты пытались использовать факт пребывания П. Л. Войкова в Екатеринбурге во время исполнения приговора над бывшим царем Николаем Романовым (Войков тогда был продовольственным комиссаром и никакого отношения к приговору Военно-революционного комитета не имел) для разжигания кампании против его кандидатуры на пост полпреда в Польше. Центральные издания ППС тоже присоединились к этой кампании, имевшей целью скомпрометировать Войкова, не допустить выдачи ему агремана или во всяком случае отравить атмосферу вокруг нового дипломатического представителя СССР⁸³.

22 августа 1924 г. министр иностранных дел Скшиньский направил Чичерину пространное письмо.

Отмечая, что ему Войков лично известен по его деятельности в качестве председателя советской делегации в смешанных советско-польских комиссиях и что кандидатура Войкова на пост полпреда вполне устраивает польское правительство, Скшиньский тем не менее считал уместным обратиться с просьбой дать соответствующие разъяснения.

Скшиньский прекрасно понимал всю несостоятельность «аргумента», с помощью которого реакционные круги пытались отвести кандидатуру Войкова, и то, что польское правительство будет вынуждено дать ему агреман. Поэтому в своем письме он сразу же переходит к вопросу о возможности лично встретиться с Чичериным «поздней осенью 1924 г.»⁸⁴ Наркоминделом эта инициатива была встречена с удовлетворением. Чичерин писал Скшиньскому в ответном письме от 4 сентября 1924 г.: «Предпринятый Вами шаг

⁸² «Rzeczpospolita», 20.VIII 1924.

⁸³ «Robotnik», 20.VIII 1924.

⁸⁴ АВП СССР, ф. 122, оп. 7, д. 34, л. 9.

на пути непосредственного личного общения со мною я считаю в высшей степени целесообразным. Правительство Союза в полной мере признает необходимым расширение и укрепление с Польской республикой добрых отношений, основанных на доверии, искренности и лояльности»⁸⁵.

Выраженная в письме Скиншинского позиция нашла подтверждение и в некоторых практических шагах МИД Польши, последовавших за обменом письмами между руководителями внешней политики Польши и СССР.

В частности, МИД Польши проявил готовность к спокойному и деловому урегулированию вопроса о разрешении пограничных конфликтов, вызванных главным образом переходом государственной границы различными бандами, что в сильной степени препятствовало нормализации межгосударственных отношений.

26 сентября 1924 г. польское правительство дало положительный ответ на неоднократные заявления Советского правительства о заключении соглашения о разрешении пограничных конфликтов, которое было уже разработано, но не было подписано исключительно по вине польской стороны⁸⁶.

Все эти факты позволяли надеяться на то, что польское правительство согласится на разрешение всех спорных вопросов в духе взаимопонимания, что, наконец, продвинет дело к расширению столь полезных обеим странам экономических связей.

2 ноября 1924 г. в Варшаву прибыл новый полномочный представитель СССР П. Л. Войков. Молодой дипломат ленинской школы, он хорошо ориентировался в

⁸⁵ ДВП СССР, т. VII, стр. 438.

⁸⁶ В ноте поверенного в делах Польши в Москве К. Вышинского от 26.IX 1924 г. говорилось, что в принципе польское правительство «готово завершить заключение соглашения о разрешении пограничных конфликтов, которое не было подписано до сих пор из-за некоторых затруднений технического характера», а также, что оно готово «с полным вниманием и доброжелательностью» рассмотреть вопрос о заключении соглашения, которое бы «охватывало также вопросы совместных действий обоих государств в отношении борьбы с бандитизмом на общей границе» (ДВП СССР, т. VII, стр. 444). НКВД выразил полное согласие на предложение Польши координировать действия обоих правительств по борьбе с бандитизмом в пограничной полосе (АВП СССР, ф. 122, оп. 7, д. 52, л. 27).

вопросах советско-польских отношений и прекрасно представлял себе свою задачу в Польше как посла Советского государства.

25 августа 1924 г., незадолго до своего назначения в Варшаву, Войков подписал советско-польское соглашение о реэвакуации польского имущества и компенсации, подводившее итог почти трехлетней кропотливой и сложной работы⁸⁷.

Это соглашение явилось важной вехой на пути урегулирования советско-польских отношений, завершало основной этап в выполнении обязательств по Рижскому договору.

Войков с первых же дней пребывания в Варшаве прилагал много усилий, чтобы устранить препятствия, мешавшие советско-польскому сближению. В своей речи при вручении верительных грамот президенту Польши Войков заявил: «Основная задача, которую я ставлю в своей работе,— это создание атмосферы полного взаимного доверия между нашими государствами. Полагаю, что это взаимное доверие должно послужить в свою очередь прочным основанием для добрососедских отношений и для экономического сближения обоих государств»⁸⁸.

Деятельность Войкова была направлена на то, чтобы наметившаяся в связи с признанием СССР де-юре тенденция торгово-промышленных кругов ряда западных государств к расширению торговых связей с Советским государством получила возможно большее развитие.

В обширном интервью корреспонденту газеты «Эхо варшавске» советский полпред подробно разъяснил принципы монополии советской внешней торговли, пугавшие польские промышленные и торговые круги, которые привыкли осуществлять соглашение с частными контрагентами непосредственно. Войков пояснил, что в рамках установленного правительством плана по экспорту и импорту «крупные торговые организации СССР, как правительственные, так кооперативные и частные, имеют возможность заключить и реализовать торговые сделки»⁸⁹.

⁸⁷ ДВП СССР, т. VII, стр. 636—643.

⁸⁸ Там же, стр. 537. Вручение верительных грамот состоялось 8 ноября 1924 г.

⁸⁹ Там же, стр. 586.

Однако по-прежнему серьезным препятствием к развитию товарообмена являлось отсутствие торгового договора, что позволяло польским властям устанавливать произвольно высокие таможенные ставки, особенно на ввозимые в Польшу и транзитные советские товары.

Все же, вопреки таможенным преградам, с 1924 г. наблюдалось неуклонное расширение товарооборота, что лишь подтверждало, насколько жизненно необходимы были экономические связи между обеими странами.

Так, если импорт из Польши в СССР составлял в 1922 г. 9586 тыс. рублей (в ценах 1913 г.), в 1923 г. — 7749 тыс. рублей⁹⁰, то в 1924 г. он уже равнялся 11 322 тыс. рублей⁹¹.

Советское правительство не скрывало от Польши своих опасений, связанных с «планом Дауэса», которые относились и к СССР, и к Польше. Оно даже пыталось указать на выход, заключавшийся в установлении между собой более тесных экономических связей.

В середине декабря 1924 г. сотрудник советского полпредства в Германии С. Раевский встретился в Берлине с Г. Тенненбаумом. В беседе, длившейся три часа, советский представитель информировал польского дипломата о желании Советского правительства расширить торговлю с Польшей. Тенненбаум заявил, что он имеет специальное полномочие министра иностранных дел Скшиньского на такого рода переговоры. Польша, сказал он далее, стоит перед альтернативой: или примкнуть к антисоветскому блоку, или договориться с СССР⁹².

Суть предложений польского правительства, изложенных Тенненбаумом, сводилась к подписанию «основного договора», который бы включал «взаимное признание существующих государственных территорий, обязательство действительного невмешательства и неучастия в

⁹⁰ ДВП СССР, т. VI. М., 1962, стр. 600.

⁹¹ Центральный архив Министерства внешней торговли СССР, ф. Торгпредства СССР в Польше, оп. 3476, д. 38, л. 1. Главными предметами импорта были: сахар, текстиль, металлические изделия, эмалированная посуда, семена, сельскохозяйственные машины и т. д. СССР экспортировал в Польшу рыбу, птицу, хлопок, щетину, галоши, подсолнечное масло, фрукты и т. д.

⁹² «Документы и материалы...», т. IV, стр. 344.

каких-либо блоках, а также избегать действий, направленных против одной из договаривающихся сторон».

Правительство Польши выражало согласие обсудить также вопросы экономических отношений и даже подписать «ряд конкретных договоров», в частности о железнодорожном сообщении и др. Тенненбаум уверял, что эти предложения отражают «господствующее в Польше настроение»⁹³.

В Советском Союзе это предложение Польши было принято с удовлетворением. Советское правительство надеялось, что на этот раз, в изменившейся обстановке, переговоры будут успешнее, чем год назад. Наркоминдел поручил советскому представительству передать правительству Польши, что «мы согласны на предложенные польским правительством переговоры на широком политическом базисе»⁹⁴.

Скшиньскому было сообщено, что Чичерин готов встретиться с ним, если с его стороны будет формальное предложение. Однако такого со стороны Скшиньского так и не последовало⁹⁵. В Польше и на этот раз взяли верх противники сближения с Советским Союзом. Правда, предложения, высказанные Тенненбаумом, явились предметом обсуждения во время переговоров между Скшиньским и полпредом СССР в Польше Войковым 28 января 1925 г., после возвращения Скшиньского с Гельсингфорской конференции представителей прибалтийских государств. Поощряемый Англией, которая стремилась к созданию антисоветского блока прибалтийских стран, Скшиньский на конференции прилагал много усилий к тому, чтобы такой блок, наконец, стал реальной силой. Не удивительно, что теперь Скшиньский предложил, чтобы СССР вел переговоры не с одной Польшей, а вместе с ней и прибалтийскими государствами⁹⁶. Советское правительство, естественно, не могло пойти на это.

Так, по вине Польши урегулирование важнейших вопросов советско-польских отношений вновь было отложено на неопределенное время...

⁹³ Там же, стр. 344.

⁹⁴ ДВП СССР, т. VII, стр. 577.

⁹⁵ Чичерин встретился со Скшиньским только спустя год, в конце сентября 1925 г., находясь в Варшаве проездом из Германии.

⁹⁶ ДВП СССР, т. VIII. М., 1964, стр. 105.

**Укрепление пролетарской солидарности
трудящихся СССР и Польши**

В то время как польские правящие круги при поддержке буржуазных и соглашательских псевдорбочих партий продолжали проводить жесткую политику в отношении СССР и не желали устанавливать с Советским государством подлинно добрососедских отношений, среди трудящихся масс Польши росло чувство солидарности с советским народом. Польские пролетарии радовались успехам СССР в строительстве нового общества.

Рабочие и крестьяне Советской страны также с большим сочувствием относились к борьбе трудящихся Польши за свои права.

Во время всеобщей забастовки рабочих-строителей Польши летом 1923 г. по всей Советской стране прошли собрания и митинги солидарности. Советские рабочие оказывали бастующим материальную помощь, посылали им теплые письма с выражением солидарности. Строительные рабочие Киевской губернии направили 13 августа 1923 г. телеграмму своим польским товарищам по профессии. В ней говорилось:

«Дорогие товарищи, строители Польши! Строители Киевщины с напряженным вниманием следят за вашей упорной, развивающейся борьбой с капиталом, вылившейся за последнее время в забастовочное движение. Строители Киевщины, пережившие в прошлом при царизме гнет и эксплуатацию капитала, сбросившие со всем рабочим классом России это иго, взявшие в свои руки власть и строящие теперь свою пролетарскую республику, призывают вас, дорогие товарищи, к бодрости и организованной борьбе для свержения ига капитализма и окончательной победы рабочего класса под знаменем III Коммунистического Интернационала. В знак товарищеской и братской солидарности строители Киевщины посылают вам свою скромную лепту для помощи бастующим товарищам — пять тысяч рублей...»⁹⁷

⁹⁷ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 243.

Летом и особенно осенью 1923 г. стачечное движение в Польше охватило 848 тыс. рабочих⁹⁸. Под руководством коммунистов рабочие стали выдвигать политические требования. К началу ноября забастовочным движением была охвачена вся страна. Подъему борьбы польского пролетариата способствовали борьба пролетариата Болгарии, революционные события в Германии в октябре-ноябре 1923 г.

Наиболее острые формы приобрели выступления рабочих в Кракове, где дело дошло до разоружения солдат, брошенных правительством на подавление революционных выступлений, и до кровавых столкновений с войсками и полицией. Вследствие недостаточной организованности революционных рабочих, предательства руководства ППС и находящегося под его влиянием центрального руководства профсоюзов борьба закончилась поражением рабочих. Но она потрясла до основания буржуазно-помещичье польское государство.

Рабочий класс Советской страны пристально и с большим сочувствием следил за героической борьбой польского пролетариата.

Во время забастовки горняков Верхней Силезии, вспыхнувшей летом 1923 г., ЦК профсоюза горняков СССР перевел бастующим 1500 рублей и обратился к горнякам Германии с предложением «также оказать моральную и материальную поддержку бастующим»⁹⁹.

Всеобщая забастовка польских горняков осенью 1923 г. встретила горячее сочувствие и выражение братской солидарности со стороны советских шахтеров. Коллективы шахт Криворожского и Донецкого угольных бассейнов провели многолюдные митинги, на которых рабочие выражали свою солидарность с борющимися против капитала польскими товарищами и заявляли о готовности оказать им материальную помощь.

Сохранилось письмо ЦК профсоюза горняков РСФСР Главному правлению профсоюза горняков Польши от 25 октября 1923 г.

«Памятуя славную борьбу польских и русских горнорабочих против царизма и капитала, — говорилось в

⁹⁸ «Historia Polskiego ruchu robotniczego, 1864—1964», t. I. Warszawa, 1967, str. 342.

⁹⁹ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 316.

письме, — мы посылаем вам от имени русских горнорабочих для поддержки стачечников — польских горняков в Верхней Силезии, Домбровском и Краковском районах — 500 долларов. Передайте польским горнякам наш горячий привет»¹⁰⁰.

Большую моральную поддержку и материальную помощь трудящиеся Советской страны оказывали польским политзаключенным. К началу 1924 г. около 40 губернских организаций МОПР приняли шефство над политзаключенными, томившимися в тюрьмах стран Запада. Из них около половины шефствовали над различными тюрьмами Польши. Связь и шефская помощь осуществлялись непосредственно и через организации МОПР.

Организации МОПР Киевской, Донецкой, Екатеринославской, Волынской, Одесской, Подольской, Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний Украины уже в 1922 г. установили связи с польскими политзаключенными. С 15 октября 1922 г. по 15 августа 1923 г., как видно из отчета, они собрали для политзаключенных Польши и их семей 857 245 рублей денежными знаками, золотыми монетами — 275 рублей, серебряными монетами — 449 рублей. Кроме того, 147 червонцев, 130 облигаций золотого займа и драгоценности: золотой крест, 12 золотых колец, а также 20 немецких золотых марок, 3 австрийских серебряных кроны, 244 930 польских марок, облигаций хлебного займа на 195 пудов и др.¹⁰¹

Всего трудящиеся Украинской ССР в течение осени 1922 г. собрали по линии МОПР 140 млрд. рублей в денежных советских знаках 1922 г. (около 70 млн. польских марок)¹⁰².

В Харьковском областном архиве сохранилась выписка из протокола общего собрания Харьковского губисполкома и губкома КП(б)У от 24 ноября 1922 г. Участники собрания решили отчислить трехдневный заработок в пользу польских борцов за свободу.

Екатеринбургская губернская газета «Уральский рабочий» сообщала в начале ноября 1923 г. об отправке в ЦК МОПР очередных сумм пожертвований: 545 чер-

¹⁰⁰ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 248.

¹⁰¹ ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 532, л. 9.

¹⁰² «Документы и материалы...», т. IV, стр. 217.

вонцев и 22 облигации золотого 6%-ного выигрышного займа. Эти деньги предназначались для заключенных варшавской тюрьмы «Сербия», в которой томилось более 50 женщин, осужденных за революционную деятельность. «Обязанность пролетариев Екатеринбургской губернии,— писала газета,—помочь пленникам буржуазной Польши, чтобы они сами и их семьи не умерли с голода»¹⁰³⁻¹⁰⁴.

23 октября 1924 г. Исполнительный комитет МОПР принял воззвание к трудящимся СССР в связи с усилившимися репрессиями в Польше против трудящихся. «Долг каждого члена МОПР, долг трудящихся Советской страны,—говорилось в воззвании,—поднять свой голос протеста против средневековой инквизиции, введенной в систему польским правительством. Мы присоединяем свой голос к голосу польского пролетариата и требуем освобождения наших братьев, заключенных в тюрьмы польской буржуазией»¹⁰⁶.

Выражая волю трудящихся, Советское правительство предпринимало много усилий для освобождения из тюрем деятелей польского рабочего движения. Как уже упоминалось, по настоянию советской стороны 24 февраля 1921 г. был подписан советско-польский протокол о персональном обмене, в силу которого польская сторона согласилась передать 300 политзаключенных в обмен за такое же число польских граждан, арестованных в Советской стране за контрреволюционную деятельность. Таким образом, Советскому правительству удалось уже в 1921 г. вырвать из польских застенков немало польских революционеров. Однако правительство Польши всячески тормозило выполнение соглашения о персональном обмене.

В начале 1922 г. Советское правительство предложило Польше обменять еще 317 человек¹⁰⁶. Польская сторона только через год, в марте 1923 г., сообщила о согласии, но с передачей польских коммунистов не спешила¹⁰⁷.

¹⁰³⁻¹⁰⁴ «Уральский рабочий», 2.XI 1923.

¹⁰⁵ «Правда», 23.X 1924.

¹⁰⁶ «Документы и материалы..», т. IV, стр. 185.

¹⁰⁷ Там же, стр. 187.

После долгих переговоров, всячески затягивавшихся польской стороной, Советское правительство в марте 1923 г. добилось согласия на персональный обмен еще 23 польских революционных деятелей, которых буржуазный суд Польши обвинил в государственной измене и приговорил к длительным срокам тюремного заключения¹⁰⁸.

В конце марта первая группа польских политзаключенных-коммунистов прибыла в Советский Союз¹⁰⁹.

На всем протяжении пути из Польши до Москвы советские люди устраивали польским борцам за свободу теплые встречи, вылившиеся в манифестацию дружбы и братства между народами СССР и Польши.

Революционный рабочий класс Польши, стоявший на позиции пролетарского интернационализма, с особой симпатией относился к советским братьям по классу, с которыми его связывали традиции совместной революционной борьбы против царизма. В новых исторических условиях эти славные традиции крепили, их новым содержанием стала борьба в защиту первого в мире государства рабочих и крестьян, движение за укрепление отношений дружбы и сотрудничества между народами Польши и Советской страны.

Самыми активными поборниками польско-советской дружбы и сотрудничества всегда были польские коммунисты. Несмотря на полицейский террор, когда за малейшее проявление симпатий к Стране Советов грозила тюрьма, КРПП не прекращала пропаганды успехов трудящихся СССР, не переставала выступать в его защиту от посягательств мирового империализма.

Позиция революционного пролетариата и беднейшего крестьянства Польши была четко определена в приветственном письме III конференции КРПП (апрель 1922 г.), адресованном трудящимся Советской страны: «Пролетариат Польши, идущий под знаменем КРПП, неразрывно связан братством по оружию с пролетарской

¹⁰⁸ См.: «Правда», 18.III 1923.

¹⁰⁹ Среди прибывших в СССР в середине марта 1923 г. были видные польские революционеры: Т. Домбаль, осужденный на 3 года каторги, Г. Ляуэр — на 6 лет, В. Хюбнер — на 4 года, Ю. Вишневский — на 12 лет, С. Ковальский, Л. Фридман, Т. Федер — на 8 лет, Д. Шипковский — на 5 лет и др. (там же).

Россией и готов всегда, когда это потребуется, прийти ей на помощь, напрячь все свои силы для ее защиты»¹¹⁰. Жизнь полностью подтвердила на многочисленных фактах это заявление. «КПП была единственной партией,— указывалось в тезисах ЦК ПОРП к 40-й годовщине образования Коммунистической партии Польши,— которая выступала против войны с Советской Россией... смело и решительно разоблачала и вела борьбу против губительной для Польши антисоветской политики... КПП указывала, что только сотрудничество Польши с Советским Союзом может явиться для Польши прочной преградой перед лицом экспансии возрождающегося германского империализма, поддерживаемого Англией и США»¹¹¹. КРПП горячо поддержала инициативу Советского правительства по созыву конференции по сокращению вооружений в Москве. После срыва конференции польской стороной КРПП продолжала выступать против правящих кругов Польши, требовала возобновления переговоров с советскими республиками¹¹².

КРПП разоблачала политику правящих кругов, толкавших страну на путь усиления экономической и политической зависимости от капиталистических держав Запада, противопоставляла этой пагубной политике борьбу за создание рабоче-крестьянского польского государства, тесный союз которого с СССР явился бы надежной гарантией его независимости¹¹³.

Огромной популярностью среди польских трудящихся пользовался В. И. Ленин, много сделавший для восстановления независимости Польши. Его труды по национальному, в частности по польскому, вопросу были хорошо известны многим польским рабочим. Работа Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» помогала КРПП преодолевать сектантские ошибки и стать массовой партией. Она сыграла большую роль в подготовке II съезда КРПП, знаменовавшего собой превращение КРПП в партию ленинского типа.

¹¹⁰ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I, Warszawa, 1953, str. 176.

¹¹¹ «W 40 rocznicę powstania Komunistycznej partii Polski», Warszawa, 1958, str. 17.

¹¹² «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир». М., 1952, стр. 441.

¹¹³ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I, Warszawa, 1953, str. 206.

В первый же день работы II съезда КРПП, 14 сентября 1923 г., его участники направили больному тогда В. И. Ленину приветственное письмо, полное любви и уважения к вождю мирового пролетариата.

«Съезд Коммунистической партии Польши выражает любимому вождю международной пролетарской революции уважение и шлет привет. Тебя, товарищ, чей глубокий ум, революционный инстинкт и вера в творческие силы рабочего класса направляли первое в истории мира победоносное восстание пролетариата. Тебя, великий воспитатель нового поколения борцов международной революции, мы жаждем вновь как можно скорее увидеть во главе борющегося рабочего класса. С величайшей радостью мы узнали о большом улучшении, которое за последние недели наступило в Твоем здоровье, и верим, что скоро уже Ты опять будешь с нами»¹¹⁴. В. И. Ленин был избран почетным председателем съезда.

Смерть Ленина была тяжелейшей утратой для всего прогрессивного человечества. Рабочий класс Польши разделял огромную скорбь трудящихся Советской страны.

«От имени глубоко потрясенного польского пролетариата мы выражаем вам наше братское соболезнование и твердую уверенность, что мировой пролетариат с РКП, как своим авангардом, сплотившись вокруг знамени Ильича, доведут начатое им дело до конца», — говорилось в письме представительства КРПП в ИККИ в ЦК РКП(б)¹¹⁵.

В связи со смертью В. И. Ленина ЦК КРПП обратился с воззванием к трудящимся Польши. Он призывал не предаваться даже минутному унынию, ибо «враг не дремлет и готов воспользоваться каждым мгновением печали и малейшего упадка духа»¹¹⁶.

Не было, пожалуй, ни одного города или рабочего поселка, где бы не прошли траурные собрания и митинги рабочих, на которых польские пролетарии не почтили бы память великого вождя революции. В ЦК КРПП и в местные комитеты партии поступали многочисленные резолюции, в которых рабочие заверяли русский и меж-

¹¹⁴ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 248.

¹¹⁵ Там же, стр. 261.

¹¹⁶ Там же, стр. 260.

дународный пролетариат, что они «сплотят еще теснее свои ряды в борьбе за торжество дела Ленина»¹¹⁷.

Во всех городах Домбровского бассейна состоялись траурные собрания и заседания комитетов профсоюзов, находившихся под влиянием КРПП. Проходившая в эти дни конференция Фракции красных классовых профсоюзов Домбровского бассейна приняла специальную резолюцию. В ней подчеркивалось, что «лишь умножение усилий коммунистической партии и всего рабочего класса в борьбе за свержение власти буржуазии и установление власти Советов рабочих депутатов будет настоящей и достаточной почестью памяти великого вождя революции...» и что «...рабочий класс Польши и всего мира соберет все свои силы, чтобы как можно скорее осуществить великую идею, которой посвятил всю свою жизнь вождь международной революции тов. Ленин»¹¹⁸.

Польские правящие круги были встревожены открытым проявлением симпатии польского народа к В. И. Ленину и скорби в связи с его кончиной.

Министерство внутренних дел Польши издало специальное распоряжение, запрещающее «всякие публичные манифестации как на улицах, так и в общественных помещениях», посвященные памяти В. И. Ленина¹¹⁹. Полицией конфисковывались все издания коммунистической партии и некоторые легальные газеты, поместившие материалы о Ленине¹²⁰.

В условиях усилившихся полицейских репрессий рабочий класс Польши отмечал и Первое мая 1924 г. Власти запретили всякие проявления пролетарской солидарности, тем более симпатий к Советскому Союзу. Каждому участнику первомайской манифестации угрожала тюрьма. Но это не останавливало трудящихся Польши. Все больше демонстрантов участвовало в праздничных колоннах, организуемых КРПП. В городах и промышленных центрах праздничные шествия проходили под лозунгами защиты Советской страны от покушений международного империализма и превращались в манифестации братской дружбы между трудящимися Польши и СССР.

¹¹⁷ «Głos Komunistyczny», 11.II 1924.

¹¹⁸ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 267.

¹¹⁹ ГАЛО, ф. 108, оп. 1, д. 233, л. 1.

¹²⁰ CAMSW, W—w, 37, dok. 169, 307.

Ярким выражением симпатий польских трудящихся к Стране Советов явилось празднование 7-й годовщины Октябрьской революции. Вот как, например, корреспондент «Правды» описывал празднование Октября в Верхней Силезии.

«По всей Верхней Силезии распространялись и расклеивались на стенах домов, на видных местах прокламации, посвященные славному годовщине победы пролетариата России и достижениям трудящихся Страны Советов за 7 лет Советской власти. На стенах фабрик, заводов, жилых домов, на заводских трубах виднелись лозунги... На многих заводах и шахтах были вывешены красные знамена»¹²¹.

В приветственной телеграмме ЦК КРПП в адрес ЦК РКП(б) в связи с 7-й годовщиной Октябрьской революции польские товарищи писали: «Из нашего подполья мы следим за ростом силы и международного авторитета СССР, и постоянный прогресс хозяйственного строительства советских республик, неустанные победы Советской власти на международном фронте придают нам бодрость в нашей тяжелой борьбе за приближение польского Октября»¹²².

КРПП укрепляла связи с РКП(б), считая это важнейшим делом всей партии. В опубликованном в партийной печати заявлении по этому поводу ЦК КРПП разъяснял всем коммунистам необходимость «всесторонне использовать огромный революционный опыт РКП», подчеркивая, что «историческое прошлое и нынешняя деятельность РКП являются самой лучшей школой ленинизма, в духе которого надлежит воспитывать широкие круги нашей партии, в особенности партийную молодежь»¹²³.

Некоторое оживление экономических связей в 1923—1924 гг., расширение разного рода информации, шедшей по самым различным каналам, особенно через печать КРПП, создавало почву для установления непосредственных контактов между рабочим классом Польши и СССР. Чаще всего инициаторами выступали профсоюзы, выразившие желание установить связи с родственными про-

¹²¹ «Правда», 12.XI 1924.

¹²² «Документы и материалы...», т. IV, стр. 341.

¹²³ «Głos komunistyczny», 1924, N 49.

фессиональными союзами другой страны путем обмена делегациями.

В начале июля 1924 г. проходил пленум Центральной комиссии профсоюзов Польши. Когда работа пленума подходила к концу, группа участников, представлявшая революционное крыло профсоюзного движения, внесла предложение направить в Советский Союз польскую профсоюзную делегацию. Лидеры ППС, входившие в состав профсоюзного руководства, выступили против каких бы то ни было контактов с советскими профсоюзами. Однако группа профсоюзных работников, внесшая предложение, продолжала энергично настаивать, требуя поставить вопрос на голосование. Большинством голосов Центральная комиссия приняла резолюцию о посылке делегации. Несмотря на это, правое руководство ППС, ссылаясь на отсутствие средств, направлять делегацию в СССР не разрешило¹²⁴.

8 декабря 1924 г. президиум ВЦСПС послал руководству польских профсоюзов письмо, в котором выразил недоумение по поводу невыполнения Центральной комиссией решения пленума направить в СССР рабочую делегацию. В письме подчеркивалось, что делегации будет предоставлена широкая возможность «ознакомиться со всеми сторонами жизни трудящихся Советской страны, с трудом и бытом рабочего класса» и что рабочие Советского Союза «от всей души желают сближения с польскими товарищами»¹²⁵.

Письмо ВЦСПС не появилось в легальной профсоюзной печати Польши, но стараниями КРПП было напечатано подпольно и в виде листовок распространялось среди рабочих, его обсуждали на профсоюзных собраниях.

Требования КПП направить польскую рабочую делегацию в СССР особенно стали настойчивыми накануне III съезда профсоюзов Польши (июль 1925 г.). В циркуляре, разосланном ЦК КПП местным организациям партии в связи с подготовкой к съезду, указывалось: «Мы должны требовать как посылки делегации в СССР, так и приглашения делегации советских профсоюзов на III съезд профсоюзов». ЦК КПП ориентировал

¹²⁴ «Правда», 9.VII 1924.

¹²⁵ «Правда», 10.XII 1924.

партию и профсоюзы на развертывание широкой кампании за установление связей с профсоюзами СССР ¹²⁶.

Инициатива по установлению контактов с родственными союзами Польши была проявлена рядом профсоюзов СССР. В апреле 1924 г. ЦК Всероссийского профсоюза работников пищевой промышленности направил руководству профсоюза пищевиков Польши письмо с приглашением прислать делегацию на открывавшийся V съезд профсоюза. Однако польские власти сочли недопустимой поездку представителей польского рабочего класса в Страну Советов. Они опасались, что контакты с советскими рабочими будут способствовать распространению среди польского народа правды об успехах СССР в строительстве социализма.

В 1924 г. было положено начало установлению дружественных контактов между профсоюзами кожевников. В Москве в декабре 1924 г. проходил VI Всесоюзный съезд профсоюза рабочих кожевенной промышленности, на который была приглашена делегация братского польского профсоюза. Власти Польши, однако, снова не разрешили польским рабочим воспользоваться приглашением советских друзей. В октябре этого же года ЦК профсоюза кожевников СССР в знак солидарности прислал польскому союзу кожевников 200 рублей в фонд помощи бастовавшим рабочим ¹²⁷.

Не состоялась и поездка в Польшу делегации советских железнодорожников, приглашенных Красной фракцией профсоюза железнодорожников Польши на очередной профсоюзный съезд в октябре 1924 г. Телеграмма с текстом приглашения, видимо, умышленно была задержана польскими властями вплоть до дня открытия съезда ¹²⁸.

Польские правящие круги в своем стремлении разобщить рабочий класс и изолировать его от коммунистического влияния всячески препятствовали развитию контактов польских трудящихся с Советской страной. Этим и объясняется тот факт, что многие попытки трудящихся установить непосредственные контакты, в том

¹²⁶ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 383.

¹²⁷ ЦПА, ИМЛ, ф. 495, оп. 124, л. 25, л. 18

¹²⁸ Там же, л. 17.

числе и обмен рабочими делегациями, наталкивались на решительный отказ польских властей и реакционного руководства профсоюзов.

Однако чувства пролетарской солидарности имели такую силу, что они преодолевали все запреты буржуазных властей. Польский пролетариат под руководством КРПП вел активную борьбу за улучшение отношений и развитие многосторонних связей с Советской страной, разоблачал клевету польской реакции на первое в мире государство рабочих и крестьян. В свою очередь трудящиеся СССР оказывали большую моральную поддержку пролетариату Польши в его революционной борьбе и материальную помощь политзаключенным революционерам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Время от подписания Рижского мира с Польшей до конца 1924 г. было важным этапом в развитии Советского государства. Используя мирную передышку, Коммунистическая партия и Советское правительство приступили к мобилизации всех сил и средств на быстрейшее восстановление народного хозяйства и построение фундамента социалистической экономики. Решению этой задачи была подчинена и внешняя политика Советского государства.

Деятельность советской дипломатии в этот период была направлена на то, чтобы максимально использовать наступивший период мирного сосуществования для укрепления внешнеполитических позиций, окончательно выйти из состояния политической изоляции, установить дипломатические отношения с капиталистическими государствами.

Что касается отношений с Польшей, то Рижским мирным договором были заложены прочные основы для плодотворного добрососедского сотрудничества. Требовалось лишь последовательное соблюдение договора и выполнение установленных в нем обязательств. Этому и добивалось Советское правительство с первых же месяцев после его ратификации, приступив к реализации своих далеко не легких обязательств.

В то же время польское правительство пошло по пути серьезных нарушений Рижского мира. Оно продолжало финансировать и оказывать разнообразную поддержку петлюровскими и белогвардейским бандам и организациям, не прекращавшим вести вооруженную борьбу с советскими республиками, игнорировало выпол-

нение статьи VII договора относительно украинского и белорусского национальных меньшинств, стремилось сколотить антисоветский блок прибалтийских государств и т. д.

Оставались невыполненными постановления Рижского договора о заключении торгового соглашения и соглашения о транзите. Несмотря на огромные возможности, товарообмен между обеими странами осуществлялся в минимальных количествах. Польские власти препятствовали развитию советского транзита в Германию и другие страны Западной Европы.

Дальнейшее укрепление Советского государства и рост его международного авторитета, особенно после образования Союза ССР, заставили западные державы отказаться от повторной вооруженной агрессии. Острая же нужда в российских рынках вынудила правительства Англии, Франции, Италии и других государств признать Советское правительство де-юре и завязать с ним экономические отношения.

Это обстоятельство, а также временное ослабление влияния на внешнюю политику польского государства пилсудчиков и их сторонников из группировки «левых» партий привели к некоторому ослаблению напряженности в советско-польских отношениях. Несколько расширились торговые связи. В 1923—1924 гг. в соответствии с постановлениями Рижского договора были заключены советско-польские конвенции: железнодорожная, почтово-телеграфная, санитарная, консульская. В 1924 г. в основном была завершена работа реэвакуационной и специальной смешанных советско-польских комиссий, созданных для проведения в жизнь экономических статей Рижского договора.

Однако сколько-нибудь серьезного улучшения советско-польских отношений не произошло.

Банкротство финансовой реформы, которую взялось осуществить правительство эндека Вл. Грабского за счет усиления эксплуатации трудящихся, резкое ухудшение экономического положения в стране склонили польскую буржуазию к поискам покровительства у англо-американских финансовых магнатов. Вновь активизировались пилсудчики — давние сторонники англо-американской ориентации. Польша попадала во все большую зависимость от англо-американского капитала.

Надеясь получить у этих государств финансовую помощь, она не только не противилась принятию так называемого плана Дуэса — плана возрождения экономического и военного потенциала Германии и направления германской экономической экспансии на Восток, но и была вынуждена его одобрить.

Год спустя были подписаны Локарнские соглашения, из которых уже явно следовало намерение западных держав включить Германию в сколачиваемый антисоветский военный блок. Отказ участников Локарно от гарантирования границ Польши с Германией ясно указывал германскому империализму путь его военной агрессии — на восток через Польшу.

Но и в этих условиях правительство Польши не пошло на сближение с СССР, последовательно борющимся против угрозы германской агрессии, за создание системы коллективной безопасности в Европе.

Советское правительство продолжало тем не менее свою миролюбивую политику в отношении Польши. Эта политика находила полную поддержку у рабочих и крестьян СССР.

В рассматриваемый период значительно укрепились связи между трудящимися Советской страны и рабочим классом Польши, нашедшие выражение в пролетарской солидарности, в борьбе за мир и социальные преобразования.

Пролетариат Польши, не прекращавший борьбу за свои права в условиях буржуазной диктатуры, с существованием СССР связывал надежды на свое светлое будущее и активно выступал в защиту Советской страны. Эту борьбу возглавляла КРПП. Несмотря на репрессии, коммунисты пропагандировали достижения СССР в хозяйственном строительстве, разоблачали антисоветскую политику правящих кругов Польши, требовали расширения экономических связей с СССР.

В дальнейшем братская дружба между трудящимися СССР и Польши стала решающей силой в борьбе с гитлеровскими агрессорами, привела к победе и установлению в Польше народно-демократического строя.

БИБЛИОГРАФИЯ

-
- Ленин В. И.* Политический отчет ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 281—285.
- Ленин В. И.* Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 г. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 319—333.
- Ленин В. И.* Доклад о внутреннем и внешнем положении республики на совещании актива Московской организации РКП(б) 9 октября 1920 г. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 338—341.
- Ленин В. И.* Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполкомов Московской губернии 15 октября 1920 г. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 344—361.
- Ленин В. И.* Речь о внешнем и внутреннем положении и задачах партии на Московской губернской конференции РКП(б) 21 ноября 1920 г. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 17—38.
- Ленин В. И.* Доклад ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике на VIII Всероссийском съезде Советов 22 декабря 1920 г. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 128—161.
- Ленин В. И.* Заключительное слово по докладу ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике 23 декабря 1920 г. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 172—177.
- Ленин В. И.* Речь на IV Всероссийском съезде рабочих швейной промышленности 6 февраля 1921 г. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 310—318.
- Ленин В. И.* Речь на заседании пленума Московского Совета 24 февраля 1921 г. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 353—366.
- Ленин В. И.* Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) на X съезде РКП(б) 8 марта 1921 г. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 7—33.
- Ленин В. И.* Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 130—144.
- Ленин В. И.* Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 146—161.
- Ленин В. И.* Речь при закрытии X Всероссийской конференции РКП(б) 28 мая 1921 г. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 340—341.
- Ленин В. И.* Доклад о тактике РКП(б) на III конгрессе Коммуни-

стического Интернационала 5 июля 1921 г. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 34—54.

Ленин В. И. Письмо польским коммунистам 19 октября 1921 г. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 180—181.

Ленин В. И. Речь о международном и внутреннем положении Советской Республики на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 1—16.

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения, т. I. М., 1957.

Калинин М. И. Статьи и речи (1919—1935). М., 1936.

Красин Л. Б. Вопросы внешней торговли. М., 1928.

Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.

Brun J. Pisma wybrane, t. I. Warszawa, 1955.

Koszutska M. (W. Kostrzewa). Pisma i przemówienia, t. II. Warszawa, 1961.

Lauer-Brand H. Pisma i przemówienia. Warszawa, 1970.

Leński J. O front ludowy w Polsce. Warszawa, 1956.

Marchlewski J. Wybór pism i przemówień, t. II. Warszawa, 1958.

Документы РКП(б), КПП и Коминтерна

Десятый съезд РКП(б), март-апрель 1921. Стенограф. отчет. М., 1961.
Одиннадцатый съезд РКП(б), март-апрель 1922. Стенограф. отчет. М., 1961.

Двенадцатый съезд РКП(б), 17—25 апреля 1923. Стенограф. отчет. М., 1968.

Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924. Стенограф. отчет. М., 1963.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1960 гг., т. III. М., 1970.

KPP. Uchwały i rezolucje, t. II. Warszawa, 1955.

Коммунистическая партия в борьбе за независимость своей родины. Материалы и документы. Перевод с польского. М., 1955.

Документы и материалы

Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. II. М., 1944.

Внешняя торговля за 10 лет. Сборник материалов. М., 1928.

Генуэзская конференция. Стенографический отчет. М., 1922.

Декреты Советской власти, т. II. М., 1959; т. III. М., 1964.

Дело трудящихся всего мира. Факты, документы, очерки о братской помощи и солидарности трудящихся зарубежных стран с народами СССР. М., 1957.

Документы внешней политики СССР, т. IV. М., 1960; т. V, 1961; т. VI, 1962; т. VII, 1963.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. IV. М., 1966.

Международные отношения и внешняя политика СССР (1871—1957). Сборник документов М., 1957.

Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов. М., 1921.

Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчет НКВД. М., 1923.

Годовой отчет НКВД за 1923 г. к XI съезду Советов. М., 1924.

Годовой отчет НКВД СССР за 1924 г. к III съезду Советов СССР. М., 1925.

- Під прапором Жовтня. Документи і матеріали. Львів, 1964.
- Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир. М., 1958.
- Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. 1—2. М., 1935.
- Советская Россия и Польша. Сборник документов о советско-польских отношениях с апреля по сентябрь 1921 г. М., 1921.
- Conference de Moscou pour la limitation des armements. М., 1923.
- Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Edited by E. L. Woodward and R. Butter. First series, t. I—XIII. London, 1947—1963.
- Dokumenty dotyczące akcji delegacji Polskich w komisjach mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej w Moskwie, zesz. 1—8. Warszawa, 1922—1924
- Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. Warszawa, 1921—1924.
- Kutaniecki K. W. Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1912—styczeń 1924. Kraków—Warszawa, 1924.
- Posłowie rewolucyjni w sejmie 1920—1935. Wybór przemówień, interpelacji i wniosków. Warszawa, 1961.
- Stosunki polsko-radzieckie w latach 1917—1945. Dokumenty i materiały. Warszawa, 1967.
- W XXXV rocznicę Wielkiej Październikowej Socjalistycznej rewolucji. Materiały i dokumenty. Warszawa, 1952.

Монографии и статьи

- Варславан А.* Политика английского империализма в отношении буржуазной Латвии (1920—1923). Рига, 1966.
- Выгодский С. В. И. Ленин* — руководитель внешней политики Советского государства (1917—1923). Л., 1960.
- Ганецкий Я. С.* В поисках архивов В. И. Ленина. «Ленинский сборник», т. II. М.—Л., 1924.
- Гарматюк М. О.* Поширення революційних ідей на Волині в період революційного піднесення (1921—1923 рр.). «Український історичний журнал», 1969, № 9.
- Герасименко М., Дудикевич Б.* Борьба трудящих Західної України за возз'єднання з Радянською Україною. Київ, 1960.
- Дело Бориса Савинкова. М., 1924.
- Джорджула А. О.* З історії українсько-польських економічних відносин (1920—1922 рр.). «Питання нової та новітньої історії», вип. 2. Київ, 1965.
- Дзержинская С. С.* В годы великих боев. М., 1965.
- Домбаль Т.* Речь депутата Томаша Домбаля, произнесенная перед окружным судом в Варшаве 4 июля 1922 г. (по судебной стенограмме) Варшава, 1922.
- Ивашин И. Ф.* Очерки истории внешней политики СССР. М., 1958.
- Иоффе А.* От Генуи до Гааги. М., 1923.
- История внешней политики СССР. 1917—1966, ч. I. М., 1966.
- История дипломатии, т. III. М., 1965.
- История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 2. М., 1968; т. 4, кн. 1, 1970.
- История Польши, т. III. М., 1958.
- Кон Ф.* Современная Польша. М., 1924.
- Кравець М. М.* Нариси робітничого руху в Західній Україні в 1921—1929 рр. Київ, 1959.

- Кундюба И. Л.* Исторические предпосылки краха панской Польши. Киев, 1959.
- Малявин П. М.* Рабочее движение в Польше в 1918—1939 гг. М., 1958.
- Неволина В. С.* К истории борьбы КРПП за осуществление ленинской тактики единого фронта (1921—1922 гг.). Сб. «Ленин и Польша». М., 1970.
- Ольшанский П. Н.* Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918—март 1921 г.). М., 1969.
- Ольшанский П. Н.* Советско-польские отношения в 1921—1924 гг. «Советское славяноведение», 1972, № 1.
- Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, ч. 1. Минск, 1961.
- Полюян В. и Полуян И.* Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920—1939 гг. Минск, 1962.
- Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921—1939). Минск, 1966.
- Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг. М., 1953.
- Сиполс В. Я.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в планах империалистических держав 1919—1940. Рига, 1968.
- Хренов И. А.* Коммунистическая партия Польши на путях превращения в партию нового, ленинского типа (1918—1923 гг.). «Из истории польского рабочего движения». М., 1962.
- Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. М., 1958.
- Яжборовская И. С.* Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. М., 1967.
- Ajnenkiel A.* Od «rządów ludowych» do przewrotu majowego. Zarys dziejów politycznych Polski 1918—1926. Warszawa, 1963.
- Arski St.* My—Pierwsza brygada. Warszawa, 1962.
- Batowski H.* Srodkowo-europejskie koncepcje w polskiej polityce zewnetrznej w latach 1918—1939. «Pamiętnik wszechpolskiego zjazdu historyków polskich...», Warszawa, 1968.
- Cieślak T.* Geneza sojuszu polsko-radzieckiego. «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały», t. II. Warszawa, 1966.
- Czubiński A.* Ruch robotniczy we wschodnich powiatach Wielkopolski w okresie II Rzeczypospolitej. Poznań, 1962.
- Danilewicz J.* Ruchy rewolucyjne na ziemiach Polski południowo-wschodniej 1918—1923. Gdańsk, 1964.
- Daszkiewicz W.* Walka państwa Radzieckiego o pokój i bezpieczeństwo (lata 1917—1925). «Sprawy międzynarodowe», 1962, N 11.
- Dzitkowska H.* Zabiegi o rynek rosyjski dla łódzkiego przemysłu włókienniczego w latach 1921—1922. «Rocznik łódzki», t. XI (XIV), 1966.
- Fajkowski Z.* Stronnictwa chłopskie wobec Związku Radzieckiego 1918—1949. «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały», t. VII. Warszawa, 1970.
- Historia Polski, t. IV. 1918—1939, cz. 1. Warszawa, 1966.
- Historia polskiego ruchu robotniczego 1864—1964. t. I. Warszawa, 1967.
- Jędruszczak T.* O kryteriach oceny dziejów Polski w okresie międzywojennym (1918—1939). «Kwartalnik Historyczny», 1958, N 2.
- Jurkiewicz J.* Moskiewska konferencja rozbrojeniowa w grudniu 1922 r.

- «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały», t. I. Warszawa, 1965.
- Jurkiewicz J.* Niektóre problemy stosunków polsko-radzieckich w okresie międzywojennym 1918—1939. «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały», t. II. Warszawa, 1966.
- Kolski W.* W służbie ludu pod sztandarem KPP. Warszawa, 1955.
- Kowalski J.* Zarys historii polskiego ruchu robotniczego w latach 1918—1939, cz. I. Warszawa, 1962.
- Kumaniecki J.* Po traktacie ryskim. Stosunki polsko-radzieckie 1921—1923. Warszawa, 1971.
- Landau Z., Tomaszewski J.* O Polityce zagranicznej Polski w latach 1924—1925. «Kwartalnik Historyczny», 1961, N 3.
- Łańcucki St.* Wspomnienia. Warszawa, 1957.
- Łopatniuk S.* W pierwszych latach po traktacie ryskim. «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały», t. II. Warszawa, 1966.
- Malinowski H.* Powstanie i pierwszy okres działalności KPP. Warszawa, 1957.
- Micewski A.* W cieniu marszałka Piłsudskiego. Szkice z dziejów myśli politycznej II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1968.
- Mikulicz S.* Od Genui do Rapallo. Warszawa, 1966.
- Mikulicz S.* Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1971.
- Próchniak A.* (Henryk Swoboda). Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej. Zarys dziejów politycznych. Warszawa, 1957.
- Rek T.* Fakty oskarżają. Kartki z dziejów burżuazyjno-obszarniczego sejmu 1919—1922. Warszawa, 1954.
- Skrzypek A.* Układ polsko-bałtycki z 17 marca 1922. «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich», Studia i materiały» t. VIII. Warszawa, 1971.
- Wroński St., Wojewoda K.* Dokumenty mówią. (Przyczynek do stosunków polsko-radzieckich w latach 1921—1925). Warszawa, 1956.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарон 172
Авксентьев Н. Д. 50
Айненкель А. 10
Ануш А. 56
Арумяэ Х. 7, 96, 99
Арцишевский Т. 105
Аст 96
- Балодис Я. 97
Барту Ж. 109
Бенеш Э. 108, 129
Беренсон Л. 93
Бисмарк О. 174
Бриан А. 50
Брокдорф-Ранцау У. 136
Балахович (см. Булак-Балахович)
Брауде А. 212
Булак-Балахович С. 29, 30, 39, 40, 42—44, 46, 63
Будзыньский Ст. 24
Будкевич К. 148
Бузек 251
- Валецкий Г. 114
Вальрот 126
Вандыч П. 9
Варслан А. 7
Василевский Л. 9
Васюта И. К. 8
Веннола 95, 99, 156, 158
Вентури 118
Венцковский А. 205
Венява-Длугошевский Б. 248
Веруш-Ковальский 117.
Весманис Я. 132
Вирт И. 111
- Витос В. 14, 52, 61, 149—153, 244, 248
Вишневицкий Ю. 264
Войков П. Л. 168, 191, 192, 202, 204, 207—209, 211—213, 215, 216, 255—257, 259
Войцеховский С. 131, 144, 145, 234, 248
Воликовский Р. 147
Волошиновский И. 33
Врублевский В. 247
Выгодский С. 249
Вышинский К. 240, 256
- Гальванаскас Э. 157
Ганецкий Я. 91, 102, 121, 130, 167, 168, 189, 224
Гарматюк М. О. 8
Гаррисон 251
Гартман 97
Герасименко М. 8
Герек Э. 6
Герчек Б. 188
Гершович 194
Гжимала-Грабовский Ю. 8
Гиманс П. 141
Гломбинский С. 223
Гнилорыбов М. 46
Горчаков С. Г. 91
Грабский В. 244, 245, 248
Громько А. А. 7
Гуляй-Гуленко 37
Гусарский Ю. 91, 118, 119
- Даровский Л. 16, 17, 234, 235, 246
Дауэс Ч. 249—253, 258, 274

- Дашинский И. 105
 Дашкевич В. 11
 Дикгоф-Деренталь А. 41, 46, 63
 Дмовский Р. 8, 181, 185, 187
 Днестровский 193
 Добротворский 33
 Довнарлович С. 73
 Домбаль Т. 264
 Домбский Я. 16, 45, 47, 48, 62—
 64, 150, 247
 Домский Л. 153
 Дубанович Э. 153
 Дудыкевич Б. 8
 Дука Г. 160
- Жарновский Я.** 205
Жулавский З. 246
- Закревский И.** 217
Залевский А. 117
Залесский А. 179, 180
Залевский С. 91
Залускис 211, 212
Замойский М. 83, 117, 180, 181,
 229, 231, 232, 234, 246
Заморский Я. 51
Заремба З. 9
Заленский В. 31, 63
- Игнатов Е. Н.** 21
- Иодко-Наркевич В.** 102, 104
- Калинин М. И.** 235
Калиновский Ю. 9
Кальниш 97
Каменецкий В. 19
Каналетто Д. 207
Карахан Л. М. 16, 18, 38, 39, 61—
 65, 89, 130
Касперский К. 91
Каузик С. 20, 175, 203
Кедронь Ю. 236
Керзон Д. 179
Клейтон 248
Кнюль Р. 62, 130, 131, 146, 155,
 167—170, 175, 176, 180, 206
Княжелуцкий 38
Ковальский В. Т. 11
Ковальский С. 264
Ковальский Ю. 10
Козицкий С. 8
Комарницкий Т. 9
Кон (Kohn) И. 193
- Копп В. Л.** 170, 176—182, 184,
 185, 187, 188, 190, 240
Корбель Я. 9
Костюшко Т. 215
Кравец М. М. 8
Красин Л. Б. 60, 119
Красуский Е. 11
Крелер 118
Крестинский Н. Н. 175
Кросновский 208
Круликовский С. 144, 237, 253
Кузьмицкий 181
Куманецкий Е. 10
Куманецкий К. В. 98, 177, 185,
 226
Кунце Э. 211
Кутшеба С. 8
- Ладзиньш** 97
Ладось А. 15
Ландау З. 10, 84
Ланьцуцкий С. 69, 144, 237, 238,
 239
Ледницкий А. 205
Леман 97
Ленин В. И. 11, 12, 16, 23, 68, 69,
 74, 80, 105, 106, 109, 110, 115,
 206, 265, 266, 267
Литвинов М. М. 53, 54, 102, 119,
 123, 131—133, 136, 137
Ллойд-Джордж Д. 51, 83, 115
Лонцкий 168
Лопатнюк С. 11
Лоренц И. 15
Лоссовский П. 141
Лукашевич 33
Ляуэр Г. 264
- Маевский** 173
Макдональд Д. 230, 245, 246
Манусевич А. Я. 21
Матушевский И. 36, 43, 44
Мееровиц З. 97, 102, 124, 126,
 177, 178
Мейер Е. 118
Мертц 147
Миклашевский Б. 223
Микулич С. 9, 87, 109, 112
Моравский З. 121
Мрозовский Е. 117
Мюллер М. 178, 249
Мягков А. 46, 63
Мясков К. Т. 188

- Нансен Ф. 74, 78
Нарутович Г. 119, 120, 124, 125, 144, 149
Нарушевич (Нарушевичиус) Т. 179
Недзялковский М. 105, 246
Никовский А. 33
Ниссель А. 35
Новак Ю. 120, 124
Нуланс Ж. 75, 76, 83
Оболенский Л. Л. 91, 100, 101, 125, 130, 131, 145, 148, 160, 162, 170, 181, 234, 255
Одинец Д. 41, 46
Ольденбург С. Ф. 212
Олешевич В. 91
Ольшевский А. 47, 175, 193, 202, 207
Ольшовский К. 251
Опик О. 158
Павленко-Омельянович М. 63
Павловский 189
Палий 38
Патек С. 247
Пекарский Ю. 216
Перемыкин И. 29, 30, 39, 40, 42, 46
Перетти 83
Перль Ф. 163, 185
Петлюра С. 29—35, 37, 42, 46, 48, 58, 65
Пилипчук П. 33
Пийп А. 97, 102, 103, 123, 137
Пилсудский Ю. 9, 14, 29, 31, 36—41, 51, 52, 61, 119, 120, 124, 128—131, 144, 150, 152, 153, 163, 248, 249
Пильц Э. 35
Побуг-Малиновский В. 9, 101
Познаньский К. 91, 240
Познер 187
Полуян В. 7
Полуян И. 7
Пониковский А. 52, 61, 86, 107, 124
Пономарев Б. Н. 7
Португалов В. 41
Поч К. 7
Птасиньский С. 211
Пуанкаре Р. 82, 83
Пужак К. 105
Пулаский Ф. 19, 64
Пятс 96
Радзивилл Я. 131, 132, 136
Розвадовский Т. 37
Розе Э. 118
Роникер А. 245
Ропп Э. 77
Рудзкий К. 196
Рудин А. 63
Ружицкий 168
Рутштейн 203
Савинков Б. В. 29, 30, 39—46, 48, 53, 58, 63, 65, 76
Савинков В. В. 40, 46, 63
Салтыков-Щедрин М. Е. 211
Сапега Е. 30, 41, 45
Сапега К. 215
Свида 42
Свидерский Ч. 216
Сейда М. 151, 153, 157, 160—162, 169, 171, 175, 178—183, 187
Сельяма Ю. 132
Семполовская С. 73
Серковский 171, 172
Сикорский В. 9, 97, 143, 144, 148, 150, 227, 248,
Симонс В. 35
Сиполс В. Я. 126, 128
Скирмунт К. 19, 62, 87, 89, 94, 97, 101, 104, 105, 107, 108, 111—113, 116, 117, 124, 129, 247
Скоропадский П. П. 35
Скульский Л. 30, 223
Скшиньский А. 140, 146, 247, 255, 256; 258, 259
Славек В. 38
Славиньский 35
Сливиньский А. 124
Смидович П. Г. 132
Собаньский В. 117
Сосновский К. 25, 42, 124, 144, 150
Спирс 251
Стажиньский Я. 9
Станислав Август 215
Стемпковский С. 33
Стефаньский З. 89, 91, 102, 130, 224
Стиннес Г. 35
Стоцкий 35
Страсбургер Г. 91, 117—119, 157, 167, 169
Строньский С. 163, 185
Суходневский 171

- Тарашкевич Б. 223
Тенненбаум Г. 91, 235, 236, 248, 258
Теслер В. 95
Томашевский Е. 10, 84
Трускер 236
Турский М. 166, 173
Тютюнник Ю. 33, 35—37, 46, 63
- Ульяницкий В. 41
Умястовский Р.
- Фаберкевич В. 167, 168
Федер Т. 264
Федоров 171, 173, 174
Филалити 61
Филипович Т. 17, 19, 47—49, 53, 54, 56, 62, 77, 117
Философов Д. 41, 46
Фогельмест 171
Фош Ф. 51
Франшек 172
Фридман Л. 264
Фридман Ф. 203
- Хандельсман М. 211
Харин 193
Хвостов В. М. 7
Хенгель 202, 203
Хлаповский А. 247
Холсти Р. 97
Хургин Я. 91
Хюбнер В. 264
- Цегельский Г. 84
Цепляк Я. 148, 183
- Цесляк Т. 10
Цехановский Я. 117, 178, 179
- Чарноцкий 37
Черчилль У. 51
Чичерин Г. В. 14, 15, 46, 48, 49, 53, 56, 64, 101, 102, 108, 110, 112, 113, 120, 152, 155, 164, 167, 169, 170, 206, 227, 255, 259
- Шахт Г. 252
Шептицкий С. 150
Шерешевский 193
Шмидт О. Ю. 47
Штейн Б. Е. 240
Штейнберг 171
Штреземан Г. 252
Шульгин А. 34, 35
Шумляковский М. 119
Шумский А. Я. 19, 64, 89, 91, 100
- Щерковский А. 190
Щипковский Д. 264
- Энкель К. 132
Эррио Э. 231, 247
- Юзефский Г. 33
Юнг Х. 244, 249
- Яблоньский Г. 246
Явожинский Б. 9
Яжборовская И. С. 7
Ярославцев Д. 63
Ясиньский 171

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
-----------------	---

Глава первая
Советско-польские отношения
в первые месяцы после подписания Рижского мира
(март—октябрь 1921 г.)

1 Усилия Советского правительства по быстрейшему установлению дипломатических отношений с Польшей.	12
2 Начало реализации статьи IX Рижского договора по обмену военнопленными и репатриации беженцев. Работа смешанной пограничной комиссии.	20
3 Помощь польской военщины петлюровцам в подготовке нападения на Советскую Украину.	28
4 Поддержка антисоветской деятельности организации Савинкова правящими кругами Польши.	39
5 Обострение польско-советского конфликта в сентябре 1921 г. и усилия Советского правительства по его ликвидации. Протокол от 7 октября.	47
6 Международная кампания помощи голодающим в России, участие в ней польских прогрессивных сил и позиция правящих кругов Польши.	66

Глава вторая
Советская Россия и Польша
в период Генуэзской конференции

1 Канские решения и политика Польши.	80
2 Варшавская конференция прибалтийских государств.	93
3 Балтийская конференция с участием Советской России. Рижский протокол.	101
4 Советско-польские отношения во время Генуэзской конференции. Договор в Рапалло и Польша.	104
5 Контакты советской и польской делегаций в Гааге.	115
6 Московская конференция по сокращению вооружений.	122

Глава третья
На пути к нормализации
отношений с Польшей

1 Осложнение международной обстановки в первой половине 1923 г. и советско-польские контакты.	139
2 Развитие советско-прибалтийских связей и Польша.	154
3 Нотификация об образовании Союза ССР и Польша.	160

Глава четвертая
Выполнение обязательств
по Рижскому договору (1923—1924 гг.)

1 Восстановление торгово-экономических связей между СССР и Польшей.	165
2 Реализация материальных обязательств.	191
3 Выполнение обязательств по статье XI Рижского договора.	205
4 Выполнение статьи VII Рижского договора.	220

Глава пятая
Изменение политической обстановки в Европе
и советско-польские отношения (1924 г.)

1 Признание СССР западными державами и внешнеполитический курс Польши.	230
2 Усиление западной ориентации Польши. Активизация пилсудчиков.	243
3 Укрепление пролетарской солидарности трудящихся СССР и Польши.	260
Заключение	272
Библиография	275
Указатель имен	280

ПРОХОР НИКОЛАЕВИЧ ОЛЬШАНСКИЙ
РИЖСКИЙ ДОГОВОР
И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ
1921—1924

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. В. Шелудько*
Художник *А. А. Куценко*
Художественный редактор *В. Н. Тикун*
Технические редакторы *Т. И. Анурова, Э. Кунина*

Сдано в набор 23/X 1973 г. Подписано к печати 5/III 1974 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 15,5
Тираж 1300. Т-01763. Тип. зак. 5657.

Цена 1 р. 17 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Предлагаем Вашему вниманию
книги издательства
«НАУКА»

Документы и материалы по истории советско-польских отношений.

Т. 1. Февраль 1917 — ноябрь 1918 г. 1963. 547 стр. 1 р. 23 к.

Т. 2. Ноябрь 1918 — апрель 1920 г. 1964. 720 стр. 1 р. 55 к.

Т. 5. Май 1926 — декабрь 1932 г. 1967. 612 стр. 2 р. 76 к.

Т. 6. 1933—1938 гг. 1969. 432 стр. 2 р. 48 к.

История и культура славянских народов. Польское освободительное движение XIX—XX вв. и проблемы истории культуры.

1966. 240 стр. 1 р. 14 к.

История Польши. В трех томах. Дополнительный том. Очерки истории Народной Польши.

1965. 583 стр. 3 р. 48 к.

Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 37. Русско-польские революционные связи.

1963. 116 стр. 59 к.

МИСКО М. В.

Польское восстание 1863 г.

1962. 336 стр. 1 р. 28 к.

НОСКОВА А. Ф.

Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. (Территория генерал-губернаторства). 1939—1944.

1971. 255 стр. 83 к.

Русско-польские революционные связи. Материалы и документы. Т. 2.

1963. 791 стр. 1 р. 90 к.

Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г. Сборник статей и материалов.

1962. 611 стр. 2 р. 70 к.

ЯЖБОРОВСКАЯ И. С.

Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. 1918—1923 гг.

1967. 300 стр. 1 р. 20 к.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА В-464, Мичуринский проспект, 12,
магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7,
магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы
«Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига»

Адреса магазинов «Академкнига»:

- 480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;
- 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
- 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24;
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
- 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303;
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31;
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
- 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;
- 199164 Ленинград, Менделеевская линия, 1;
- 199004 Ленинград, 9 линия, 16;
- 103009 Москва, ул. Горького, 8;
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22;
- 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
- 700029 Ташкент, ул. К. Маркса, 29;
- 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73;
- 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
- 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
- 450075 Уфа, проспект Октября, 129;
- 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
- 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.